

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 11 № 2 / 2021

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 11 № 2 / 2021

**Известия Юго-Западного
государственного университета.**

Серия: История и право

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, криминалистика, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Исторические науки и археология: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Юридические науки: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Политология: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Глухова Александра Викторовна, д-р полит. наук, профессор, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Курбанов Рашад Афатович, д-р юрид. наук, профессор, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Ларина Ольга Григорьевна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Марковичева Елена Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Москва, Россия)

Молокова Маргарита Александровна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Устинович Елена Степановна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Чубаров Вадим Витальевич, д-р юрид. наук, профессор, Торгово-промышленная палата Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя и издателя:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2019

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.
Подписной индекс журнала 44296
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 26.04.2021. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 24,3.

Тираж 1000 экз. Заказ 12.

16+

Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU.

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Historical Studies and Archaeology: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Juridical Studies: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Political Studies: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Russia, Kursk)

EDITORIAL BOARD

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Russia, Kursk)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Russia, Kursk)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo)

Aleksandra V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Russia, Moscow)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Russia, Kursk)

Rashad A. Kurbanov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Olga G. Larina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Elena V. Markovicheva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Russia, Moscow)

Margarita A. Molokova, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Russia, Kursk)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Russia, Izhevsk)

Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Vadim V. Chubarov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

Official address of the Publisher:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Southwest State University, 2019

 Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 26.04.2021. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 24,3.
Circulation 1000 copies. Order 12.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	10
Косвенные и неопровержимые презумпции: некоторые размышления к старым дискуссиям.....	10
<i>Давыдова М. Л.</i>	
Социальное обеспечение семей военнослужащих в первые годы Великой Отечественной войны: историко-правовые аспекты.....	21
<i>Володина О. В., Пенькова А. Н.</i>	
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО	31
Избирательная система России: правовые позиции Конституционного Суда	31
<i>Гуторова А. Н.</i>	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	43
Проблемы толкования понятия «информационная инфраструктура» в связи с инфляцией современного Уголовного кодекса Российской Федерации.....	43
<i>Новичков В. Е.</i>	
О повышении эффективности противодействия финансированию экстремистской деятельности	55
<i>Грудачёв И. В.</i>	
Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны обращения ценных бумаг	68
<i>Рыженков Н. Н.</i>	
О правовой неурегулированности процедуры помещения по заявлению прокурора несовершеннолетних в специальные учебные учреждения закрытого типа.....	80
<i>Сапронова К. А.</i>	
ПОЛИТОЛОГИЯ	88
Государственная отраслевая политика как проблемное поле исследований в политической науке	88
<i>Устинович Е. С.</i>	
Политика США по реализации национальных интересов в сфере развития международных морских коммуникаций в Арктическом регионе.....	95
<i>Чернега В. С.</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	106
История отечественной промышленности второй половины XX века в трудах современных исследователей (региональный аспект).....	106
<i>Коровин В. В., Копылов Н. К.</i>	
Основы организации оборота алкоголя в России (1863–1894 годы).....	120
<i>Горюшкина Н. Е.</i>	
Урбанизация как фактор диверсификации отечественного музыкального профессионального образования в 50–80-е годы XX века (на материалах Ульяновской области).....	130
<i>Суетин И. Н., Мухамедов Р. А.</i>	
Становление и развитие футбола в Курской губернии (конец XIX – начало XX века).....	146
<i>Цуканова О. М., Карпова Г. Г.</i>	
М. М. Сперанский и его мировоззрение: штрихи к портрету государственного деятеля	155
<i>Козлова О. В., Христенко Д. Н.</i>	

Развитие трамвайной сети в областных центрах РСФСР в 1965–1985 годах (на примере города Курска).....	166
<i>Носов Д. М.</i>	
Приобщение жителей Иркутской губернии к искусству Обществом распространения народного образования и народных развлечений (1900–1908).....	175
<i>Ткачев В. В.</i>	
«Первый народный военный министр» А. И. Гучков и «культ борцов за свободу» весной 1917 года	183
<i>Хвалин Т. А.</i>	
Проблемы обеспечения вещевым имуществом войск Центрального фронта в ходе подготовки к Курской битве.....	194
<i>Байрамов Р. С.</i>	
Доходы помещичьих хозяйств России в годы Первой мировой войны	201
<i>Колупаев А. А.</i>	
К сведению авторов	210

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW	10
Indirect and Irrefutable Presumptions: Some Musings to Old Discussions.....	10
<i>Marina L. Davydova</i>	
Social Security for Families of Military Personnel in the Early Years of the Great Patriotic War: Historical and Legal Aspects.....	21
<i>Olga V. Volodina, Angelina N. Penkova</i>	
CONSTITUTIONAL LAW	31
The Electoral System of Russia: Legal Positions of the Constitutional Court	31
<i>Alla N. Gutorova</i>	
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	43
Problems of Interpreting the Concept of "Information Infrastructure" in Connection with the Inflation of the Modern Criminal Code Russian Federation.....	43
<i>Valery E. Novichkov</i>	
On Increasing the Effectiveness of Countering the Financing of Extremist Activities.....	55
<i>Ilya V. Grudachev</i>	
Some Issues of Criminal Law Protection of Securities Circulation.....	68
<i>Nikolay N. Ryzhenkov</i>	
With Regard to the Legal Uncertainty of the Procedure for the Placement of Juveniles in Special Closed Educational Institutions, at the Request of the Prosecutor.....	80
<i>Kseniya A. Sapronova</i>	
POLITICAL SCIENCE	88
Public Sector Policy as a Problem Area for Research in Political Science.....	88
<i>Elena S. Ustinovich</i>	
U. S. Policy on the Implementation of its National Interests in the Development of International Maritime Communications in the Arctic Region.....	95
<i>Vasily S. Chernega</i>	
HISTORICAL SCIENCES	106
The History of Domestic Industry in the Second Half of the Twentieth Century in the Works of Modern Researchers (Regional Aspect).....	106
<i>Vladimir V. Korovin, Nikita K. Kopylov</i>	
Fundamentals of the Organization of Alcohol Turnover in Russia (1863–1894).....	120
<i>Natalia E. Goryushkina</i>	
Urbanization as a Factor in the Diversification of Domestic Musical Vocational Education in the 50–80s of the XX Century (Based on Materials from the Ulyanovsk Region).....	130
<i>Ilya N. Suetin, Rashit A. Mukhamedov</i>	
Formation and Development of Football in Kursk Province (Late XIX – Early XX Century)	146
<i>Olga M. Tsukanova, Galina G. Karpova</i>	
M. M. Speransky and his Worldview: Touches to the Portrait of a Statesman.....	155
<i>Olga V. Kozlova, Dmitrii N. Khristenko</i>	
Development of the Tram Network in the Regional Centers of the RSFSR in 1965–1985 (on the Example of the City of Kursk).....	166
<i>Dmitry M. Nosov</i>	

The Introduction of the Inhabitants of the Irkutsk Province to Art by the Society for the Dissemination of Public Education and Folk Entertainment (1900–1908).....	175
<i>Vitaliy V. Tkachev</i>	
“First People War Minister” A. I. Guchkov and “Cult of Freedom Fighters” (Spring of 1917)	183
<i>Tikhon A. Khvalin</i>	
Problems of Providing the Troops of the Central Front with Clothing Equipment in Preparation for the Battle of Kursk.....	194
<i>Ruslan S. Bayramov</i>	
Income of Russia’s Industrial Farms in the Years of the First World War	201
<i>Andrei A. Kolupaev</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS	210

УДК 340

Косвенные и неопровержимые презумпции: некоторые размышления к старым дискуссиям

М. Л. Давыдова¹ ✉

¹Волгоградский государственный университет
Университетский пр-т 100, г. Волгоград 400062, Российская Федерация

✉ e-mail: davidovavl@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Несмотря на серьезную научную традицию исследования правовых презумпций ряд вопросов, связанных с ними, до сих пор вызывает серьезные дискуссии в работах специалистов.

Целью статьи является уточнение авторской позиции по двум спорным вопросам, касающимся косвенных и неопровержимых презумпций, которые обычно рассматриваются как не связанные друг с другом проблемы.

Задачи: раскрыть понятия презумпции, косвенной презумпции и неопровержимой презумпции; проиллюстрировать их примерами из новейшего законодательства.

Методология исследования включает классический набор общенаучных и специально-юридических методов. Оба дискуссионных термина в работе рассматриваются на базе единого подхода к понятию правовой презумпции как юридического предположения, т. е. нормативно закреплённого юридически опровержимого утверждения.

Результаты. В результате исследования делается вывод о том, что такой подход не противоречит существованию косвенных презумпций, но ставит под сомнение утверждение о существовании презумпций неопровержимых.

Выводы. Правовая презумпция включает два элемента: общее правило и установленную законом возможность его опровержения. Отнесение презумпции к числу прямых или косвенных зависит от того, насколько четко и компактно сформулированы в законе оба ее элемента. При этом в обоих случаях речь идет об опровержимых презумпциях. Термин «неопровержимая презумпция» используется для описания не своеобразного механизма действия правовой нормы, а механизма ее формирования. Она не адресована правоприменителю как руководство к действию, а описывает мотивы, побудившие законодателя закрепить то или иное содержание в правовой норме. Понятие «неопровержимая презумпция» имеет право на существование в силу длительной традиции и популярности его использования в юридическом дискурсе. Термин «презумпция» при этом используется в широком значении (как предположение, подразумеваемое либо закреплённое в правовой норме) и охватывает собой две самостоятельные разновидности средств юридической техники: правовые презумпции и правовые фикции. Сторонники такого широкого понимания презумпций должны при этом либо признать понятия «неопровержимая презумпция» и «правовая фикция» синонимами либо просто отказать правовым фикциям в праве на существование.

Ключевые слова: презумпция; правовая презумпция; правовая фикция; правовые предположения; юридическая техника; средства юридической техники.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 20-011-00583 А.

Для цитирования: Давыдова М. Л. Косвенные и неопровержимые презумпции: некоторые размышления к старым дискуссиям // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 10–20.

Поступила в редакцию 10.02.2021

Принята к публикации 17.03.2021

Опубликована 26.04.2021

Indirect and Irrefutable Presumptions: Some Musings to Old Discussions

Marina L. Davydova¹ ✉

¹Volgograd State University
100 University av., Volgograd 400062, Russian Federation

✉ e-mail: davidovavlg@gmail.com

Abstract

Relevance. Despite the serious scientific tradition of studying legal presumptions, a number of issues related to them still cause serious discussions in the works of specialists.

The purpose of the article is to clarify the author's position on two controversial issues concerning indirect and irrefutable presumptions, which are usually considered as unrelated problems.

Objectives: to reveal the concepts of presumption, indirect presumption and irrefutable presumption; to illustrate them with examples from the latest legislation.

Methodology. The research methodology includes a classic set of general scientific and special legal methods. Both debatable terms in the work are considered on the basis of a unified approach to the concept of legal presumption as a legal assumption, i.e. a normatively fixed legally rebuttable statement.

Results. As a result of the study, it is concluded that this approach does not contradict the existence of indirect presumptions, but casts doubt on the assertion of the existence of irrefutable presumptions.

Conclusion. A legal presumption includes two elements: a general rule and the statutory possibility of rebutting it. The classification of a presumption as direct or indirect depends on how clearly and compactly both of its elements are formulated in the law. Moreover, in both cases we are talking about rebuttable presumptions. The term "irrefutable presumption" is used to describe not a peculiar mechanism of action of a legal norm, but the mechanism of its formation. It is not addressed to the law enforcement officer as a guide to action, but describes the motives that prompted the legislator to fix this or that content in the legal norm. The concept of "irrefutable presumption" has a right to exist due to a long tradition and popularity of its use in legal discourse. In this case, the term "presumption" is used in a broad sense (as an assumption implied or enshrined in a legal norm) and encompasses two independent types of legal techniques: legal presumptions and legal fictions. presumption "and" legal fiction "are synonymous or simply deny legal fictions the right to exist.

Keywords: presumption; legal presumption; legal fiction; legal assumptions; legal technique; legal technique.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding. The study was carried out within the framework of the RFBR research project No. 20-011-00583 A

For citation: Davydova M. L. Indirect and Irrefutable Presumptions: Some Musings to Old Discussions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 10–20. (In Russ.)

Received 10.02.2021

Accepted 17.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

Правовая презумпция, являясь традиционным и хорошо изученным средством юридической техники, продолжает привлекать внимание исследователей [1; 2; 3; 4]. При этом анализ новейших публикаций по теме подтверждает тот факт, что основные подходы к понятию право-

вой презумпции давно устоялись, сторонникам их вряд ли удастся переубедить друг друга, поэтому дискуссия преимущественно ведется вокруг поиска дополнительных аргументов и уточнения авторских позиций. Наглядной иллюстрацией сказанного выступают очередные Бабаевские чтения, прошедшие в Ниже-

городской академии МВД в мае 2020 года [5] (см. статьи В. А. Толстика, Ю. Г. Арзамасова, М. Ю. Осипова, Н. Н. Цуканова, А. М. Хужина и др.). Наша позиция по большинству связанных с этой темой спорных вопросов тоже была подробно представлена ранее [6; 7]. Однако с учетом новейших публикаций, в том числе содержащейся в них критики, целесообразно вновь обратиться к двум наиболее дискуссионным видам правовых презумпций: косвенным и неопровержимым презумпциям.

Заметим попутно, что во многих публикациях по данной тематике в качестве примеров, иллюстрирующих или подтверждающих теоретические выкладки, используются одинаковые цитаты из нормативно-правовых актов (иногда уже успевших утратить силу) либо их парафраз. Безусловно, в определенных случаях обсуждение одних и тех же нормативных положений необходимо для поддержания общего дискурса. Например, удобен и продуктивен подход, когда критика позиции конкретного автора аргументируется анализом его же собственных примеров. Однако многолетние наблюдения за кочующим из одной публикации в другую «джентельменским набором» правовых аксиом, презумпций или фикций наводят иногда на мысль о нежелании некоторых исследователей самостоятельно анализировать нормативный текст, верифицируя таким образом свои теоретические рассуждения. Именно этим обстоятельством обусловлена предпринятая в настоящей статье попытка рассмотреть некоторые классические дискуссии теории правовых презумпций на материале новейшего законодательства, не попавшего пока в поле зрения теоретиков. Тем самым ставится дополнительная задача, не только ввести в научный оборот новые примеры правовых презумпций, но и показать, что рассматриваемое средство юридической техники не является экзотикой. Это работающий инструмент, постоянно и активно используемый законодателем.

Методология

Методологией настоящего исследования является совокупность следующих общенаучных и специальных методов научного познания: синтеза, анализа, системно-структурного, формально-юридического и метода толкования правовых норм.

Результаты и их обсуждение

Косвенные презумпции

Ранее, солидаризируясь с мнением многих специалистов [8, с. 27; 9, с. 181], мы высказывали осторожные сомнения в целесообразности выделения косвенных презумпций [6, с. 166]. В основе такой позиции лежало, как сейчас представляется, спорное утверждение о том, что косвенная презумпция подразумевается в ситуации, когда законодатель нормативно закрепляет не саму презумпцию, а правило, вытекающее из нее. Однако, если предположение в тексте не закреплено, а основанное на нем правило не носит предположительного характера, установлено императивно, то гораздо логичнее вести речь не о правовой презумпции, а о фактической, лежащей в основе обычной правовой нормы.

Дальнейшие размышления над этой темой привели нас к выводу о том, что правильнее будет не отрицать существование косвенных презумпций, а уточнить их трактовку. Если правовая презумпция представляет собой *юридическое предположение, т. е. нормативно закрепленное юридически опровержимое утверждение*, то, вероятно, о косвенной презумпции говорить следует тогда, когда текстуальная ее формулировка в законе отсутствует, но сам механизм действия презумпции нормативно закреплен и может быть выявлен в результате толкования. Такой механизм предполагает наличие двух составных элементов: общего правила и юридической возможности (и/или порядка) его опровержения. Примером может служить ситуация, когда общее правило в тексте сформулировано, но лишь

дальнейший анализ законодательства позволяет сделать вывод о случаях, порядке, субъектах, которые могут обосновать необходимость исключений из него.

Так поступает Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», когда делает из абз. 2 ч. 2 ст. 51 ГК РФ («Лицо, добросовестно полагающееся на данные единого государственного реестра юридических лиц, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам») вывод: «Презюмируется, что лицо, полагающееся на данные ЕГРЮЛ, не знало и не должно было знать о недостоверности таких данных» (п. 22), и на основе ст. 51, 53, 174 ГК РФ уточняет, как должно в этом случае распределяться бремя доказывания. (Пример взят из статьи И. В. Решетниковой [2, с. 25].)

Несколько подобных положений, косвенно указывающих на наличие правовой презумпции, можно обнаружить в принятом недавно Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»¹.

1. В статье 15 этого закона устанавливаются правовые основы «регуляторной гильотины», которая заключается в том, что Правительство РФ определяет перечень нормативно-правовых актов, утрачивающих силу (п. 1 ст. 15), а также перечень актов, сохраняющих свое действие (п. 4 ст. 15). Анализ текста данной статьи позволяет сделать вывод о том, что в отношении всех нормативных актов, не попавших ни в один из названных перечней, действует *презумпция недействительности нормативно-правовых актов, содержащих обязательные тре-*

бования, соблюдение которых оценивается при осуществлении государственного контроля (надзора), вступивших в силу до 1 января 2020 г. Эта презумпция вытекает из пп. 2 и 3 ст. 15, где говорится о том, что, независимо от признания таких актов утратившими силу, оценка их соблюдения и привлечение к ответственности за несоблюдение содержащихся в них требований не допускаются.

Изменения, внесенные в КоАП Федеральным законом от 24.02.2021 № 29-ФЗ, добавляют соответствующий пункт в перечень обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении (п. 5.1 ст. 24.5), а, следовательно, согласно п. 4 ст. 29.1 КоАП РФ, бремя выяснения таких обстоятельств лежит на судье или органе, должностном лице, рассматривающем дело.

2. В ст. 14 рассматриваемого закона говорится о руководствах по соблюдению обязательных требований, разрабатываемых контролирующими органами. С одной стороны, в п. 7 указывается, что такие руководства применяются контролируемыми лицами на добровольной основе. С другой стороны, согласно п. 9, «деятельность контролируемых лиц и действия их работников, осуществляемые в соответствии с руководствами по соблюдению обязательных требований, не могут квалифицироваться как нарушение обязательных требований». Последнее может рассматриваться как косвенно закреплённая *презумпция добросовестности лица, действовавшего в соответствии с руководствами по соблюдению обязательных требований*. Кроме того, фактически здесь устанавливается ещё одна презумпция: *презумпция целесообразности соблюдения руководств*, которая, вероятно, может быть опровергнута в случае отмены или изменения последних.

3. В п. 7 ст. 3, закрепляя правило разрешения иерархической коллизии, законодатель устанавливает следующее: «В

¹ Об обязательных требованиях в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/ (дата обращения: 28.12.2020).

случае действия противоречащих друг другу обязательных требований в отношении одного и того же объекта и предмета регулирования, установленных нормативными правовыми актами равной юридической силы, лицо считается добросовестно соблюдающим обязательные требования и не подлежит привлечению к ответственности, если оно обеспечило соблюдение одного из таких обязательных требований». Как представляется, в данном случае имеет место *презумпция добросовестности лица, соблюдавшего одно из двух противоречащих друг другу обязательных требований*. На предположительный характер правила указывает глагол «считается». При этом действует эта норма не безусловно: в случае возникновения спора о привлечении к ответственности нужно будет доказать не только факт соблюдения или несоблюдения одного из двух правил, но и то, относятся ли они к одному и тому же объекту и предмету регулирования.

Важно подчеркнуть, что во всех приведенных примерах презумпции, хоть и не выражены в тексте достаточно ясно, выступают именно в качестве регуляторов: установленное общее правило действует не с абсолютной неизбежностью, а только если не будет опровергнута его обоснованность в конкретном случае. По нашему мнению, такой практический критерий применим не только к оценке косвенных презумпций, но и к решению других дискуссионных вопросов, в частности вопроса о неопровержимых презумпциях.

Неопровержимые презумпции

Возможна ситуация, когда из текста закона ясно, что в основе нормы не точное знание, а предположение, но никаких специфических правовых последствий с этим не связано (норма действует в императивном порядке, возможность поставить ее под сомнение закон не предусматривает). Использование термина

«презумпция» применительно к таким нормативным предписаниям носит скорее публицистический характер, т. к. указывает не на механизм действия правила, а на его происхождение. Здесь правильнее говорить не о том, что закон *закрепляет* презумпцию, а о том, что он строится на некоей презумпции (как правило, фактического, а не юридического характера).

Многие положения, относимые в литературе к неопровержимым презумпциям, выглядят именно таким образом. В частности, можно сказать, что законодатель *исходит из презумпции* непонимания малолетним лицом общественной опасности своего поведения, но нельзя сказать, что он *закрепляет эту презумпцию*, т. к. закрепляет он императивную норму, устанавливающую возраст наступления юридической ответственности. Названная презумпция имплицитно присутствует в тексте в качестве подразумеваемого объяснения соответствующей нормы, но на процесс правового регулирования никакого влияния не оказывает.

Приведем пример из новейшего законодательства в сфере цифровых инноваций, точнее из подзаконных актов, принятых в развитие этого законодательства. В соответствии с принятым 31 июля 2020 г. Федеральным законом № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹ Минэкономразвития утвердило ряд документов, касающихся процедурных вопросов его реализации. В частности, порядок направления заявки на присоединение к экспериментальному правовому режиму² предусмат-

¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/ (дата обращения: 28.12.2020).

² Об утверждении формы заявки на присоединение к экспериментальному правовому режиму в сфере цифровых инноваций, перечня прилагаемых к ней документов, порядка направле-

ривает право претендента выбрать один из двух способов представления документов в регулирующий орган:

- на бумажном носителе (непосредственно или заказным письмом с уведомлением о вручении);

- в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью.

Ответ регулирующего органа, содержащий мотивированный отказ, должен при этом быть направлен *способом, которым была представлена заявка*.

Можно предположить, что законодатель исходит в данном случае из *презумпции наибольшей доступности (или удобства) для субъекта выбранного им самим способа представления документов*. Такая презумпция имеет большую степень вероятности (хотя и не максимальную: заявитель мог считать отправку документов заказным письмом более надежным и официальным способом, просто не подумав о том, что получать ответ гораздо быстрее и удобнее ему будет по электронной почте).

Ни наличие такого предположения, ни степень его вероятности на содержание правового веления влияния не оказывают: правило выбора регулирующим органом способа отправки ответа установлено императивно. Более того, наши предположения о мотивах установления данного правила – это лишь одна из возможных версий: законодатель мог исходить вовсе не из удобства заявителей, а руководствоваться стремлением постепенно уйти от бумажного документооборота, не отменяя его сразу, а подталкивая

участников правоотношений к самостоятельному выбору в пользу документооборота электронного.

На данную мысль наводит тот факт, что для уведомления претендента о положительном решении по вопросу о его присоединении к экспериментальному правовому режиму предусмотрен иной порядок. Отдельным приказом Минэкономразвития¹ устанавливается, что «информация о принятом решении доводится до сведения лица в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица Минэкономразвития России, с приложением копии решения посредством направления такого документа по адресу электронной почты лица, указанному в заявке на присоединение к экспериментальному правовому режиму». Ни о какой отправке документов на бумажном носителе речи здесь не идет, электронная форма признана единственно возможной.

Очевидно, что если анализировать данное положение в контексте лежащих в его основе мотивов, то можно предположить здесь наличие другой презумпции – *презумпции надежности электронного (с использованием квалифицированной электронной подписи) способа передачи информации*.

Обе названные презумпции неопровержимы в том смысле, что их некому и незачем опровергать: на процесс правового регулирования никакого влияния это не окажет. Правовыми они могут быть названы только в том смысле, что все

ния, порядка и сроков ее рассмотрения, порядка направления претенденту мотивированного отказа в присоединении к экспериментальному правовому режиму в сфере цифровых инноваций, формы заключения регулирующего органа и состава содержащихся в нем сведений: приказ Минэкономразвития России от 18.11.2020 № 754: [зарегистрировано в Минюсте России 19.01.2021 N 62133]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374379/ (дата обращения: 28.01.2021).

¹ Об утверждении Порядка доведения до сведения лица, подавшего заявку на присоединение к экспериментальному правовому режиму в сфере цифровых инноваций, решения о присоединении этого лица к экспериментальному правовому режиму в сфере цифровых инноваций в качестве субъекта экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций: приказ Минэкономразвития России от 02.11.2020 № 730: [зарегистрировано в Минюсте России 27.11.2020 N 61135]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369280/ (дата обращения: 28.01.2021).

сказанное выше так или иначе имеет отношение к праву. В строго научном плане данные положения представляют собой фактические презумпции, лежащие в основе правовых норм и/или объясняющие их смысл.

Неопровержимые презумпции и правовые фикции

Довольно часто то, что в литературе рассматривается как пример неопровержимой презумпции, по всем признакам подходит под описание правовой фикции. Такая позиция, обоснованная нами ранее и поддерживаемая многими исследователями [2; 10; 11], в ряде других работ встречается критику [4, с. 27; 12; 13]. Так, О. Е. Зацепина в качестве аргумента, оспаривающего отождествление правовых фикций с неопровержимыми презумпциями, указывает, что неопровержимые презумпции, в отличие от фикций, обладают степенью вероятности [12, с. 230].

Стоит признать, что степень вероятности как критерий отличия презумпций от фикций применяться может очень условно. И дело не только в том, что статистическая оценка вероятности, как правило, не ведется [13, с. 75]. С. А. Торопкин на примере конструкции «срок дожития» наглядно показывает, что даже в случаях, когда учет статистических данных предусмотрен в качестве обязательного источника правовой нормы, ее конкретное содержание полностью зависит не от этих данных, а от воли законодателя [14].

Легче всего тезис о степени вероятности как критерии разграничения рассматриваемых правовых велений разбивается на тех примерах, которые уже используются в научной литературе, что позволяет сохранить контекст дискуссии. С одной стороны, степень вероятности презумпций может быть крайне низкой, что традиционно доказывается на примере презумпции невиновности, которая будет действовать независимо от количества очевидцев преступления и убедительности доказательств даже в тех слу-

чаях, когда вероятность невиновности лица кажется абсолютно фантастической.

С другой стороны, фикция далеко не всегда оказывается ложной, т. е. не соответствующей фактической действительности. Так, правило ч. 2 ст. 1114 ГК РФ («Граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно»), которое О. Е. Зацепина соглашается признать бесспорным примером правовой фикции [12], с точки зрения здравого смысла выглядит вполне правдоподобным. Действительно, обстоятельствами, при которых невозможно установить момент смерти, могут быть стихийные бедствия, аварии, катастрофы, при которых люди, находившиеся вместе, с большой долей вероятности, действительно, могли погибнуть одновременно. Как представляется, фикцией данное положение делает не отсутствие какой бы то ни было степени вероятности, а отсутствие связи между этой вероятностью и установленным в соответствующей статье правилом.

В то же время неопровержимыми презумпциями автор называет ст. 16 ГПК РФ, устанавливающую основания для отвода суда, а также чч. 3 и 5 ст. 37 ГПК РФ, закрепляющие участие в процессе законных представителей несовершеннолетних, недееспособных и ограниченно дееспособных граждан. Нетрудно заметить, что в первом случае в основе соответствующего правила лежит общеизвестная правовая аксиома: *никто не может быть судьей в собственном деле*. Второй же пример содержит в себе достаточно типичную правовую фикцию: *представительство* (одно лицо выступает от имени другого). О наличии связанных с этими велениями презумпций можно рассуждать в порядке научной дискуссии, но рассуждения эти не обусловлены регулятивными особенностями

соответствующих правил и мало добавляют к пониманию их юридической природы. По нашему мнению, приведенные примеры наилучшим образом демонстрируют обоснованную нами ранее идею о внутренней связи между *безусловными правовыми предположениями*: правовыми аксиомами, фикциями и «неопровержимыми презумпциями», провести границу между которыми на практике бывает сложно [7, с. 276–286].

Характерно, что многие исследователи избегают прямого сопоставления «неопровержимых презумпций» и фикций. Так, Н. Н. Цуканов, доказывая существование неопровержимых презумпций, практически не приводит примеров того, что, по его мнению, можно считать правовой фикцией [4]. О. В. Танимов, наоборот, посвящает монографию фикциям [3], но полностью игнорирует в ней понятие правовой презумпции и связанные с ним научные дискуссии. Возможно, выстроенная авторами логика рассуждений просто не оставляет места для двух этих понятий сразу, потому что они по-разному объясняют природу одних и тех же явлений.

При этом законодатель и судебные органы, как показывает Н. Н. Цуканов [4, с. 27], термин «фикция» практически не используют, возможно, избегая его отрицательных коннотаций. Однако это вряд ли может рассматриваться как основание для отказа от изучения данного средства юридической техники и четкого научного ограничения его от смежных понятий.

Выводы

Таким образом, представление о правовой презумпции как о *юридическом предположении*, т. е. *нормативно закрепленном юридически опровержимом утверждении*, позволяет обосновать внутренне непротиворечивую позицию по двум традиционно дискуссионным вопросам: косвенным и неопровержимым презумпциям. Позиция эта заключается в следующем:

1. Правовая презумпция всегда включает в себя два элемента: общее правило и установленную законом возможность его опровержения (контрпрезумпцию).

2. Если законодатель одновременно закрепляет оба элемента (не обязательно с использованием конструкций типа «пока не доказано иное», но таким образом, чтобы оба они без труда обнаруживались при толковании нормативного предписания), то следует вести речь о прямом способе изложения. Если контрпрезумпция закрепляется отдельно от общего правила, а выявление смысла одного или обоих элементов требует анализа большого объема нормативного текста, но *механизм действия презумпции сохраняется*, имеет место косвенная презумпция.

3. Если правило закреплено без возможности его опровержения (контрпрезумпции не существует), однако понятно, что в основе его лежит не точное знание, а фактическое обобщение предположительного характера, можно говорить о совершенно ином механизме действия. Степень вероятности предположения с момента закрепления соответствующего правила теряет для законодателя значение, а само правило начинает действовать *независимо от его соответствия реальной действительности*. Таков механизм действия правовых фикций – безусловных правовых предположений.

4. Пока презумпция существует в качестве логического приема (до закрепления в законе), она является фактической (опровержимой по своей природе). Как только из содержания этой презумпции выводится императивная правовая норма, опровержимость этой презумпции теряет практическое значение, т. к. в законе она фигурирует уже не в качестве предположения, а в качестве однозначного утверждения. В итоге то, что является презумпцией для законодателя, для правоприменителя теряет свой предположительный характер и действует как безусловное правило. Понимая механизм возникновения этого правила, правоохрани-

менитель может воспринимать его как неопровержимую презумпцию (потому что представляет, почему оно возникло) либо как правовую фикцию (потому что вынесенное на его основе решение неизбежно будет игнорировать реально существующие факты).

5. В качестве средств юридической техники существуют правовые презумпции (юридически опровержимые предположения) и правовые фикции (неопровержимые предположения), границы между которыми довольно четко можно провести по механизму их действия и роли в правовом регулировании. При этом в широком смысле (как предположение,

подразумеваемое либо закрепленное в правовой норме) термином «презумпция» иногда охватывают оба эти явления. Понятие «неопровержимая презумпция» имеет право на существование в силу длительной традиции и популярности его использования в юридическом дискурсе. Однако понимая, что речь в большинстве случаев идет об одних и тех же правовых велениях, сторонникам данного понятия необходимо либо признать понятия «неопровержимая презумпция» и «правовая фикция» синонимами либо просто отказать правовым фикциям в праве на существование.

Список литературы

1. Васильев А. А., Зацепина О. Е. Презумпции и фикции как элементы текста нормативно-правового акта // Юрислингвистика. 2017. № 6. С. 19–31.
2. Решетникова И. В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 1. С. 16–28.
3. Танимов О. В. Теория юридических фикций: монография / отв. ред. Т. В. Кашанина. М.: Проспект, 2018. 225 с.
4. Цуканов Н. Н. К вопросу о существовании неопровержимых правовых презумпций // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 1. С. 22–29.
5. Научное наследие В. К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. К. Бабаева / под ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2020. 521 с.
6. Давыдова М. Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 159–170.
7. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2009. 318 с.
8. Ойгензихт В. А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976.
9. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / отв. ред. Б. С. Никифоров. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.
10. Баранов В. М., Першин В. Б., Першина И. В. Методологические предпосылки формирования теории правовых презумпций // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 18–31.
11. Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М.: ИНФРА-М, 2013. 236 с.
12. Зацепина О. Е. Соотношение правовых презумпций и иных средств юридической техники // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 226–233.
13. Толстик В. А. Спорные вопросы понимания правовых презумпций // Научное наследие В. К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. К. Ба-

баева / под ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2020. С. 74–86

14. Торопкин С. А. Срок дожития как правовая презумпция // Научное наследие В. К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. К. Бабаева / под ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2020. С. 337–340.

References

1. Vasil'ev A. A., Zacepina O. E. Prezumpcii i fikcii kak elementy teksta normativno-pravovogo akta [Presuppositions and fictions as elements of the text of a normative legal act]. *Yurislingvistika = Yurislinguistics*, 2017, no. 6, pp. 19–31.

2. Reshetnikova I. V. Prezumpcii i fikcii v arbitrazhnom processe [Presumptions and fictions in the arbitration process]. *Vestnik grazhdanskogo processa = Bulletin of Civil Procedure*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 16–28.

3. Tanimov O. V. Teoriya yuridicheskikh fikcij [Theory of legal fictions]; ed. by T. V. Kashanina. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 225 p.

4. Cukanov N. N. K voprosu o sushchestvovanii neoproverzhimyh pravovykh prezumpcij [On the question of the existence of irrefutable legal presumptions]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 22–29.

5. *Nauchnoe nasledie V. K. Babaeva: vesomyj vklad v razvitie logiko-gnoseologicheskikh i tekhniko-yuridicheskikh problem yuridicheskoy nauki. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. K. Babaeva* [Scientific heritage of V. K. Babayev: a significant contribution to the development of logical-epistemological and technical-legal problems of legal science. Collection of articles based on the materials of the International Scientific-practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of V. K. Babayev]; ed. by V. A. Tolstik. N. Novgorod, Nizhegorodskaya akad. MVD Rossii Publ., 2020, 521 p.

6. Davydova M. L. Pravovye prezumpcii v sisteme sredstv yuridicheskoy tekhniki [Legal presumptions in the system of means of legal technology]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technology*, 2010, no. 4, pp. 159–170.

7. Davydova M. L. Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii [Legal technique: problems of theory and methodology]. Volgograd, Volgograd. St. Univ. Publ., 2009. 318 p.

8. Ojgenziht V. A. Prezumpcii v sovetskom grazhdanskom prave [Presumption in Soviet civil law]. Dushanbe, 1976.

9. Strogovich M. S. Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom processe [Material truth and judicial evidence in the Soviet Criminal Trial]; ed. by B. S. Nikiforov. Moscow, AN SSSR Publ., 1955. 384 p.

10. Baranov V. M., Pershin V. B., Pershina I. V. Metodologicheskie predposylki formirovaniya teorii pravovykh prezumpcij [Methodological prerequisites for the formation of the theory of legal presumptions]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technology*, 2008, no. 2, pp. 18–31.

11. Bulaevskij B. A. Prezumpcii kak sredstva pravovoj ohrany interesov uchastnikov grazhdanskikh pravootnoshenij [Presumption as a means of legal protection of the interests of participants in civil legal relations]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 236 p.

12. Zacepina O. E. Sootnoshenie pravovykh prezumpcij i inyh sredstv yuridicheskoy tekhniki [The ratio of legal presumptions and other means of legal technology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2017, no. 424, pp. 226–233.

13. Tolstik V. A. [Controversial issues of understanding legal presuppositions]. *Nauchnoe nasledie V. K. Babaeva: vesomyj vklad v razvitie logiko-gnoseologicheskikh i tekhniko-yuridicheskikh problem yuridicheskoy nauki. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. K. Babaeva* [Scientific heritage of V. K. Babayev: a significant contribution to the development of logical-epistemological and technical-legal problems of legal science. Collection of articles based on the materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of V. K. Babayev]; ed. by V. A. Tolstik. N. Novgorod, Nizhegorodskaya akad. MVD Rossii Publ., 2020, pp. 74–86

14. Toropkin S. A. [The term of survival as a legal presumption]. *Nauchnoe nasledie V. K. Babaeva: vesomyj vklad v razvitie logiko-gnoseologicheskikh i tekhniko-yuridicheskikh problem yuridicheskoy nauki. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. K. Babaeva* [Scientific heritage of V. K. Babayev: a significant contribution to the development of logical-epistemological and technical-legal problems of legal science. Collection of articles based on the materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of V. K. Babayev]; ed. by V. A. Tolstik. N. Novgorod, Nizhegorodskaya akad. MVD Rossii Publ., 2020, pp. 337–340.

Информация об авторе / Information about the Author

Давыдова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
e-mail: davidovavlg@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8392-9592
Researcher ID: AAB-2032-2019

Marina L. Davydova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
e-mail: davidovavlg@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8392-9592
Researcher ID: AAB-2032-201

Оригинальная статья / Original article

УДК 340.158

Социальное обеспечение семей военнослужащих в первые годы Великой Отечественной войны: историко-правовые аспекты**О. В. Володина¹ ✉, А. Н. Пенькова²**

¹Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации
ул. Летчика Пилутова. 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

²Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: vovvivv@gmail.com

Резюме

Актуальность. Социальная защита и государственное обеспечение семей тех лиц, которые защищали Отечество в период Великой Отечественной войны, выступала как неотъемлемая часть общей государственной политики СССР. Порядок государственного обеспечения семей военнослужащих был предусмотрен рядом правовых документов. При этом размеры пособий семьям военнослужащих определялись в зависимости от числа нетрудоспособных членов семьи, местожительства в городской или сельской местности и иных факторов. Подробный анализ положений нормативных правовых актов, регулирующих вопросы социального обеспечения семей военнослужащих, дополняет уже имеющиеся исследования по указанной тематике.

Цель – на основе анализа порядка организации социального обеспечения семей военнослужащих в первые годы Великой Отечественной войны выявить трудности и проблемы, с которыми столкнулось развитие данной отрасли законодательства в этот исторический период.

Задачи: посредством исследования правовых актов Советского государства охарактеризовать позицию советской власти по вопросам обеспечения семей военнослужащих, мобилизованных на фронт; рассмотреть деятельность органов власти по предоставлению семьям военнослужащих пенсий, пособий и иных льгот; показать финансовые расходы государства на выполнение социальных задач в отношении семей военнослужащих.

Методология. В работе использовались методы анализа, синтеза, а также такой частнонаучный метод, как историко-логический.

Результаты. В статье показан механизм организации социального обеспечения семей военнослужащих, а также проблемы, с которыми столкнулись органы советской власти в начале и в первые годы Великой Отечественной войны.

Вывод. Несмотря на имевшиеся трудности и недостатки в деле социального обеспечения семей военнослужащих, Советское государство сделало определенные шаги по решению вопросов организации такого обеспечения.

Ключевые слова: военнослужащий; семья; социальное обеспечение; Великая Отечественная война; выплаты; пособия; пенсии; льготы; размер; военное время; фронт.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Володина О. В., Пенькова А. Н. Социальное обеспечение семей военнослужащих в первые годы Великой Отечественной войны: историко-правовые аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 21–30.

Поступила в редакцию 22.02.2020

Принята к публикации 16.03.2021

Опубликована 26.04.2021

© Володина О. В., Пенькова А. Н., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2021; 11(2): 21–30

Social Security for Families of Military Personnel in the Early Years of the Great Patriotic War: Historical and Legal Aspects

Olga V. Volodina¹ ✉, Angelina N. Penkova²

¹St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation
Letchik Pilyutova str. 1, St. Petersburg 198206, Russian Federation

²Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: vovviv@gmail.com

Abstract

The relevance. Social protection and state support of the families of those persons who defended the Fatherland during the Great Patriotic War, acted as an integral part of the general state policy of the USSR. The procedure for state support of the families of military personnel was provided a number of other legal documents. At the same time, the amount of benefits to families of military personnel was determined depending on the number of family members who are not able to work, place of residence in urban or rural areas, and other factors. A detailed analysis of the provisions of documents regulating the issues of social security for families of military personnel complements the existing research on this topic.

The purpose is to analyze the order of organizing social security for families of military personnel in the first years of the Great Patriotic War.

Objectives: through the legal acts of the Soviet state to characterize the position of the Soviet government on the issues of providing for the families of military personnel mobilized to the front. Consider the activities of the bodies of Soviet power to provide families of servicemen with pensions, allowances and other benefits. Show the financial expenses of the Soviet government for the implementation of social tasks in relation to the families of military personnel.

Methodology. The work used the methods of analysis, synthesis, as well as such a particular scientific method as the historical-logical method.

Results. On the basis of legal acts of the Soviet state adopted in the early years of the Great Patriotic War, as well as archival documents, the article shows the mechanism for organizing social security for the families of military personnel, as well as the problems that Soviet authorities faced at the beginning and early years of the Great Patriotic War.

Conclusion. The author formulates the conclusion that, despite the existing difficulties and shortcomings in social security for the families of military personnel, the Soviet state took certain steps to address the issues of organizing such security.

Keywords: serviceman; family; social security; Great Patriotic War; payments; allowances; pensions; benefits; size; wartime; front.

Conflict of interest: The Authors declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Volodina O. V., Penkova A. N. Social Security for Families of Military Personnel in the Early Years of the Great Patriotic War: Historical and Legal Aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 21–30. (In Russ.)

Received 22.02.2021

Accepted 16.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

Начало Великой Отечественной войны поставило советское руководство в сложное положение в плане финансового

обеспечения Красной армии. Но несмотря на сложившиеся условия Советское государство нашло возможность организовать процесс социального обеспечения

семей военнослужащих и их материально-бытовое обслуживание. В указанных целях принималось немало правовых актов, создавались соответствующие условия, вводились различные пособия, предоставлялись льготы по налогам и по оплате за жилье и многое другое. Но некоторые вопросы, связанные с государственным обеспечением семей военнослужащих, мобилизованных на фронт, долгое время оставались не решенными.

Методология

Авторы статьи при исследовании данной темы использовали исторический подход, который позволил раскрыть вклад Советского государства в дело социального обеспечения семей военнослужащих. Методы анализа и синтеза нашли свое непосредственное отражение в изучении правовых документов военного времени, принятых по вопросам социальной политики в отношении семей военнослужащих.

Результаты и их обсуждение

Еще до начала Великой Отечественной войны органы советской власти принимали решения о единовременных выплатах пособий семьям военнослужащих. В первые дни войны её масштабы становились все более очевидными. Как отмечает В. Е. Рубаник, вражеские силы вторглись на европейскую часть Советского государства и тем самым поставили под угрозу территорию, на которой проживало примерно 40% жителей страны [1, с. 58]. Следствием чего явилось принятие ЦК ВКП(б) решения о ежемесячной выплате пособий семьям мобилизованных военнослужащих. Такие выплаты имели небольшой размер и носили, на наш взгляд, пропагандистский характер, являясь средством оперативного приведения в готовность к военным действиям лиц из числа военнослужащих.

Прежде всего, речь идет об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и

выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время»¹. В преддверии анализа его положений следует обратить внимание на выписку из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 34 от 26 июня 1941 г., в которой указано: слушали соответствующий проект о назначении и выплате пособий для указанной категории граждан, и после такого слушания он утвержден названным Указом Президиума Верховного Совета СССР. На следующий день данный правовой акт был опубликован в газете «Правда».

Общий анализ Указа от 26 июня 1941 г. показывает, что его положения коснулись только семей военнослужащих из числа рядовых и из числа младшего начальствующего состава, которые были призваны в армию и на флот по мобилизации, т. е. по данному Указу пособия государства не распространялись на семьи так называемых сверхсрочнослужащих. К ним относились военнослужащие, которые приняли добровольное решение остаться на действительной военной службе в сверхсрочном порядке.

Относительно самих социальных пособий семьям военнослужащих из числа тех, кому они предоставлялись, следует сказать, что размер такого пособия зависел от ряда факторов, и прежде всего от числа нетрудоспособных в семье военнослужащего. Так, если в такой семье был один нетрудоспособный член, то пособие выплачивалось в размере 100 рублей, а если в семье было более двух нетрудоспособных членов, то такой размер равнялся 200 рублям в месяц.

Во внимание принимались и другие критерии. К примеру, если в семье военнослужащего на одного трудоспособного

¹ О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время: указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 30.

члена семьи приходилось три нетрудоспособных, то пособие от государства выплачивалось в размере 150 рублей в месяц. Учитывалось и количество детей в семьях военнослужащих, не достигших возраста шестнадцати лет. Так, если в семье мобилизованного военнослужащего остался один трудоспособный член семьи, и в этой семье было двое детей в возрасте до шестнадцати лет, то размер пособия равнялся 100 рублям в месяц.

Согласно положениям Указа «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих...», размер государственных пособий для семей мобилизованных военнослужащих, проживающих в сельской местности, сокращался вдвое и составлял 50% от размера пособия, выплачиваемого городским семьям военнослужащих.

Получалось, что если семья военнослужащего была напрямую связана с ведением сельского хозяйства, что в некоторых местностях в условиях военного времени было практически невозможно, то она получала 50 рублей на одного нетрудоспособного члена семьи, который находился на его иждивении, на двух, соответственно, 75 рублей, а на трех и более нетрудоспособных членов семьи военнослужащего государство выплачивало 100 рублей в месяц. И как указывалось ранее, для семей, которые не связаны с личным хозяйством, государственное пособие увеличивалось в два раза. При этом в отдельных случаях семьи военнослужащих могли рассчитывать на получение единовременных социальных выплат [1].

В организации процесса выплаты пособий были задействованы комиссии при городском или районном исполкоме Совета депутатов трудящихся. Указанные органы были обязаны в течение трех дней со дня поступления соответствующего заявления принимать решения о назначении пособия или об отказе в его назначении. В городах такие заявления в комиссии подавались непосредственно от членов семей военнослужащих, тогда как в отношении

сельских поселений действовало правило подачи сельским старостой списка заявлений о назначении и выплате пособий семьям военнослужащих.

При решении вопроса о назначении государственного пособия во внимание принималось, как указывалось выше, количество нетрудоспособных иждивенцев в каждой семье военнослужащего. К примеру, к их числу относились отец и мать старше 60 и 55 лет соответственно; родители, жена из числа инвалидов первой и (или) второй группы, при этом их возраст во внимание не принимался. К иждивенцам из числа нетрудоспособных относились дети в возрасте до шестнадцати лет, а равно дети из числа учащихся в возрасте до 18 лет. Указанная категория лиц приравнивалась к числу нетрудоспособных иждивенцев при расчете и назначении соответствующего размера пособия семьям при оговорке, что основным источником существования данных лиц была именно помощь со стороны военнослужащего.

Следует согласиться с позицией О. С. Ростовской в той части, что если говорить об охране прав детей в семьях, то, прежде всего, речь шла о спасении их жизни, в то время как иные права обеспечивались на минимальном уровне, что объяснялось условиями войны [3, с. 32].

Обращает на себя внимание положение анализируемого акта о том, что пособие в указанных размерах выплачивалось не только семьям военнослужащих, но и семьям рабочих, служащих и колхозников, которые были мобилизованы. В названной части положения Указа дополнялись нормами иных правовых актов. Так, в Постановлении ГКО СССР № 10 от 4 июля 1941 г. «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения» за подписью И. В. Сталина было установлено, что ежемесячные пособия получали семьи мобилизованных колхозников, участвовавших в обороне Москвы, а народные ополченцы из числа

рабочих, служащих и даже студентов сохраняли свои заработки, оклады и стипендии. Отдельно в Постановлении № 10 от 4 июля 1941 г. подчеркивалось, что семьям мобилизованных колхозников назначалось пособие в порядке и в размере, утвержденном Указом от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время».

Между тем, если военнослужащий был уволен со службы по факту инвалидности, пособие продолжало выплачиваться семьям до момента получения таким лицом пенсии по инвалидности. Пособия продолжали выплачиваться и семьям убитых военнослужащих, а равно пропавшим без вести и умершим до срока назначения таким семьям пенсии.

Заметим, что в случае смерти или получения инвалидности лицом из числа мобилизованных колхозников, рабочих, служащих или студентов их семьи получали право на пенсию наравне с военнослужащими Красной армии [4].

Следует отметить, что Указ от 26 июня 1941 г. предоставлял право получения пособия семьям военнослужащих, в составе которых были нетрудоспособные. Он не распространял свою силу на семьи военнослужащих, в составе которых не было нетрудоспособных иждивенцев, существовавших за счет помощи со стороны военнослужащих, лиц, в последующем мобилизованных.

Забегая немного вперед, отметим, что некоторое время спустя по инициативе комиссии по текущим делам при ЦК ВКП(б) было рассмотрено предложение о целесообразности увеличения пособий семьям и пособий членам семей военнослужащих, изменении некоторых организационных вопросов по предоставлению содержания семьям военнослужащих. В указанную комиссию входили А. И. Микоян, В. М. Молотов, Е. А. Щаденко и другие государственные и политические деятели.

Так, 27 января 1943 г. издается Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании при совнаркомх автономных республик, исполкомах краевых, областных, окружных, городских и районных Советов депутатов трудящихся отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих»¹. Образованные отделы должны были обеспечивать пенсиями и пособиями семьи военнослужащих из числа рядового и младшего начальствующего состава; занимались трудовым устройством семей военнослужащих, а также решением вопросов материально-бытового обслуживания таких семей. Отделы решали вопросы по обеспечению предоставления семьям военнослужащих положенных им льгот, а также рассматривали обращения, поступившие от таких семей, и принимали по ним соответствующие меры.

Дополнительно следует отметить, что, согласно Постановлению СНК СССР от 4 июня 1943 г. № 632 «О льготах для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны»², семьи военнослужащих из числа рядового и младшего начальствующего состава, которые без вести пропали или погибли, продолжали получать ранее назначенные пенсии и по-

¹ Об образовании при совнаркомх автономных республик, исполкомах краевых, областных, окружных, городских и районных Советов депутатов трудящихся отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих: указ Президиума Верховного Совета СССР от 27.01.1943 г. // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. Л.: Лениздат, 1944.

² О льготах для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны: постановление Комиссаров СССР от 4 июня 1943 г. № 632 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1943. № 8, ст. 140.

собия в порядке и согласно Указу 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время».

Рассуждая о социальном обеспечении семей военнослужащих в первые годы Великой Отечественной войны, следует обратить внимание на то, что в самом начале войны многие семьи военнослужащих из числа вынужденных переехать из приграничных военных территорий оказались в тяжелом материально-бытовом положении. Таким семьям в период следования эшелонов оказывалась единовременная материальная помощь в виде пособий, но их размер был таков, что они позволяли обеспечить лишь кратковременную финансовую поддержку.

В целях оперативного решения вопросов социального обеспечения семей военнослужащих иногда приходилось их решать без соответствующего нормативного оформленного акта. Так, 25 августа 1941 г. вышла директива № ГУК 7/45/2508 генерал-майора А. Д. Румянцева – начальника Главного управления кадров НКО СССР, которой был определен порядок оформления пенсий семьям военнослужащих из числа начсостава, погибших на фронте. Пенсии назначались и оформлялись на основании и в соответствии с выписками из приказов Главного управления кадров НКО СССР и т. д. Подобные выписки пересылались в кадровые подразделения военных округов, а в последующем они направлялись в виде уже распоряжений в соответствующие военкоматы по месту жительства семей военнослужащих из лиц начальствующего состава. Пенсия назначалась семьям, исходя из должности военнослужащего, которую он занимал на момент своей гибели, и, что следует подчеркнуть, документального подтверждения должности на момент гибели военнослужащего не требовалось. Если же должность

погибшего военнослужащего отделу кадров не была известна, то для определения размера пенсии принималось во внимание его воинское звание. Так, семья погибшего военнослужащего, имеющего звание полковник, получала пенсию в размере 1100 рублей [5, д. 1764; д. 1322, л. 1].

Следует обратить внимание на существовавшее неравенство в обеспечении семей военнослужащих, а также отсутствие в первые годы войны четко слаженного механизма социальной защиты, что осложняло работу по назначению и выплате пособий и пенсий семьям, а также приводило к нарушениям в отношении определения размера таких выплат. И вследствие сложившейся ситуации одни семьи военнослужащих недополучали суммы, тогда как другие получали больше, чем было положено по законодательству. Так, архивные данные свидетельствуют о том, что в 1942 г. в Чкаловской (Оренбургской) области по пяти районам семьям военнослужащих были недоплачены пособия в общем размере на сумму 713 рублей, а переплата при этом в указанной местности составила 8144 рубля. По тем же данным в Тощком районе Чкаловской области 71 семья получала пособия, предназначенные семьям военнослужащих, без наличия к тому законных оснований [6].

Материальное положение семей усугублялось и тем, что многие военнослужащие просто не знали, где располагается его семья. В таких случаях денежный аттестат военнослужащего для семей высылался воинской частью, к которой был прикреплен военнослужащий, в адрес специального органа – Финансового управления НКО СССР. Указанный орган вел картотеку семей военнослужащих, позволившую установить адреса многих семей и выслать им или в соответствующие военкоматы по месту нахождения семьи 71 750 аттестатов. К тому же с помощью названной картотеки в рамках по-

ступавших запросов было установлено более 170 тыс. адресов семей военнослужащих¹.

Если же семья военнослужащего по каким-либо причинам не получала денежные аттестаты, то она имела право в военкомате по месту нахождения семьи получать авансы. Такие авансы семья получала до момента выяснения информации о судьбе военнослужащего, но срок их предоставления ограничивался тремя месяцами. Данный порядок предоставления авансов регламентировался Приказом НКО СССР от 23 июля 1941 г. № 242 «О порядке выдачи денежного содержания семьям начальствующего состава и сверхсрочнослужащих, не получившим аттестатов».

Заметим, что правило получения авансов семьями в военкоматах по месту их жительства действовало только в отношении семей военнослужащих, относящихся к лицам высшего, старшего, среднего начальствующего составов, а также в отношении семей военнослужащих из числа лиц сверхсрочной службы. Размер авансов для семьи варьировался в зависимости от группы состава, к которой относился военнослужащий. Так, семья военнослужащего из числа лиц высшего начальствующего состава получала до 500 рублей в месяц, а семья военнослужащего из числа лиц сверхсрочной службы имела право на аванс в размере от 50 до 125 рублей. К примеру, 500 рублей в месяц имели право получать в качестве аванса жены военнослужащих при наличии трех и более иждивенцев военнослужащего из числа лиц высшего начсостава.

В условиях военного времени число семей военнослужащих, которые имели право на получение пенсий, неуклонно росло. По данным Финансового управления Красной армии, за период от начала

войны до 1 апреля 1942 г. семьям военнослужащих было назначено 14 118 пенсий, а уже полгода спустя, т. е. в ноябре указанного года, такие пенсии получали 57 171 семья [5, д. 1289, л. 2].

Социальное обеспечение семей военнослужащих осуществлялось не только посредством выплат пособий семьям военнослужащих на нетрудоспособных членов семей, посредством направления в военкоматы по месту жительства семей военнослужащих денежных аттестатов, выдачи авансов, но и путем предоставления соответствующих льгот по налогам, квартплате и пр. К примеру, можно привести решение Орского горисполкома о том, что в 1943 г. освобождались от налога на строения и земельной ренты семьи военнослужащих из числа рядового и младшего начальствующего состава армии. Налог сохранялся в отношении квартир, а равно комнат, которые были сданы в наем [7].

В отдельных местностях хозяйства семей военнослужащих освобождались от уплаты сельхозналога, а также от сдачи государству натуральных продуктов для нужд фронта.

Военное время и сложные обстоятельства обуславливали мобилизацию огромных материальных и продовольственных ресурсов, что не позволяло местным Советам своевременно пресекать нарушения в сфере предоставления семьям военнослужащих пособий, пенсий и иных льгот, а в некоторых случаях просто мириться с такими нарушениями. Так, по архивным данным в одном только Еткульском районе Челябинской области сельскохозяйственным налогом были обложены 59 хозяйств семей военнослужащих и 29 хозяйств семей военнослужащих из числа инвалидов войны [8]. Также нередко были случаи, когда жены военнослужащих долгое время не получали на мужа положенные им государственные пособия. Но при установлении законности таких пособий, после проведения соответствующих проверок они вы-

¹ Финансовое обеспечение в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=11567> (дата обращения: 18.01.2021).

плачивались, как правило, за весь положенный период.

В этом направлении свою работу осуществлял партийно-советский актив, который проводил и проверку бытовых нужд семей военнослужащих. В последующем отделы государственного обеспечения и бытового обслуживания семей военнослужащих принимали соответствующие меры по устранению выявленных нарушений. Так, в Дубенском районе Тульской области 117 семей не получали положенное им по законодательству пособие. В самой Туле – 200 семей, в том числе мать убитого фронтовика Минаева. Но после проведения соответствующих контрольных проверок со стороны уполномоченных органов мать убитого фронтовика получила положенную ей пенсию военнослужащего-сына и пропуск в столовую.

Органами социального обеспечения допускались различные нарушения: поступающие заявления рассматривались долго; деньги перечислялись несвоевременно; нередко принимались необоснованные отказы в назначении государственных пособий семьям военнослужащих и пенсий.

В таких условиях свою значимость сохраняли надзорные функции в отношении законности государственного социального обеспечения семей военнослужащих, которые находились в ведении органов прокуратуры. Последние использовали различные формы реагирования, в том числе устные протесты.

Как отмечает Ф. Н. Багаутдинов, встречались и факты выдачи фиктивных справок о мобилизации, которые давали право на получение государственных пособий, предоставление льгот по поставкам и налогам [9, с. 183].

В завершение следует обратить внимание на тот момент, что в деле обеспечения семей военнослужащих свою роль сыграла Русская Православная церковь. Как отмечает С. М. Воробьев, церковь оказывала помощь в форме сбора средств, которые шли на помощь семьям военнослужащих, детям, раненым, а также в фонды обороны. К концу войны, по отдельным подсчетам, было собрано около 300 млн рублей [10, с. 12].

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что Советское государство одновременно со значительными расходами, выделяемыми на содержание Красной армии, большие средства выделяло на пособия и иные формы социальной помощи семьям военнослужащих. Размер государственного обеспечения таких семей из числа рядового и младшего начальствующего состава варьировался в зависимости от количества нетрудоспособных членов семьи военнослужащего, находившихся на его иждивении, а также зависел от того, в какой местности проживала семья – городской или сельской. Советская власть обеспечивала семьи военнослужащих возможностью получения в военкоматах по месту их жительства авансов, а также создавала дополнительные механизмы по финансовому обеспечению семей в военное время.

Следует обратить внимание и на то, что в части социального обеспечения проводились проверки правильности предоставления пособий и льгот; принимались меры по информированию фронтовиков и семей военнослужащих о положенных им выплатах.

Список литературы

1. Рубаник В. Е. Суд в деле обеспечения стабильности имущественных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Российский судья. 2017. № 2. С. 58–62.

2. Клопаты аб сем'ях ваеннаслужачых: памятка старшын сельсавета. Минск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1945. 43 с.
3. Ростова О. С. Особенности государственно-правового регулирования семейных отношений и охраны прав ребенка в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2015. № 22. С. 31–35.
4. Выписка из протокола заседания Секретариата ЦК ВКП(б) № 98 от 9 августа 1941 года // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 10. Л. 84.
5. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 80. Оп. 12295.
6. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области) Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 261. Л. 23–24.
7. Орский филиал ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 161. Л. 20 об.
8. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 71. Л. 21.
9. Багаутдинов Ф. Н. Казанский период научной, педагогической и служебной деятельности Д. Н. Исупова // Российский юридический журнал. 2012. № 2. С. 182–191.
10. Воробьев С.М. Роль Русской Православной церкви в Великой Отечественной войне: факты и противоречия // История государства и права. 2015. № 9. С. 10–14.

References

1. Rubanik V. E. Sud v dele obespecheniya stabil'nosti imushchestvennykh otnoshenii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [The court in the case of ensuring the stability of property relations in the years of the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Rossiiskii sud'ya* = *Russian judge*, 2017, no. 2, pp. 58–62.
2. Klopatty ab sem'yah vaennasluzhachykh: pamyatka starshyn sel'saveta [Concerns about military families: memo of village council elders]. Minsk, Dzyarzhaunae vydavectva BSSR, 1945. 43 p.
3. Rostova O. S. Osobennosti gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya semeinykh otnoshenii i okhrany prav rebenka v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Features of state-legal regulation of family relations and protection of the rights of the child during the Great Patriotic War]. *Istoriya gosudarstva i prava* = *History of the state and law*, 2015, no. 22, pp. 31–35.
4. Vypiska iz protokola zasedaniya Sekretariata CK VKP(b) № 98 ot 9 avgusta 1941 goda [Extract from the minutes of the meeting of the Secretariat of the Central Committee of the CPSU (b) No. 98 of August 9, 1941]. RGANI, f. 3, op. 28, d. 10, l. 84.
5. CAMO RF (Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 80, op. 12295, d. 1764, 1322, l. 1.
6. GAOO (Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti) [State Archive of the Orenburg Region], f. R-1014, op. 2, d. 261, l. 23–24.
7. Orskij filial GAOO, f. R-1, op. 1, d. 161, l. 20 ob.
8. OGACHO (Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoi oblasti) [United State Archive of the Chelyabinsk Region], f. R-274, op. 3, d. 71, l. 21.
9. Bagautdinov F. N. Kazanskij period nauchnoj, pedagogicheskoi i sluzhebnoj deyatelnosti D. N. Isupova [Kazan period of scientific, pedagogical and professional activity of D. N. Isupov]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* = *Russian Law Journal*, 2012, no. 2, pp. 182–191.

10. Vorob'ev S. M. Rol' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Velikoi Otechestvennoi voine: fakty i protivorechiya [The role of the Russian Orthodox Church in the Great Patriotic War: facts and contradictions]. *Istoriya gosudarstva i prava* = *History of the state and law*, 2015, no. 9, pp. 10–14.

Информация об авторах / Information about the Authors

Володина Ольга Владимировна, адъюнкт факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования, Санкт-Петербургский военный орден Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: vovvivv@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7548-5933

Olga V. Volodina, Adjunct at the Faculty of Personnel Training Higher Qualifications and Additional Vocational Education, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: vovvivv@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7548-5933

Пенькова Ангелина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: angelina-pahomova01@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-2234-1469

Angelina N. Penkova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: angelina-pahomova01@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-2234-1469

Оригинальная статья / Original article

УДК 342

Избирательная система России: правовые позиции Конституционного Суда

А. Н. Гуторова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: allaguturova@mail.ru

Резюме

Актуальность. Использование разнообразия избирательных систем в государстве свидетельствует об уровне демократичности в данном государстве. В связи с этим конституционно-правовая наука не случайно обращает столь пристальное внимание на данную проблематику. Поэтому анализируя вопросы, касающиеся оценки допустимости использования мажоритарной и пропорциональной избирательных систем, необходимо изучение правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Цель настоящего исследования состоит в выяснении и систематизации правовых позиций Конституционного Суда по вопросам выбора и правового регулирования используемой избирательной системы.

Задачи: изучить постановления Конституционного Суда, определить правовые позиции Конституционного Суда о возможности применения определенного вида избирательной системы при формировании коллегиальных или единоличных выборных органов, исследовать судебную практику по вопросу изменения региональным законодателем выбранной избирательной системы, выявить правовые позиции относительно возможности нормативной корректировки для преодоления недостатков пропорциональной и мажоритарной избирательной системы.

Методология. Для проведения исследования были использованы общенаучные методы научного исследования и специальные методы научного исследования, такие как формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты. Проведенное исследование позволило систематизировать правовые позиции Конституционного Суда по вопросам использования, изменения и адаптации применяемых избирательных систем.

Выводы. Первая группа правовых позиций затрагивает проблему адаптивности законодательства к изменениям. Ко второй группе следует отнести доводы и выводы суда по вопросам о допустимости применения той или иной избирательной системы как таковой. К третьей группе можно отнести выводы суда о преодолении некоторых негативных свойств соответствующих избирательных систем посредством законодательного регулирования общественных отношений. Четвертую группу образуют правовые позиции Конституционного Суда РФ, обусловленные необходимостью учета особенностей федеральных, региональных и муниципальных выборов при разрешении вопроса о выборе избирательной системы. На основе изучения судебной практики формируется вывод о необходимости уточнения и совершенствования применяемых избирательных систем в России, так как это важный показатель демократичности современного российского общества.

Ключевые слова: избирательные системы; выборы; мандат депутата; Конституционный Суд; народное представительство.

© Гуторова А. Н., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2021; 11(2): 31–42

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Гуторова А. Н. Избирательная система России: правовые позиции Конституционного Суда // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 31–42.

Поступила в редакцию 15.02.2021

Принята к публикации 16.03.2021

Опубликована 26.04.2021

The Electoral System of Russia: Legal Positions of the Constitutional Court

Alla N. Gutorova¹ ✉

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: allagutorova@mail.ru

Abstract

Relevance. The use of a variety of electoral systems in a state indicates the level of democracy in this state. In this regard, it is no coincidence that constitutional and legal science pays such close attention to this problem. Therefore, analyzing the issues related to assessing the admissibility of using the majority and proportional electoral systems, it is necessary to study the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Purpose of this study is to clarify and systematize the legal positions of the Constitutional Court on the choice and legal regulation of the electoral system used.

Objective: study the Decisions of the Constitutional Court, determine the legal positions of the Constitutional Court on the possibility of applying a certain type of electoral system in the formation of collegial or sole elective bodies, investigate judicial practice on the issue of changing the chosen electoral system by the regional legislator, identify legal positions regarding the possibility of regulatory adjustments to overcome the shortcomings of proportional and majority electoral system.

Methodology. For the study, general scientific methods of scientific research and special methods of scientific research, such as formal legal and comparative legal, were used.

Results. The study made it possible to systematize the legal positions of the Constitutional Court on the use, change and adaptation of the applied electoral systems.

Conclusion. The first group of legal positions concerns the problem of adaptability of legislation to changes. The second group should include the arguments and conclusions of the court on the admissibility of the application of one or another electoral system as such. The third group includes the conclusions of the court about overcoming some of the negative properties of the corresponding electoral systems through the legislative regulation of public relations. The fourth group is formed by the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, due to the need to take into account the specifics of federal, regional and municipal elections when resolving the issue of choosing an electoral system. Based on the study of judicial practice, conclusions are drawn about the need to clarify and improve the applied electoral systems in Russia, since this is an important indicator of the democratic nature of modern Russian society.

Keywords: electoral systems; elections; deputy mandate; Constitutional Court; national representation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Gutorova A. N. The Electoral System of Russia: Legal Positions of the Constitutional Court. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(1): 31–42. (In Russ.)

Received 15.02.2021

Accepted 16.03.2021

Published 20.04.2021

Введение

Мажоритарная, пропорциональная избирательная система и их многочисленные комбинации и разновидности имеют в своей основе дифференцированные подходы к формированию выборных коллегиальных и единоличных органов [1], что обусловлено имеющейся в стране политической системой (многопартийной [2; 3], двухпартийной [4] или однопартийной [5]), сочетанием партийного и внепартийного представительства [6], а также необходимостью разрешения ряда юридико-организационных задач и функций (определение условий, при которых выборы признаются состоявшимися или несостоявшимися, действительными или недействительными, результативными или нерезультативными и др. [7; 8]). Многообразие видов применяемых избирательных систем есть важный показатель демократичности [9] современного российского общества. Используемые в современной России избирательные системы демонстрируют достаточную степень разнообразия, причем федеральное законодательство с течением времени менялось, расширяя сферу регулятивного воздействия центра и соразмерно этому сокращая свободу усмотрения субъектов РФ и муниципальных образований. О наличии данной тенденции, в частности, свидетельствует практика Конституционного Суда РФ, которая сложилась с 1995 г. по настоящее время.

Методология

Для решения поставленных задач были использованы общенаучные методы познания – анализ и системный метод, позволившие проанализировать, сравнить и систематизировать постановления Конституционного Суда, специальные методы научного исследования, такие как формально-юридический и сравнительно-правовой. Формально-юридический метод научного исследования использовался для изучения судебной практики. Сравнительно-правовой метод позволил

определить правовые позиции Конституционного Суда.

Результаты и их обсуждение

Правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся оценки допустимости использования мажоритарной и пропорциональной избирательных систем, можно систематизировать следующим образом.

Первая группа правовых позиций затрагивает проблему *адаптивности законодательства к изменениям*. Наиболее яркая правовая позиция такого рода была сформулирована Конституционным Судом РФ при рассмотрении дела о проверке конституционности законодательства Чувашской Республики о выборах в республиканский парламент. Первоначально республиканский законодатель установил формулу фиксированного большинства для победы депутата в избирательном округе (25 процентов). С теоретической точки зрения подобную инициативу в субъектах РФ следовало бы приветствовать, т. к. она способствовала большей справедливости выборов по сравнению с мажоритарной системой относительного большинства, которая повсеместно применялась и продолжает использоваться в нашей стране при формировании коллегиальных органов народного представительства.

Однако законодатели Чувашской Республики достаточно быстро ощутили на собственном опыте недостатки установленной ими избирательной системы: она оказалась нерезультативной. Многие мандаты остались вакантными после завершения избирательного процесса, т. к. ни один из претендентов не получил в свою поддержку более 25 процентов голосов избирателей. Новые выборы не гарантировали, что они будут более результативными по сравнению с предыдущими, поскольку результативность выборов при такой избирательной формуле находится в логической зависимости от степени электорального соперничества про-

тивоборствующих кандидатов в депутаты. При таких обстоятельствах законодатель был вынужден изменить избирательную систему, применив более традиционную формулу относительного большинства (эти выборы менее справедливы, но гарантированно результативны).

Изменение избирательной системы произошло в условиях «недоформированности» парламента: часть парламентариев избиралась на основе одной избирательной системы (для победы требовалось более 25 процентов), оставшаяся часть – по другой (метод относительного большинства). Это послужило основанием для обращения в Конституционный Суд РФ высшего должностного лица данного субъекта РФ. Суд поддержал точку зрения заявителя и установил, что при формировании одного и того же органа народного представительства не могут применяться различные избирательные системы. Республиканский законодатель, при прочих равных условиях, свободен в выборе избирательной системы. Но избирательную систему нельзя менять в течение одних и тех же выборов, которые еще не завершены¹.

Ко второй группе анализируемых правовых позиций Конституционного Суда РФ следует отнести доводы и выводы суда по вопросам о допустимости применения той или иной *избирательной системы как таковой*. Начало этой тенденции было положено запросом Саратовской областной Думы в 1998 г. о конституционности смешанной избирательной системы при организации выборов в Государственную Думу. Конституцион-

ный Суд РФ воздержался от негативной оценки оспариваемой нормы, опираясь на принцип достаточной дискреции законодателя и широко распространенный опыт демократических стран². В дальнейшем наблюдалось более активное обращение в Конституционный Суд РФ по данному вопросу со стороны субъектов РФ, которые полагали неконституционными соответствующие нормы законодательства субъектов РФ. В отличие от (по существу, единственного) случая оценки механизма формирования федерального парламента (с точки зрения применяемой законодателем избирательной системы), при исследовании обстоятельств аналогичного конституционного нормотворчества субъектов РФ Конституционный Суд РФ занимал более разнообразные позиции и не всегда положительно оценивал опыт дифференцированного подхода к выбору региональных избирательных систем.

Так, при рассмотрении дела о проверке конституционности законодательства Оренбургской области Конституционный Суд РФ установил, что одномандатное и многомандатное мажоритарное представительство могут сочетаться в законодательстве о порядке формирования региональных представительных органов, но требуется «нормативное определение объективных критериев» отнесения той или иной территории к избирательному округу и должно быть обеспечено равенство пассивного избирательного права. При несоблюдении указанных требований региональная избирательная система не может считаться допустимой с кон-

¹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 42 Закона Чувашской Республики «О выборах депутатов Государственного Совета Чувашской Республики» в редакции от 26 августа 1994 года»: постановление Конституционного Суда РФ от 10 июля 1995 г. № 9-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2860.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1998. № 48, ст. 5969.

ституционно-правовых позиций¹. Нетрудно заметить, что *равенство пассивного избирательного права – это наиболее уязвимый компонент в правовом регулировании мажоритарной, пропорциональной систем и их разновидностей*. Мажоритарная многомандатная система в силу объективно присущих ей свойств как раз и приводит к существенным отклонениям от равенства пассивного избирательного права.

Республикой Татарстан был предложен достаточно оригинальный подход к организации народного представительства, который предполагал в условиях однопалатного парламента сочетание выборов от избирательных округов и административно-территориальных единиц, причем избираемые по округам депутаты осуществляли полномочия на постоянной основе, в то время как депутаты от административно-территориальных единиц, напротив, действовали без отрыва от основной работы, службы или обучения. В сущности, это была мажоритарная избирательная система с весьма существенным, но логически оправданным отклонением от равенства представительства.

Если бы эта форма сопровождалась двухпалатной структурой парламента, на наш взгляд, вряд ли она вызвала какие-либо возражения, т. к. представляла бы собой более демократичную форму, чем, например, структура Федерального Собрания (представим, если бы Совет Федерации избирался по мажоритарным округам по одному депутату от каждого субъекта Федерации, в то время как Государственная Дума формировалась пу-

тем баллотировки кандидатов в мажоритарных округах с равным числом избирателей на основе строго равного избирательного права). Но именно однопалатная структура парламента при смешанном характере избирательной системы послужила основанием к обращению в Конституционный Суд РФ. Разрешая указанный спор, Конституционный Суд РФ установил общую допустимость представительства от избирательных округов и административно-территориальных единиц при необходимости соблюдения равенства прав депутатов².

В Волгоградской области предпринималась попытка модернизации пропорциональной избирательной системы посредством институционализации региональных групп с небольшой численностью избирателей в каждой. Выбытие всех кандидатов хотя бы одной группы вело к отказу или аннулированию регистрации, что предполагало фактическое лишение кандидатов возможности реализовать свое пассивное избирательное право. Конституционный Суд РФ оценил подобную практику как неконституционную³.

² По делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи 90 Конституции Республики Татарстан, а также пункта 2 статьи 4 и пункта 8 статьи 21 Закона Республики Татарстан «О выборах народных депутатов Республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина М. М. Саямова: постановление Конституционного Суда РФ от 22 января 2002 г. № 2-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 6, ст. 627.

³ По делу о проверке конституционности подпункта «л» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункта 10 части 9 статьи 41 Закона Вологодской области «О выборах депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» в связи с жалобой общественного объединения «Политическая партия «Союз правых сил»: постановление Конституционного Суда

¹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 3 Закона Оренбургской области от 18 сентября 1997 года «О выборах депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области» в связи с жалобой граждан Г. С. Борисова, А. П. Бучнева, В. И. Лошманова и Л. Г. Маховой: постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 2000 г. № 4-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2000. № 13, ст. 1429.

Впрочем, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П нашли выражение не только правовые позиции, связанные с непосредственной оценкой конституционности смешанной избирательной системы как таковой. Проверке подвергались также некоторые особенности мажоритарной избирательной системы (требование о наличии не менее чем одного избирательного округа на территории каждого субъекта РФ) и одновременного использования двух избирательных систем при организации выборов в Государственную Думу (в частности, ставился вопрос о конституционной возможности двойной баллотировки кандидатов по мажоритарному округу и в составе списка кандидатов).

Несмотря на очевидные погрешности этих разновидностей мажоритарной, пропорциональной и смешанной избирательных систем с теоретико-методологических позиций, Конституционный Суд РФ принял решение в пользу дискреции законодателя. С этим в целом нужно согласиться, т. к. идеальных избирательных систем не существует, причем каждая из них имеет сравнительные достоинства и недостатки. Однако нельзя не видеть, что обжалуемые институты имеют существенные изъяны, присущие им в силу их конституционно-правовой природы, на что неоднократно обращалось внимание в научной литературе.

Мажоритарная избирательная система с одновременным требованием образования не менее чем одного избирательного округа на территории каждого субъекта РФ, разумеется, приводит к искажению принципа равенства избирательных прав, особенно если численность населения субъектов РФ имеет существенные различия. Примечательно, что в случае примерного равенства численности избирателей в субъектах РФ законодатель

вряд ли стал бы вводить норму об образовании на территории каждого субъекта РФ не менее одного избирательного округа (адекватное представительство субъектов РФ обеспечивалось бы в таком случае естественным путем без законодательного вмешательства). Иначе говоря, *законодатель умышленно, сознательно и целенаправленно искажил равенство мажоритарного представительства* в целях обеспечения представительства каждого из субъектов РФ.

Нужно ли это было делать, если для представительства субъектов РФ имеется специальная палата Федерального Собрания – Совет Федерации, структура которого как раз и отражает специфику имеющегося политико-территориального устройства страны? С другой стороны, объединение в один избирательный округ двух и более субъектов РФ при выборах в Государственную Думу выглядело бы довольно нелогичным и стимулировало бы подрыв доверия граждан к избирательной системе в целом. Думается, что при подобных обстоятельствах Конституционный Суд РФ занял верную позицию невмешательства, оставляя свободу для последующей дискуссии в конституционно-правовой науке и парламентских дебатах. Но это не означает, что юридическая обязанность формирования не менее одного избирательного округа в каждом из субъектов РФ является конституционно желаемым явлением. Здесь наблюдается, по нашему мнению, очевидное нарушение конституционного принципа равенства избирательных прав граждан, которое не может быть оправдано критериями, указанными в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Аналогичные суждения могут быть высказаны и в отношении другой проблемы, связанной с «двойной баллотировкой» одних и тех же кандидатов в мажоритарных округах и по спискам кандидатов, выдвигаемым политическими партиями как избирательными объединениями. Конечно, мажоритарная система не

РФ от 11 марта 2008 г. № 4-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2008. № 11, ст. 1073.

должна, по общему правилу, препятствовать пропорциональной системе и наоборот. Но этот принцип не действует, если механизм одновременного использования нескольких избирательных систем приводит к неосновательным преимуществам одних кандидатов в ущерб правам и законным интересам других субъектов избирательного процесса.

Именно так и произошло в случае, когда законодатель воздержался от запрета политическим партиям выдвигать в мажоритарных округах тех кандидатов, которые уже выдвинуты этой партией в составе списка кандидатов от данного избирательного объединения. В итоге выходило, что избирательная система больше приспособлена к реализации конъюнктурных интересов баллотирующихся политиков, чем к выражению потребностей и интересов граждан. Если последние проголосуют «против» кандидата от партии в мажоритарном округе, но «за» список от партии в пропорциональной части избирательной системы, «нужный» партии, но непопулярный кандидат все равно получает искомый мандат, потому что на этом настояла партия. Однако вправе ли она принимать такое решение, если имеются неоспоримые свидетельства негативной оценки конкретного кандидата достаточным большинством избирательного корпуса? Полагаем, что это обстоятельство могло бы учитываться законодателем, но совершенно не обязательно оно должно служить основой для того, чтобы обжалуемая норма признавалась противоречащей Конституции страны вследствие судебного акта конституционного правосудия. Как и в предыдущем случае, юридическая наука и парламент должны иметь достаточный простор для, соответственно, теоретической и политической дискуссии в этом вопросе. Наша научная позиция в данном вопросе отрицательная. Полагаем, что закон не должен позволять

допуск к распределению мандатов по пропорциональной системе гражданам, которые одновременно баллотировались в мажоритарных округах и такие выборы «проиграли». Пропорциональную систему не следует использовать как своего рода «страховку» на случай негативных последствий мажоритарных выборов.

К третьей группе правовых позиций Конституционного Суда РФ, сформулированных им при проверке законодательства о применении мажоритарной, пропорциональной систем и их разновидностей, можно отнести выводы Суда о преодолении некоторых негативных свойств соответствующих избирательных систем посредством законодательного регулирования общественных отношений. Так, пропорциональной системе объективно присуще свойство нарушения равенства прав кандидатов, занимающих позиции в соответствующем списке: первые по списку кандидаты обладают преимуществом, последующие защищены меньшим образом, последние в списке вообще не имеют шансов на победу в избирательной кампании. Заметим, что мажоритарная система лишена подобных свойств: если кандидат выдвинут в избирательном округе, он имеет все возможности в нем баллотироваться на равных основаниях с другими кандидатами от той же партии, поскольку его политические союзники баллотируются в других избирательных округах и не составляют внутреннюю, внутрипартийную конкуренцию, как это происходит в случае применения пропорциональной системы представительства.

Разбирая данную ситуацию применительно к соотношению прав «трех головных» кандидатов в списке от партии и прав других кандидатов от этой партии в том же списке, Конституционный Суд РФ установил, что выбытие головных кандидатов из общедоверального списка не может служить основанием для отказа

в регистрации всего списка или аннулирования такой регистрации¹. Тем самым были устранены возможности для еще большего искажения равенства пассивного избирательного права, чем это объективно присуще пропорциональной системе народного представительства. Пассивное избирательное право кандидатов в составе списка не может быть поставлено в зависимость от реализации пассивного избирательного права тремя главными кандидатами. Если бы этот принцип применялся в мажоритарной системе, то это означало, что отказ от баллотировки кандидатов в одних округах препятствовал бы баллотировке кандидатов в других округах на том лишь основании, что от участия в выборах по соответствующим округам отказались «лидеры» партии, чьему примеру должны последовать и все другие кандидаты, выдвинутые данной партией. Однако партийное лидерство не может и не должно отождествляться с пассивным избирательным правом, гарантированным ст. 32 Конституции РФ. Данным правом в равной мере пользуются как партийные лидеры, так и «рядовые» члены политической партии. Иное было бы нарушением ст. 19 Конституции РФ.

Другой объективно существующий недостаток пропорциональной системы выборов состоит в *потере или значительном ослаблении гарантий индивидуальности пассивного избирательного права* [10]. Об этом свидетельствует правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой после выдвижения

кандидата в составе списка избирательное объединение уже не вправе его произвольно отозвать и заменить другим претендентом на статус депутата или выборного должностного лица. Конечно, подобные процедуры при определенных обстоятельствах могут считаться допустимыми с конституционно-правовой точки зрения (например, в случае деятельности кандидата явно против пропагандируемой политики соответствующего политического общественного объединения). Но по общему правилу такое действие юридически не допускается; отзыв кандидата должен быть мотивирован².

В условиях мажоритарной избирательной системы подобные гарантии являются более прочными. Даже если кандидат выдвинут в мажоритарном округе решением политической партии, а не путем самовыдвижения, индивидуальность пассивного избирательного права здесь является неопровержимой презумпцией. Да и фактически кандидат вынужден участвовать в предвыборной агитации в личном качестве, даже если он представляет политическую партию. Если отзыв кандидата и может быть допустимым в условиях мажоритарного представительства, такое может допускаться лишь в

¹ По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2000 г. № 7-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2000. № 19, ст. 2102.

² По делу о проверке конституционности пункта 32 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», подпункта «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях», части 3 статьи 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. З. Измайлова: постановление Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2009 г. № 16-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2009. № 47, ст. 5709.

крайних, экстраординарных случаях, когда другие правовые средства оказываются нерезультативными.

Наконец, *четвертую группу* образуют правовые позиции Конституционного Суда РФ, обусловленные необходимостью учета особенностей федеральных, региональных и муниципальных выборов при разрешении вопроса о выборе избирательной системы.

Среди соответствующих постановлений важную роль играет акт конституционного правосудия об оценке допустимости регулирования муниципальных выборов в законах об избирательной системе и местном самоуправлении. В Конституционном Суде РФ оспаривались законоположения о том, что виды муниципальных избирательных систем подлежат установлению законом субъекта РФ, в то время как выбор конкретной избирательной системы должен осуществляться уставом муниципального образования. Это, в частности, приводило к тому, что в небольших сельских поселениях должна была принудительно использоваться пропорциональная система народного представительства, причем баллотироваться вынуждены были списки кандидатов от федеральных политических партий. Беспартийные граждане не обладали правом самовыдвижения.

Конституционный Суд РФ в числе прочего установил, что местное самоуправление имеет коммунальную и поселенческую природу. Выбор избирательной системы сопряжен с вопросами политической целесообразности и находится в зависимости от многих факторов, в том числе от конкретных социально-экономических условий и особенностей развития государства на соответствующем историческом этапе его функционирования. В связи с этим должны учитываться особенности избирательной демократии на местном уровне [11], которые

предполагают, что основными субъектами права выдвижения кандидатов являются так называемые «ратушные партии» и локальные общественные объединения¹. Примечательно, что допустимость только общедоверительного статуса политических партий, что исключает юридическую возможность образования и деятельности так называемых «ратушных партий», была подтверждена Конституционным Судом РФ ранее, при вынесении Постановления от 1 февраля 2005 г. № 1-П², причем федеральные требования к численности членов партии и ее региональных отделений нельзя считать завышенными³. Несмотря на спорность вы-

¹ По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 23 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и частей 2 и 3 статьи 9 Закона Челябинской области «О муниципальных выборах в Челябинской области» в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и граждан И. И. Болтушенко и Ю. А. Гурмана: постановление Конституционного Суда РФ от 7 июля 2011 г. № 15-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2011. № 29, ст. 4557.

² По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия»: постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2005. № 6, ст. 491.

³ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов»: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2007 г. № 11-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2007. № 30, ст. 3989.

шеуказанных правовых позиций в их взаимосвязи и системном единстве, следует подчеркнуть, что во всех подобных случаях Конституционный Суд РФ поддерживал дифференцированный подход к правовому регулированию, который должен разумно сочетаться с единством, стандартизацией и унификацией. Конечно, мажоритарная и пропорциональная система имеют объективные характеристики, но они могут проявляться различным образом на федеральном, региональном и локальном уровнях. Это должно учитываться в законодательной и правоприменительной практике, что требуется действующей Конституцией РФ.

Выводы

Разнообразие видов применяемых в государстве избирательных систем является возможным лишь при достаточно высоком уровне политической свободы в обществе, надлежащем развитии ряда ключевых ценностей конституционной демократии, парламентаризма, выборов и народного представительства. Переход от однопартийных, безальтернативных, мажоритарных и исключительно депутат-

ских выборов к современной модели стал возможен вследствие важнейших демократических преобразований нашей страны в конце XX – начале XXI в. Вместе с тем анализ судебной практики позволяет сделать вывод о незавершенности данного процесса, необходимости уточнения и совершенствования: во-первых, федерального требования о формировании не менее 25 процентов состава законодательных (представительных) органов субъектов РФ на основе пропорциональной системы представительства; во-вторых, адаптивности избирательного законодательства к изменениям и дополнениям; в-третьих, преодоления ряда негативных свойств мажоритарной и пропорциональной избирательных систем в целях обеспечения равенства избирательных прав и их индивидуализации; в-четвертых, обеспечения разумной дифференциации правового регулирования используемых избирательных систем применительно к федеральному, региональному и муниципальному уровням публичной власти.

Список литературы

1. Астафичев П. А. Коллегиальные и единоличные принципы в организации исполнительной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 5. С. 21–27.
2. Кулалиева Г. Т. Становление многопартийной системы Кыргызстана: проблемы и перспективы // Известия вузов Кыргызстана. 2018. № 3. С. 65–68.
3. Трощинский П. В. Конституционно-правовые основы избирательной системы КНР // Китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества»: материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 325–339.
4. Михайлов А. Е. Реализация принципа демократизма российского законодательства (на примере становления двухпартийной системы) // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 234–239.
5. Яшкова Т. А., Эспин В. Н. Д. Система политических партий в Латинской Америке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 118–124.

6. Авакьян С. А. Народное представительство и парламентаризм // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9 (61). С. 37–48.
7. Богданова Н. А. Народное представительство и выборы // Системно-структурные процессы в публичной власти: вопросы идеологии, политики, права: материалы и доклады X Международной научно-практической конференции / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова, Е. Ю. Стахановой. Самара: Самар. гос. ун-т, 2015. С. 94–97.
8. Constitutional experiment: regulatory approaches in France and Spain / M. V. Markhgeym, A. N. Nifanov, E. E. Tonkov, G. G. Zagaynova, A. N. Gutorova // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7, no. 5. P. 917–920.
9. Астафичев П. А. Демократия как основа доктрины конституционализма и конституционного строя современного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 19–23.
10. Киреева Е. Ю. Рецензия на книгу: Нудненко Л. А. Пассивное избирательное право: проблемы законодательного регулирования: монография. М., 2016. 377 с. // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 78–80.
11. Авакьян С. А. Особенности российской модели местного самоуправления и пути ее совершенствования // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2008. № 2. С. 3.

References

1. Astafichev P. A. Kollegial'nye i edinolichnye principy v organizacii ispolnitel'noj vlasti [Collective and individual principles in the organization of executive power]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2019, no. 5, pp. 21–27.
2. Kulaliev G. T. Stanovlenie mnogopartijnoj sistemy Kyrgyzstana: problemy i perspektivy [Formation of the multiparty system of Kyrgyzstan: problems and prospects]. *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana = News of Kyrgyz universities*, 2018, no. 3, pp. 65–68.
3. Troshchinskij P. V. [Constitutional and legal bases of the electoral system of the People's Republic of China]. *Kitajskoe gosudarstvo na zaklyuchitel'nom etape postroeniya "srednezazhitchnogo obshchestva"*. Materialy ezhegodnoj nauchnoj konferencii Centra politicheskikh issledovanij i prognozov IDV RAN [The Chinese State at the final stage of building a "middle-income society": materials of the Annual scientific Conference of the Center for Political Research and Forecasts of the IDV RAS]. Moscow, IDV RAN Publ., 2020, pp. 325–339. (In Russ.)
4. Mihajlov A. E. Realizaciya principa demokratizma rossijskogo zakonodatel'stva (na primere stanovleniya dvuhpartijnoj sistemy) [Implementation of the Principle of Democracy of Russian Legislation (on the Example of the Formation of a two-party System)]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technology*, 2020, no. 14, pp. 234–239.
5. Yashkova T. A., Espin V. N. D. Sistema politicheskikh partij v Latinskoj Amerike [The system of political parties in Latin America]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 118–124.
6. Avak'yan S. A. Narodnoe predstavitel'stvo i parlamentarizm [People's representation and parliamentarism]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA)*, 2019, no. 9 (61), pp. 37–48.

7. Bogdanova N. A. [People's Representation and elections]. *Sistemno-strukturnye processy v publichnoy vlasti: voprosy ideologii, politiki, prava. Materialy i doklady X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [System-structural processes in Public power: questions of ideology, Politics, Law. Materials and reports of the X International Scientific and Practical Conference]; ed. by V. V. Polyanskogo, V. E. Volkova, E. Yu. Stahanovoj. Samara, Samara. St. Univ. Publ., 2015, pp. 94–97. (In Russ.)
8. Markhgeym M. V., Nifanov A. N., Tonkov E. E., Zagaynova G. G., Gutorova A. N. Constitutional experiment: regulatory approaches in France and Spain. *Humanities and Social Sciences Reviews*, 2019, vol. 7, no. 5, pp. 917–920.
9. Astafichev P. A. Demokratiya kak osnova doktriny konstitucionalizma i konstitucionnogo stroya sovremennogo gosudarstva [Democracy as the Basis of the Doctrine of Constitutionalism and the Constitutional System of the Modern State]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2014, no. 7, pp. 19–23.
10. Kireeva E. Yu. Recenziya na knigu: Nudnenko L. A. Passivnoe izbiratel'noe pravo: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya [Book review: Nudnenko L. A. Passive electoral law: problems of legislative regulation]. Moscow, 2016. 377 p. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2016, no. 6, pp. 78–80.
11. Avak'yan S. A. Osobennosti rossijskoj modeli mestnogo samoupravleniya i puti ee sovershenstvovaniya [Features of the Russian model of local self-government and ways to improve it]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of the Moscow University, Series 11: Law*, 2008, no. 2, pp. 3.

Информация об авторе / Information about the Author

Гуторова Алла Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: allagutorova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0345-6903
SPIN-код: 2021-0929

Alla N. Gutorova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: allagutorova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0345-6903
SPIN-код: 2021-0929

УДК 343.3/7

Проблемы толкования понятия «информационная инфраструктура» в связи с инфляцией современного Уголовного кодекса Российской Федерации

В. Е. Новичков¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях инфляции (расширения) действующего уголовного закона Российской Федерации возникают условия не только для постановки вопроса об его обновлении, но и проблемы правильного толкования тех уголовно-правовых установлений, которые в ближайшем будущем будут приоритетными нормам защиты информационного домена. Для правоприменителя же важно правильно толковать дефиниции, определяющие информационную инфраструктуру страны, в понятийной характеристике которой в настоящее время наблюдается определенный «терминологический хаос». На фоне множества нормативно-правовых актов, регулирующих информационную инфраструктуру и непрекращающейся дискуссии о правилах квалификации информационных преступлений, необходима разработка четкого алгоритма точного определения всех элементов понятия «информационная инфраструктура».

Цель исследования заключается в выработке оптимального понятия и содержания «информационная инфраструктура» и её цифрового направления для нужд теории и практики борьбы с преступностью в развивающемся информационном обществе России.

Задачи: проанализировать действующее законодательство и изучить доктринальные подходы в сфере информационного общества, а также направления научных дискуссий, посвященных определению понятия «информационная инфраструктура». Сформулировать единообразное понимание этого объекта уголовно-правовой охраны.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались: диалектический метод познания уголовно-правовых явлений, общенаучные, специальные и частнонаучные методы научных исследований, взятые в единстве с инструментальными методами изучения законодательных и научных положений. Для использования научных результатов в практической деятельности использованы такие теоретические методы, как формализация.

Результаты. На основе анализа нормативно-правовых актов и доктринальных дефиниций определены проблемные «точки» непонимания искомого объекта, составляющие понятие «информационная инфраструктура» и разрозненные подходы к которому препятствуют правильной квалификации преступлений в сфере информации. Сформулировано понятие «информационная инфраструктура», учитывающая, в первую очередь, официальные точки зрения и оптимальные конструкции понятия «информационная инфраструктура».

Вывод. В науке уголовного права России не сформирована аргументированная позиция в отношении понятия «информационная инфраструктура», а также единообразное понимание её основных составляющих, что затрудняет теоретическое развитие данного направления изысканий и эмпирическую её часть – квалификацию преступлений в информационной инфраструктуре, прежде всего в сфере компьютерной (цифровой) информации. Сделан основной вывод о том, что информационная инфраструктура в стране и в мире постоянно расширяется, происходит её инфляция и это требует одновременного уточнения как всего уголовного закона, так и той его части, в которой сфокусированы нормы об охране информационной инфраструктуры.

Ключевые слова: информационная инфраструктура; информация; аппаратная база; компьютерные; цифровые устройства; домен.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Новичков В. Е. Проблемы толкования понятия «информационная инфраструктура» в связи с инфляцией современного Уголовного кодекса Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 43–54.

Поступила в редакцию 05.02.2021

Принята к публикации 12.03.2021

Опубликована 26.04.2021

Problems of Interpreting the Concept of "Information Infrastructure" in Connection with the Inflation of the Modern Criminal Code Russian Federation

Valery E. Novichkov¹ ✉

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the context of inflation (expansion) of the current criminal law of the Russian Federation, conditions arise not only for raising the issue of updating it, but also for the problems of correct interpretation of those criminal legal provisions that in the near future will be a priority for the protection of the information domain. For a law enforcement officer, it is important to correctly interpret the definitions that define the country's information infrastructure, in the conceptual characteristics of which there is currently a certain "terminological chaos". Against the background of a multitude of normative legal acts regulating information infrastructure and an ongoing discussion about the rules for qualifying information crimes, it is necessary to develop a clear algorithm to accurately define all the elements of the concept of "information infrastructure".

The purpose of the study is to develop the optimal concept and content of the "information infrastructure" and its digital direction for the needs of theory and practice of combating crime in the developing information society of Russia.

Objectives: to analyze the current legislation and study doctrinal approaches in the field of the information society, as well as the directions of scientific discussions on the definition of the concept of "information infrastructure". Formulate a uniform understanding of this object of criminal law protection.

Methodology. In the process of working on the study, the following were used: the dialectical method of cognition of criminal law phenomena, general scientific, special and particular scientific methods of cognition, taken in unity with the instrumental methods of researching legislative and scientific provisions. For the use of scientific results in practical activity, such theoretical methods as formalization are used.

Results. Based on the analysis of normative legal acts and doctrinal definitions, problematic "points" of misunderstanding of the desired object are identified, which constitute the concept of "information infrastructure" and separate approaches to which impede the correct qualification of crimes in the computer sphere. The concept of "information infrastructure" is formulated, taking into account, first, the official points of view and optimal constructions of the desired concept.

Conclusion. In the science of criminal law in Russia, a reasoned position regarding the concept of "information infrastructure" has not been formed, as well as a uniform understanding of its main components, which complicates the theoretical development of this research area and its empirical part - the qualification of crimes, primarily in the field of computer (digital) rovoy) information in the information infrastructure. The main conclusion was made that the information infrastructure in the country and in the world is constantly expanding, its inflation occurs and this requires the simultaneous expansion of both the entire criminal law and that part of it, in which the norms on the protection of information infrastructure are focused.

Keywords: information infrastructure; information; computer hardware base; digital devices; domain.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Novichkov V. E. Problems of Interpreting the Concept of "Information Infrastructure" in Connection with the Inflation of the Modern Criminal Code Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 43–54. (In Russ.)

Received 05.02.2021

Accepted 12.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

Существующие в современном мире материальные вещи, идеальные и виртуальные объекты, представляют комплекс взаимосвязанных обслуживающих конструкторов, составляющих и обеспечивающих основу функционирования многообразной системы окружающего нас мира. В своей совокупности такие структуры и конструкторы именуются инфраструктурой, причем система информационной инфраструктуры обеспечивает функционирование и развитие не только информационного пространства страны, но и всех остальных материальных видов инфраструктуры. Инфраструктурные сферы определяют соответствующий вектор содержания в них информации и образуют информационно-инфраструктурные направления, обуславливая различия несходных информационных элементов каждой из известных инфраструктур, а также их понятийных характеристик и определений. В такой ситуации основой для определения ориентиров к понятию «информационная инфраструктура» служат нормативно-правовая база и теоретические разработки основных понятий и их элементов информационной инфраструктуры России, регулирующие информационную инфраструктуру страны, её организационно-правовую защиту и охрану.

Методология

В процессе исследования проблем определения понятия «информационная инфраструктура» и анализа её теоретических и законодательных определений ис-

пользован диалектический метод при анализе информационной инфраструктуры как социального явления, причины и следствия, а также идеального информационного объекта и материального его выражения в форме и предмете юридических отношений и др. Наряду с традиционными инструментальными методами познания, использованных в работе, выступили: анализ и синтез нормативно-правовых, теоретических и правоприменительных данных, а при изучении терминов, связанных с информационной инфраструктурой, применялся сравнительно-правовой метод и логический метод интерпретации законодательных и теоретических положений, касающихся понятия «информационная инфраструктура» и её отдельных видов в уголовном праве Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение

Динамика совершенствования современного уголовного закона в Российской Федерации дает нам основание утверждать, что данная сфера правового регулирования подвержена значительным инфляционным (расширение) процессам. К настоящему времени было принято более 260 федеральных законов, которыми были изменены и дополнены многие статьи действующего УК РФ 1996 г., а также внесены в его содержание новые нормативные запреты и установления. Но обращает на себя тот факт, что в последнее десятилетие криминальная ситуация в стране характеризуется значительным спадом динамики и сокращением всех видов преступлений, кроме тех деяний,

которые направлены на извлечение благ путем неправомерного влияния на информационную инфраструктуру и её доменов, а также извлечение и использование личных данных граждан, хранящихся в информационной среде.

Учитывая современное стремление государства расширить границы информационного общества и понимая необходимость защиты его объектов и субъектов от противоправных посягательств в информационном домене, значительная доля современной инфляции УК РФ происходит за счет включения в его состав уголовно-правовых норм, охраняющих информационную инфраструктуру страны от преступных деяний. Практически в структуре современного уголовного закона России не осталось ни одного родового объекта охраны, в котором отсутствуют статьи об использовании информационно-коммуникативных технологий и компьютерных аппаратных средств. Так, например, преступления против жизни и здоровья, а также общественных и иных свобод законодатель связал со средствами массовой информации и информационно-телекоммуникационными сетями (включая сеть «Интернет») (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК); с учинением в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») (п. «д» ч. 3, чч. 4–6 ст. 110.1 УК); с организацией деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110.2 УК); в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных (ч. 2 ст. 128.1 УК); с информацией, в результате которой несовершеннолетним получены физические или нравственные страдания либо повлекшие психическое расстройство (ч. 3 ст. 137 УК) [1, с. 57–58].

Непосредственную защиту от общественно опасных посягательств на информационную инфраструктуру обеспечивает глава 28 действующего уголовно-

го законодательства Российской Федерации и практика правоприменения.

Отметим, что понятие «информационная инфраструктура» является новообразованной и относительно сформировавшейся в научном обороте категорией, о чём свидетельствует тот факт, что в действующем уголовном законе прямого упоминания об информационной инфраструктуре нет. Опосредованно уголовно-правовая охрана отечественной информационной инфраструктуры осуществляется с помощью закрепленных в УК РФ норм о преступлениях в сфере компьютерной информации (ст. 272–274¹ УК РФ) и посягательств на те или иные инфраструктурные объекты посредством компьютерных (цифровых) технологий. В примечании к ст. 274 УК РФ дается институциональное определение «компьютерная информация». Само же определение «информация» формулирует Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, под которой понимаются «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления», а соответственно, «под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи». Приведенные выше формулировки информации и её отдельной компьютерной формы представляют лишь начальные, родовые элементы уголовно-правовой дефиниции «информационная инфраструктура», следовательно, для полной идентификации последнего понятия требуется выявить дополнительные логико-языковые признаки.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ: [ред. от 30.12.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 10.01.2021).

Такие дополнительные признаки могла бы содержать относительно новая статья уголовного закона о неправомерном воздействии на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274¹ УК), однако и она не формулирует понятие информационной инфраструктуры, как не определяет и критическую её часть («критическая информационная инфраструктура»). Одновременно с диспозицией рассматриваемой статьи Федеральный закон № 187-ФЗ¹ на первый взгляд призван был вербализовать понятие «критическая информационная инфраструктура», однако его содержание представлено тавтологией собственного названия с перечислением ограниченного круга доменов, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких доменов. Иными словами, приведенное в рассматриваемом документе понятие не дает возможности полностью определиться хотя бы с основными элементами, входящими в конструкцию дефиниции «критическая информационная инфраструктура».

Подобная инфляция уголовного закона происходит ещё и потому, что в настоящее время Российская Федерация избрала путь распространения информационных технологий на все сферы общественных отношений – от социально-бытовых до экономических и государственно-правовых, в результате чего инфраструктуры отдельных общественных отношений приобретают черты информационных инфраструктур. Любая же отраслевая информационная инфраструктура выполняет обеспечительную функцию по сбору, передаче, хранению, обработке, изменению и распространению информации в той или иной производственной,

общественной, государственной и иных отраслях жизнедеятельности. Отсюда очевидно, что информационная инфраструктура – динамичная, пополняемая, обновляемая, возобновляемая и совершенствующаяся «конструкция» (а при наличии искусственного интеллекта – самосовершенствующаяся система). Следовательно, в настоящее время тренд развития информационного пространства его архитектуры и инфраструктуры можно охарактеризовать как информационно-инфраструктурную и цифроаппаратную инфляцию (расширение).

В нашем понимании информационно-инфраструктурная и цифроаппаратная инфляция означает тот временной исторический период, когда большинство населения нашего государства, как и цивилизованных стран, интенсивно погружается в занятие информационной деятельностью (онлайн-деятельность), т. е. наряду с основными средствами производства информация становится продуктом, товаром и сферой производства. Одновременно развивающаяся информационная инфраструктура приобретает черты объекта организации и управления различными сферами деятельности.

Как любой развивающийся объект социально-экономической и государственно-политической жизнедеятельности информационная инфраструктура особенно подвержена как позитивному внешнему и внутреннему, объективному и субъективному воздействию, так и негативному влиянию, вплоть до преступного посягательства на неё или её отдельные элементы. Речь идет о том, что информация, представляющая основное начало информационной инфраструктуры, как виртуальная субстанция к настоящему времени приобрела все признаки предмета (вещи) материального мира. У неё есть владелец; право на информацию защищено; информация оборотоспособна на рынке, имеет свою цену; количество и цена материальных вещей и информации не ограничены (у тех, кто ими владеет);

¹ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения 10.01.2021).

информация востребована и т. п. Например, в уголовном праве информация уже давно выступает в качестве предмета преступления в таких составах, как клевета или деяния, связанные с информационным оборотом либо информационными ресурсами, а также манипулирование рынком или иными объектами путем распространения информации и др.

Можно утверждать, что существующие в современном мире материальные вещи и идеальные объекты представляют комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур или конструкторов, составляющих и обеспечивающих основу функционирования многообразной системы окружающего нас мира. В своей совокупности такие структуры и конструкторы именуются инфраструктурой, обеспечивающей функционирование и развитие материальных объектов жизнедеятельности людей, вследствие чего информационная инфраструктура является предметом правового регулирования и обеспечивается соответствующей правовой и иной охраной.

Эффективность охраны информационной инфраструктуры требует координирования охранительной политики киберпространства в государстве и мире, а также создания единообразной логико-языковой понятийной модели определения «информационная инфраструктура», официального её закрепления в нормативно-правовых актах и единообразного догматического и иного толкования.

Общее юридическое понятие информационной инфраструктуры, закрепленное в Указе Президента № 646¹, утверждающем общую доктрину информационной безопасности России, не дает полного представления об информационной инфраструктуре, т. к. включает в анали-

зируемое понятие лишь национальные информационно-коммуникативные домены и сети связи. В документе нет указания на обладателей информационных доменов и различных сигнальных сетей: агентов инфраструктуры, юридических и физических лиц, что не позволяет охватить все те элементы, с помощью которых можно было бы наиболее полно сформулировать понятие «информационная инфраструктура».

Не дают полного представления о понятии «информационная инфраструктура» и многочисленные концепции информационно-инфраструктурной безопасности России, т. к. в них анализируемое понятие ограничено теми же национальными цифровыми доменами, сетями связи и Интернет.

Изучив иные нормативно-правовые акты, в которых прямо или косвенно раскрываются признаки понятия «информационная инфраструктура», мы обнаружим тот перечень объектов и предметов, которые в своей совокупности составят наиболее оптимальную понятийную конструкцию информационной инфраструктуры. Не перечисляя известные в данной сфере нормативно-правовые акты, а обратившись к приложению № 3 Правительственного документа № 9 от 28 мая 2019 г.², предусматривающего интенсификацию развития отечественной информационной инфраструктуры, мы находим, что понятийная характеристика рассматриваемого феномена включает в себя многочисленные и разнообразные системы аппаратных устройств, информационных систем и ресурсов, цифровых

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения: 10.01.2021).

² Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики»: [утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328933/ (дата обращения: 10.01.2021).

платформ, телекоммуникационных магистральных каналов связи, универсальных сетей связи, цифровых сред аудиовизуального взаимодействия, широкополосных сетей и узкополосных беспроводных сетей Интернет, подвижных радиотелефонных аппаратных систем связи (в том числе ГЛОНАСС), радиотелефонной связи для нужд управления всей национальной инфраструктурой.

Дополнить вышеперечисленные элементы конструкции понятия «информационная инфраструктура» позволяет изучение содержания отечественных эталонов в информационной сфере (например, ГОСТ Р 53114-2008 «Защита информации», ГОСТ Р 52872-2019 «Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме», ГОСТ Р 58571-2019 «Инфраструктура пространственных данных. Требования к информационному обеспечению» и др.).

Из анализа национальных стандартов в информационном домене вытекает, что его архитектура складывается из общего числа существующих и необходимых для целей управления объектов, обеспечивающих доступ потребителей к информационным ресурсам, либо это может быть такая информационно-телекоммуникационная система, которая обеспечивает доступ граждан, хозяйствующих субъектов, органов государственной и муниципальной власти к распределенным ресурсам пространственных данных, а также распространение и обмен данными в общедоступной глобальной информационной сети в целях повышения эффективности их производства и использования.

Проработка полученных сведений об элементах информационной инфраструктуры, полученных путем исследования официальных документов, их обобщение и формулирование соответствующей дефиниции является частью теоретической деятельности, осуществляемой учеными. В анализируемой нами проблемной области обозначились различные подходы, которые, отражая специфику предмета

тех или иных научных направлений (гуманитарных, социологических, юридических, технических и др.), помогают правоприменителям более точно определиться с понятием «информационная инфраструктура» и использовать такие знания для квалификации тех или иных фактических обстоятельств уголовно-правового порядка.

Общепринятые трактовки анализируемого понятия чаще всего включают совокупности (количественного порядка) информационных, ресурсных, аппаратных, обеспечительных, коммуникационных средств, систем и сетей, способствующих эффективному управлению в развитии общественных отношений в том или ином информационно-территориальном пространстве [2, с. 398–415].

В теории вопроса формулирования понятия «информационная инфраструктура» исследователи, как правило, прибегают к «разбавлению» классических дефиниций, разработанных на заре отечественного учения об управлении и кибернетики, современными «сленгами», логико-языковыми конструкциями.

Например, включение современного интернет-сленга «информационное пространство» показано как обеспеченная правовыми гарантиями и исторически сформировавшимися средствами связи форма скоординированного функционирования интегрированных и структурированных территориально близких и удалённых информационных ресурсов, аккумулирующих результаты коммуникативной деятельности людей и обеспечивающих наибольшую меру доступности для потребителя [3, с. 4–5; 4, с. 112–113].

С позиции значимых отраслевых подходов и юриспруденции в частности Ю. И. Горбунова, О. Н. Горбунова, А. В. Гладышева, Е. В. Иода и другие исследователи представляют анализируемое определение как «инфраструктуру информационного вида» или «комплекс существующих в тот или иной временной период информационных народно-хозяй-

ственных и иных отраслей», функционирование которых направлено на обеспечение информационных интересов населения, благополучия, а также благосостояния [5, с. 47; 6, с. 27].

Сформулированное авторами (Т. Ф. Берестова, Ю. И. Горбунова, О. Н. Горбунова, А. В. Гладышева, Е. В. Иода) понятие, по сути, есть схоластическое перечисление обобщенных признаков информационной инфраструктуры сосредоточенных в недавно принятых в России нормативно-правовых актах. Недостатком приведенных формулировок следует считать отсутствие конкретных, значимых для информационного домена объектов и агентов, а кроме того, схоластические комбинации игнорируют функциональный подход к объектам и явлениям, что, на наш взгляд, абсолютно недопустимо применительно к аппаратно-техническим и иным устройствам типа «информационно-телекоммуникационные средства». Так, информационная инфраструктура рыночной экономики, представленная информационными ресурсами о производстве, товарах, ценах, кредитах, логистике, материально-технических ресурсов и пр., всегда исходит из их функциональных свойств с целью уменьшения затрат капитала, но получения при этом большей прибыли (прибавочной стоимости) [7, с. 632].

Подобные «редакционные маневры» к понятийной характеристике «информационная инфраструктура», конечно, имеют и положительный момент в силу того, что с принятием новых официальных юридических документов в сфере информации такие объекты будут дополняться или исключаться из соответствующих документов [4, с. 112–115; 8, с. 30–37].

На наш взгляд, при формулировании дефиниций в инфраструктурной среде необходимо учитывать еще несколько перспективных данных: во-первых, развитие цифровых технологий, которые пока связываются с компьютерными аппаратными средствами и закрепляемой ин-

формационные потоки формой; во-вторых, существование иных информационных форм, имеющих также длительную перспективу существования (бумажные, каменно-скульптурные, металлические, электрические, лазерно-виртуальные и иные формы); в-третьих, продолжение поступательного движения базисных отношений и механизма информационной сферы, её видоизменением (с разработкой искусственного интеллекта и самосовершенствования данной сферы); в-четвертых, «развитие и совершенствование» преступных деяний всех категорий, совершаемых в информационной среде; в-пятых, инфляцию (расширение) всех отраслей законодательства, в том числе и уголовного закона.

Данный постулат подтверждают правительственные документы, направленные на совершенствование перспективных технологий в цифровой среде, информационной сфере, компьютерной информации, критической информационной инфраструктуры, всесторонней информационной безопасности и обеспечения всего перечисленного организационно-правовыми средствами, формами и методами охраны¹.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537: [ред. от 01.07.2014]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685/; Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р: [ред. от 18.10.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154161/; О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами: постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364874/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 10.01.2021).

О. А. Герасимова справедливо отмечает, что к объекту правонарушения в рассматриваемой сфере, сопряженного с нарушением норм уголовного права, следует относить как все элементы и признаки информационной среды, так и субъекты совершения правонарушения (соотнося их с личностью преступника), а также всю систему обеспечения регионального, национального и мирового информационного правопорядка [9, с. 327].

В теории вопроса встречаются и иные анализируемые в настоящей работе определения. В частности, информационную инфраструктуру связывают с информацией общего библиотечного пользования, дошкольным, школьным и иными ступенями образования [10, с. 187], субъектами, объектами и системами цифровых коммуникаций, обслуживающих эти и другие учреждения [4, с. 112–113; 11, с. 45;], глобальной информационной средой и мировой информационной инфраструктурой для нужд субъектов управления и потребления [12, с. 16; 13, с. 3, 17].

Подобный вектор конструирования понятийного аппарата информационно-инфраструктурной среды свидетельствует о стремлении законодателя и науки определиться с той архитектурой построения дефиниции, которая наиболее четко определяла бы её ассоциативный ряд, функциональный характер и отвечала бы интересам правоприменителя. На интенсивность исследования рассматриваемых проблем и их решения, как было показано, значительное влияние оказывает инфляция уголовного закона именно в той части, где имеет место расширение охранительных функций уголовного закона в информационной сфере, цифровой и компьютерной средах.

Действующие нормативно-правовые и современные научные определения понятия информационной инфраструктуры включают в её содержание многочисленные технические термины либо представляют адстрикцию их элементов, что

затрудняет её четкое правопонимание и, соответственно, качественное правоприменение. Такое многозначие искомого термина, являющегося, по существу, определяющим для охраны информационной среды от противоправных посягательств, искажает реализацию основных принципов обеспечения законности и защиты прав и свобод субъектов правоотношений. Можно констатировать, что мы наблюдаем законодательно-догматический «теоретический хаос», связанный с объяснением дефиниции и основных элементов информационной инфраструктуры, позитивность которого заключается в том, что у законодателя и науки есть возможность более точно определиться с формулировкой рассматриваемого нами понятия [4, с. 195–220].

Выводы

Из представленных в науке формулировок «информационная инфраструктура» мы можем уверенно констатировать, что в интересах правоприменителя необходимо исходить из того, что её архитектура включает в себя, во-первых, совокупность (систему) информационных данных, во-вторых, инженерно-технические и иные аппаратные средства, обеспечивающие всю совокупность действий с информацией, закрепленной в любой форме, в-третьих, информационно-телекоммуникационные системы и средства, в том числе все системы электросвязи, Интернет и его домены, механизмы управления ими, контроля и защиты.

В свою очередь, анализ действующих нормативно-правовых источников позволяет нам дать наиболее полную формулировку понятия «информационная инфраструктура», включающую в себя те элементы, которые отражены в официальных документах и в большинстве теоретических конструкций. В конструкцию понятия «информационная инфраструктура» обязательно должны быть включены: системы и сети всего инфор-

мационно-аппаратного конгломерата, в том числе электрического, находящиеся в распоряжении неопределенного круга агентов (пользователей), обладающих гражданско-правовыми и иными правами на их использование в многообразных законных целях, а также для целей управления (и защиты) объектами инфраструктуры и контроля за инженерно-технологическим и иным оснащением, а также выполняемыми ими операциями.

В соответствии со складывающейся криминологической обстановкой в стра-

не, «переносом внимания» и деятельности криминалитета в информационную инфраструктурную среду, соответствующей реакцией законодателя на происходящие неблагоприятные процессы в информационной инфраструктуре мы прогнозируем дальнейшую инфляцию российского уголовного закона в части расширения его за счет включения в различные составы преступлений дополнительных установлений в части защиты информационного пространства России.

Список литературы

1. Белов А. И. Тенденции развития преступлений в сфере компьютерной информации // Молодой ученый. 2020. № 16 (306). С. 57–58.
2. Стратонович Р. Л. Теория информации. М.: Сов. радио, 1975. 424 с.
3. Берестова Т. Ф. Понятие «информационные ресурсы» и другие компоненты теории информационного ресурсоведения // Научно-техническая информация. Серия: Организация и методика информационной работы. 2016. № 4. С. 1–6.
4. Построение версий информационной инфраструктуры с опережением возникновения информационных потребностей управления / А. С. Сигов, В. В. Нечаев, А. В. Рожнов, И. А. Лобанов // Десятая Всероссийская мультikonференция по проблемам управления (МКПУ-2017): материалы 10-й Всероссийской мультikonференции: в 3-х т. / отв. ред. И. А. Каляев. Ростов н/Д: Изд-во Южного федер. ун-та, 2017. С. 112–115.
5. Горбунова Ю. И., Горбунова О. Н., Гладышева А. В. Различные подходы к определению сущности рыночной инфраструктуры в экономике информационного типа // Актуальная биотехнология. 2013. № 4 (7). С. 47–52.
6. Иода Е. В. Формирование информационной инфраструктуры в контексте развития инновационной деятельности // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 5. С. 26–27.
7. Маркс К. Капитал // Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. 907 с.
8. Новичков В. Е. Архитектура информационных ресурсов уголовно-политического прогнозирования: понятие, структура, объём // Таврический научный обозреватель. 2016. № 10 (15). Ч. 1. С. 30–37.
9. Герасимова О. А. Особенности преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 12 (56). С. 327–330.
10. Овсяникова И. В. Воспроизводство информационных ресурсов в современной экономике России: дис. ... канд. экон. наук. Орел, 2009. 203 с.
11. Касс А. К. «Архитектура предприятия», «информационная структура», «информационная инфраструктура: уточнение терминологии» // Неделя науки СПбПУ: материалы научной конференции с международным участием. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 44–46.
12. Волченкова О. В. Информационная революция и развитие информационной инфраструктуры общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 5 (42). С. 14–19.

13. Мартин У. Дж. Информационное общество. Проблемы и иллюзии. М.: ИНИОН, 1989. 30 с.

14. Розенберг А. Г. Августовские тезисы о социальной и глубинной экологии // Самарская лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2012. Т. 21, № 2. С. 195–220.

References

1. Belov A. I. Tendencii razvitiya prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii [Trends in the development of crimes in the field of computer information]. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2020, no. 16 (306), pp. 57–58.

2. Stratonovich R. L. Teoriya informacii [Information theory]. Moscow, Sov. Radio Publ., 1975. 424 p.

3. Berestova T. F. Ponyatie "informacionnye resursy" i drugie komponenty teorii informacionnogo resursovedeniya [The concept of "information resources" and other components of the theory of information resource studies]. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Seriya: Organizaciya i metodika informacionnoj raboty = Scientific and technical information. Series: Organization and methodology of information work*, 2016, no. 4, pp. 1–6.

4. Sigov A. S., Nechaev V. V., Rozhnov A. V., Lobanov I. A. [Building versions of the information infrastructure ahead of the information needs of management]. *Desyataya Vserossijskaya mul'tikonferenciya po problemam upravleniya (MKPU-2017). Materialy 10-j Vserossijskoj mul'tikonferencii* [Tenth All-Russian Multi-Conference on Management Problems (ICPU-2017). Materials of the 10th All-Russian Multi-Conference]; ed. by I. A. Kalyaev. Rostov-on-Don, South st. Univ. Publ., 2017, pp. 112–115. (In Russ.)

5. Gorbunova Yu. I., Gorbunova O. N., Gladysheva A. V. Razlichnye podhody k opredeleniyu sushchnosti rynochnoj infrastruktury v ekonomike informacionnogo tipa [Various approaches to determining the essence of market infrastructure in an information-type economy]. *Aktual'naya biotekhnologiya = Actual Biotechnology*, 2013, no. 4 (7), pp. 47–52.

6. Ioda E. V. Formirovanie informacionnoj infrastruktury v kontekste razvitiya innovacionnoj deyatel'nosti [Formation of information infrastructure in the context of innovation development]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy = Socio-economic phenomena and processes*, 2010, no. 5, pp. 26–27.

7. Marks K. Kapital [Capital]. Sochineniya [Essays]. 2th ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960, vol. 23. 907 p.

8. Novichkov V. E. Arhitektura informacionnyh resursov ugolovno-politicheskogo prognozirovaniya: ponyatie, struktura, ob'yom [Architecture of information resources of criminal and political forecasting: concept, structure, volume]. *Tavrisheskij nauchnyj obozrevatel' = Tavrichesky Scientific Reviewer*, 2016, no. 10 (15), pt. 1, pp. 30–37.

9. Gerasimova O. A. Osobennosti prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii [Features of crimes in the field of computer information]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*, 2007, no. 12 (56), pp. 327–330.

10. Ovsyanikova I. V. Vosпроизводство informacionnyh resursov v sovremennoj ekonomike Rossii. Diss. kand. ekon. nauk [Reproduction of information resources in the modern economy of Russia. Cand. econ. sci. diss.]. Orel, 2009. 203 p.

11. Kass A. K. ["Enterprise Architecture", "information structure", "Information infrastructure: clarification of terminology"]. *Nedelya nauki SPbPU. Materialy nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [SPbPU Science Week. Materials of the Scientific conference with International participation]. St. Petersburg, Politekhn. Univ. Publ., 2017, pp. 44–46. (In Russ.)
12. Volchenskova O. V. Informacionnaya revolyuciya i razvitie informacionnoj infrastruktury obshchestva [Information revolution and the development of the information infrastructure of society]. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki = Humanities and Socio-economic Sciences*, 2008, no. 5 (42), pp. 14–19.
13. Martin U. Dzh. Informacionnoe obshchestvo. Problemy i illyuzii [Information society. Problems and illusions]. Moscow, INION Publ., 1989. 30 p.
14. Rozenberg A. G. Avgustovskie tezisy o social'noj i glubinnoj ekologii [Augustovskie theses on social and deep ecology]. *Samarskaya luka: problemy regional'noj i global'noj ekologii = Samara Luka: problems of regional and global ecology*, 2012, vol. 21, no. 2, pp. 195–220.

Информация об авторе / Information about the Author

Новичков Валерий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: valery.novichkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8976-5672

Valery E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: valery.novichkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8976-5672

Оригинальная статья / Original article

УДК.343.3/.7

О повышении эффективности противодействия финансированию экстремистской деятельности

И. В. Грудачёв ¹ ✉

¹ Университет прокуратуры Российской Федерации
ул. 2-я Звенигородская 15, г. Москва 123022, Российская Федерация

✉ e-mail: giv0808@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Последовательное увеличение совершенных преступлений экстремистской направленности свидетельствует об отсутствии в современном правовом поле эффективных механизмов и методов противодействия финансированию экстремизма. Финансовые средства, полученные в результате совершения преступлений, являются базисом для преступной деятельности экстремистских организаций. Своевременное обновление нормативно-правовой базы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма является приоритетным направлением реализации государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности.

Цель – разработка научно обоснованных предложений по повышению эффективности противодействия финансированию экстремистской деятельности.

Задачи: определить конкретные способы повышения эффективности противодействия экстремистской деятельности через призму совершенствования нормативно-правового регулирования противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Методология. В процессе проведенного исследования использовались логический, системный и формально-юридический методы.

Результаты. В статье обоснована необходимость наделения правоохранительных органов полномочиями по принятию решения о временном приостановлении операций, связанных со списанием денежных средств с банковских счетов (вкладов), открытых в целях финансирования экстремистской и иной противоправной деятельности.

Вывод. Проведенное исследование показывает, что наделение правоохранительных органов и государственных органов, выполняющих контрольно-надзорные мероприятия за осуществлением транзакций денежных средств и иного имущества, полномочиями по принятию решения о временном приостановлении операций, связанных со списанием денежных средств с банковских счетов (вкладов), открытых в целях финансирования экстремистской (террористической) и иной противоправной деятельности, послужит эффективным инструментом реализации государственной политики в сфере противодействия финансированию экстремистской деятельности.

Ключевые слова: экстремистская деятельность; легализация преступных доходов; финансирование терроризма.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Грудачёв И. В. О повышении эффективности противодействия финансированию экстремистской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 55–67.

Поступила в редакцию 26.12.2020

Принята к публикации 26.02.2021

Опубликована 26.04.2021

On Increasing the Effectiveness of Countering the Financing of Extremist Activities

Ilya V. Grudachev¹ ✉

¹ University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation
2nd Zvenigorodskaya str. 15, Moscow 123022, Russian Federation

✉ e-mail: giv0808@rambler.ru

Abstract

Relevance. The consistent increase in committed crimes of an extremist orientation indicates the absence of effective mechanisms and methods in modern law to counter the financing of extremism. Financial resources obtained as a result of committing crimes are the basis for the criminal activities of extremist organizations. Timely updating of the legal and regulatory framework for combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism is a priority in the implementation of state policy in the field of countering extremist activities.

The purpose. Development of evidence-based proposals to improve the effectiveness of countering the financing of extremist activities.

Objectives. To identify specific ways to increase the effectiveness of countering extremist activities through the prism of improving the legal regulation of countering of funds obtained by criminal means and the financing of terrorism.

Methodology. In the framework of the conducted research, we used logical, system and formal legal methods.

Results. The article substantiates the need to empower law enforcement agencies to decide on a temporary suspension of operations related to the withdrawal of funds from bank accounts (deposits), opened in order to finance extremist and other illegal activities.

Conclusion. The study shows that the empowerment of law enforcement agencies and government agencies that perform control and supervisory measures over the implementation of transactions of funds and other property, the authority to make a decision on the temporary suspension of operations related to the withdrawal of funds from bank accounts (deposits) opened for the purpose of financing extremist (terrorist) and other illegal activities, will serve as an effective tool for implementing state policy in the field of countering the financing of extremist activities.

Keywords: extremist activities; money laundering; financing of terrorism.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Grudachev I. V. On Increasing the Effectiveness of Countering the Financing of Extremist Activities. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 55–67. (In Russ.)

Received 26.12.2020

Accepted 26.02.2021

Published 26.04.2021

Введение

В настоящее время противодействие финансированию экстремистской деятельности является одним из самых эффективных средств борьбы с экстремистскими проявлениями на территории как российского государства, так и иностранных государств.

Вместе с тем вопросам пресечения финансирования экстремистской деятельности в научной среде уделялось

меньшее внимание, нежели проблемам предупреждения экстремизма в целом. Вопросы противодействия финансированию экстремистской деятельности рассматривались в научных трудах А. Я. Минина, В. А. Церуняна [1], И. Н. Соловьева [2], Г. Е. Вахрушева [3], П. И. Иванова [4], П. В. Агапова [5], Е. В. Тимофеева [6] и ряда других авторов.

Проведенные научные исследования [7, с. 40–43] показывают, что за послед-

нее время в связи с глобализацией экономики происходит трансформация источников финансирования противоправных явлений. Кредитно-банковская сфера, по мнению И. М. Мацкевича, «оказалась наиболее уязвимой для криминальных посягательств и стала одним из самых криминогенных подсекторов отечественного хозяйства» [8].

Некоторые авторы рассматривают экстремизм только как средство приобретения денежных средств альтернативным путем и установления власти на определенной территории [9, с. 499]. Финансовые средства, полученные в результате совершения преступлений, являются базисом для преступной деятельности экстремистских организаций. Незаконно полученные денежные средства применяются в целях оказания давления на должностных лиц органов государственной власти, сотрудников правоохранительных органов и понуждения их к совершению определенных действий в интересах преступников, что приводит к возникновению и развитию коррупционных проявлений. Одной из первоочередных целей преступных группировок является внедрение в политические структуры государства своих членов. Доступ к властным полномочиям позволяет преступникам занять определенную нишу на политической арене, установить контроль над частью политической и экономической системы страны. Данное обстоятельство создает угрозу безопасности государства [10, с. 92], происходит сращивание экстремистских организаций с национальной общеуголовной преступностью, что обусловлено стремлением экстремистов перейти на самообеспечение своей деятельности [11, с. 231].

Вопросы предупреждения преступлений экстремистской направленности посредством использования инструментов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма рассматривались в трудах как оте-

чественных ученых (Я. М. Хаминский, [12], Я. В. Цитович [13]), так и зарубежных (В. А. Абдухамитов [14], А. К. Канатов [15]). Борьба с легализацией преступных доходов лишает экстремистские организации финансовой составляющей и служит основополагающим инструментом для предупреждения возникновения преступных группировок экстремистской направленности.

Поэтому одним из действенных способов пресечения деятельности экстремистских организаций и сообществ является совершенствование правового механизма противодействия исследуемым криминальным явлениям, закрепленного в Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹ (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ), отдельные нормы которого включают в себя совокупность положений, направленных на противодействие преступлениям экстремистской направленности, в том числе финансированию экстремизма.

Так, в п. 2¹ ст. 6 данного Федерального закона в качестве оснований считать лицо причастным к экстремизму указаны вступивший в законную силу приговор суда по ст. 282³ УК РФ, процессуальное решение следственного органа о привлечении лица в качестве подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, предусмотренного ст. 282³ УК РФ.

В свою очередь, причастность физического лица к экстремистской деятельности порождает ограничения, перечисленные в п. 2⁴ ст. 6 Федерального закона № 115-ФЗ, устанавливающие размер и порядок проведения транзакций денеж-

¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ: [ред. от 30.12.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 05.01.2021).

ных средств физических лиц. Данные ограничения полностью согласуются с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Из этого следует, что федеральный законодатель в рамках реализации государственной политики по противодействию отмыванию преступных финансовых активов, включая виртуальные, предусмотрел определенные меры, направленные на ограничение прав физических лиц, являющихся фигурантами преступлений экстремистской направленности.

Кроме того, вступившее в законную силу решение суда Российской Федерации о ликвидации или запрете деятельности организации в связи с ее причастностью к экстремистской деятельности является основанием для включения организации в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности (пп. 1 п. 2¹ ст. 6 Федерального закона № 115-ФЗ).

Признание организации экстремистской влечет за собой определенные негативные правовые последствия для ее членов.

Так, после признания Верховным судом Российской Федерации в апреле 2017 г. религиозной организации «Управленческого центра свидетелей Иеговы в России» экстремистской и запрета её деятельности на всей территории Российской Федерации правоохранительными органами было инициировано уголовное преследование последователей указанного течения по ст. 282², 282³ УК РФ. В настоящее время судами постановлено более 25 приговоров по ст. 282² УК РФ в отношении членов ячеек ликвидированной по решению суда религиозной организации «Управленческого центра свидетелей Иеговы в России», в производстве органов предварительного расследования находится еще ряд уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 282³ УК РФ.

Мы отмечаем, что рост числа выявленных фактов организации деятельности экстремистской организации сопровождается увеличением числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 282³ УК РФ, с 13 в 2019 г. (в 2018 г. – 12) до 21 в 2020 г. Вместе с тем о сложности выявления и пресечения каналов материального обеспечения экстремистов, помимо приведенных количественных показателей, свидетельствует то обстоятельство, что в 2020 г. выявлено всего 5 лиц, занимающихся финансированием экстремистской деятельности¹.

В то же время, как уже отмечалось, правовые инструменты противодействия легализации преступных доходов должны служить одной из основополагающих составляющих в системе мер противодействия экстремистским проявлениям. Особую актуальность данные инструменты приобретают в период появления новых способов финансирования экстремизма посредством использования криптовалюты, о чем указывают Н. В. Володина [16], П. А. Жердев [17] и ряд других авторов.

В целях противодействия отмыванию преступного капитала, сокращения объемов сомнительных операций и обналичивания денежных средств государством были созданы органы финансового контроля, разработана система мер как законодательного, так и организационного характера по борьбе с отмыванием «грязных» денег, направленных на исключение возможности распоряжаться преступно полученными доходами [18, с.6]. Ключевым органом финансового контроля является Росфинмониторинг, которым проводится последовательная работа по совершенствованию финансовой безопасности государства.

В целях разработки эффективных средств, направленных на противодей-

¹ Сборник по России «О преступлениях террористического характера и экстремистской направленности» за 2018–2020 гг. (форма № 282).

ствие финансированию экстремистской деятельности, в рамках данной работы был проанализирован предложенный Росфинмониторингом законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия финансированию терроризма и иных противоправных деяний» и полученные выводы отражены в материалах работы.

Методология

В качестве базовой составляющей представленной работы выступают научные методы познания. При написании данной работы автором были использованы такие специальные методы познания, как логический, формально-юридический.

Использование законов формальной логики способствовало проведению анализа существующих механизмов и методов противодействия финансированию экстремизма, позволило выявить имеющиеся недостатки в существующей системе противодействия финансированию экстремистской деятельности, а также сформулировать позицию автора по заявленной проблематике.

Формально-юридический метод исследования состоял в изучении российского законодательства, регулирующего методы противодействия финансированию экстремистской деятельности, на основании чего были сформулированы предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Системный метод позволил рассмотреть институт противодействия экстремистской деятельности через структуру нормативно-правового регулирования противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Результаты и их обсуждение

Учитывая, что «информатизация кредитно-финансовой системы предопределила появление и активное применение современных механизмов осуществления финансовых расчетов» [19, с. 11], особый интерес для совершенствования системы противодействия финансированию экстремистской деятельности и иных противоправных явлений представляет предложенный Росфинмониторингом законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия финансированию терроризма и иных противоправных деяний», авторами которого предложено внедрение внесудебного механизма принятия правоохранительными органами и государственными органами, выполняющими контрольно-надзорные мероприятия за осуществлением транзакций денежных средств и иного имущества, решения о временном приостановлении операций, связанных со списанием денежных средств с банковских счетов (вкладов), открытых в целях оказания финансовой поддержки террористическим и экстремистским организациям, финансирования деятельности, направленной на организацию и (или) проведение незаконных публичных мероприятий, а также для целей незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ¹.

Для формирования и внедрения любого процесса, в том числе и в сфере противодействия легализации преступных доходов, необходимо создать систему его институционального сопровождения, направленную на выявление и финансовый мониторинг рисков участия кредитных

¹ О реализации Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 23.12.2019 №665-СФ URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/112002/> (дата обращения: 10.10.2020).

организаций и граждан в противоправных схемах по отмыыванию доходов [20, с. 99].

Подобный правовой механизм позволит пресекать финансовые операции с преступным капиталом, в том числе в рамках экстремистской деятельности, без судебного вмешательства. Для его реализации необходимо обеспечить тесное взаимодействие правоохранительных и иных государственных органов с Росфинмониторингом. Учитывая, что срок приостановления операций с денежными средствами до 10 рабочих дней влечет негативные последствия для физических и юридических лиц, принимать такие решения необходимо в исключительных обстоятельствах, не терпящих отлагательств, имея достоверную информацию о направленности денежных средств на финансирование терроризма, экстремизма и иных противоправных деяний. Полномочиями по принятию решения о приостановлении операций по банковским счетам предлагается делегировать руководителям федеральных органов исполнительной власти (МВД России, ФСБ России, Росфинмониторинга) и их заместителям. Данное предложение вполне обоснованно, учитывая, что указанные правоохранительные органы в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности обязаны выявлять финансовые операции, проводимые в целях финансовой поддержки террористических и экстремистских организаций, проведения незаконных публичных мероприятий, а также осуществления незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Наделение силовых структур и Росфинмониторинга полномочиями о принятии решения о приостановлении операций по банковским счетам сроком до десяти рабочих дней позволит своевременно реагировать на возможные проявления экстремистской деятельности и терроризма, тем самым пресекать их на начальной стадии. Информация о вынесенном уполномоченным органом решении о приостановлении операций по сче-

там должна быть размещена в личных кабинетах кредитных организаций не позднее одного рабочего дня, следующего за днем принятия или отмены решения о приостановлении операций.

По истечении десятидневного срока уполномоченное лицо, принявшее решение о приостановлении операций с финансовыми средствами, полученными в результате противоправной деятельности, вправе направить письменное заявление в суд в целях дальнейшего приостановления операций по банковским счетам или операций с использованием электронных средств платежа по судебному решению до отмены такого решения по основаниям, предусмотренным законодательством. При поступлении указанных сведений кредитная организация обязана незамедлительно приостановить соответствующие операции на срок, указанный в решении уполномоченного должностного лица федерального органа исполнительной власти либо его территориального органа, но не позднее рабочего дня, следующего за днем получения указанной информации. В день приостановления операций по банковским счетам кредитная организация информирует своего клиента в соответствии с заключенным договором с указанием причины принятия данного решения. В подобных случаях клиенту кредитной организации должны быть предоставлены определенные гарантии. Так, в судебном порядке возможно установление такому лицу ежемесячного пособия в размере величины прожиточного минимума в Российской Федерации для соответствующей категории граждан, из расчета на данное лицо и каждого члена его семьи. Однако выплата указанного пособия осуществляется за счет средств лица, в отношении которых принято судом решение о приостановлении операций с денежными средствами.

В рамках межведомственного взаимодействия уполномоченные лица органов МВД России, ФСБ России в течение одного рабочего дня направляют в Рос-

финмониторинг сведения о вынесении или отмене решения о приостановлении операций с финансовыми средствами с обязательным указанием реквизитов банковских счетов (вкладов) или электронных средств платежа, данных о владельце банковского счета (вклада) или электронного средства платежа.

Важная роль в данном законопроекте отведена органам прокуратуры Российской Федерации. Так, законопроектом предусмотрено обязательное уведомление в течение 24 часов Генерального прокурора Российской Федерации, его заместителей или иных подчиненных ему соответствующих прокуроров о принятии решения о приостановлении операций с денежными средствами. При этом предлагается предоставить прокурору право принесения протеста на принятое федеральными органами исполнительной власти с нарушениями требований действующего законодательства решение о приостановлении операций с денежными средствами, подлежащего рассмотрению в течение 48 часов с момента его принесения, и незамедлительному информированию прокурора о результатах его рассмотрения в письменной форме. Кроме того, в случае недостоверности сведений об осуществлении лицом, в отношении которого вынесено решение о приостановлении операций с денежными средствами, финансирования террористической деятельности, экстремистской деятельности и иной противоправной деятельности, уполномоченное лицо, принявшее данное решение, обязано незамедлительно его отменить.

Учитывая необходимость внесения большого количества изменений в целый ряд федеральных законов (Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и др.), а также необходимо-

сти систематизации работы правоохранительных и иных государственных органов на данном направлении, проектом федерального закона предусмотрен отложенный срок вступления в силу вышеуказанных изменений (по истечении 180 дней со дня его официального опубликования).

В настоящее время в соответствии с Федеральным законом № 115-ФЗ Росфинмониторинг имеет полномочия по приостановлению операций по счетам в срок до 30 дней в случае, если лицо, на имя которого открыт счет, подозревается в нарушении законодательства о легализации преступных доходов либо является членом преступных организаций, причастных к распространению оружия массового уничтожения. Также широкими полномочиями наделены кредитные организации, которые самостоятельно выявляют признаки совершения подозрительных операций посредством внедренных автоматизированных систем контроля над транзакциями клиентов, и на этом основании приостанавливают обслуживание счетов. Подобная ситуация может порождать риски злоупотребления полномочиями со стороны кредитных организаций, формируя значительное количество лиц, которым отказывается в обслуживании расчётных счетов по формальным основаниям. Примером тому служат многочисленные обращения предпринимателей к В. В. Путину в рамках экономических форумов, что банки закрывают счета без разъяснения причин, что мешает исполнению контрактных обязательств¹.

Наделение правоохранительных структур полномочиями по приостановлению операций по счетам физических и юридических лиц на основании внесудебных решений позволит свести к минимуму возможность принятия ими необоснован-

¹ Путин заявил, что блокировка счетов предпринимателей должна быть крайней мерой. URL: <https://www.klerk.ru/buh/news/482145/> (дата обращения: 05.01.2021).

ных решений, учитывая, что их вынесению предшествует проведение правоохранительными органами тщательной, всесторонней проверки поступившей информации с возможностью проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также обязательной последующей прокурорской проверкой принятых правоохранительными органами решений. Безусловно, при данном правовом механизме будут присутствовать коррупционные риски со стороны правоохранительных органов, но они будут сведены к минимуму, учитывая предложенную организацию взаимодействия правоохранительных органов с иными государственными органами и учреждениями, а также осуществление надзорных мероприятий органами прокуратуры.

Работа кредитных организаций направлена, прежде всего, на извлечение прибыли, поэтому они наиболее подвержены возникновению коррупционных рисков в своей деятельности, нежели федеральные органы исполнительной власти (МВД России, ФСБ России и др.). О данном факте свидетельствует проведенный анализ судебной практики арбитражных судов. Так, в рамках рассмотрения дела №А48-9235/2018 арбитражным судом установлено, что за период с 25.12.2017 по 26.06.2018 клиентом банка осуществлялись операции по счету, из анализа сведений о которых усматривался их транзитный характер, характеризующийся перечислением в короткий временной промежуток с расчетного счета истца денежных средств в размере, близком к поступившим, и незначительном остатке денежных средств на расчетном счете. Однако только 26.06.2018 клиенту был ограничен доступ к дистанционному обслуживанию по счёту путем его блокировки, поскольку в рамках выполнения процедур внутреннего контроля в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финан-

сированию терроризма, и оценки риска, связанного с осуществлением клиентских операций, банк на основании проведенного анализа операций клиента выявил признаки сомнительных операций¹.

Таким образом, несмотря на наличие сведений о сомнительных операциях кредитной организацией довольно продолжительный период времени не принималось решение о блокировании доступа к дистанционному обслуживанию счета клиента, не запрашивались обосновывающие документы в подтверждение экономического смысла операций, что порождает возникновение коррупционных рисков среди работников кредитной организации. Вместе с тем своевременное сообщение кредитной организацией данной информации правоохранительным органам позволило бы пресечь вышеуказанные операции в более разумный срок, учитывая широкие полномочия силовых структур в рамках проводимых ими доследственных проверок и расследования уголовных дел.

Выводы

Таким образом, учитывая широкие полномочия правоохранительных органов в проведении работы по выявлению фактов причастности лиц к экстремистской деятельности, прежде всего возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, установление «фильтра» со стороны органов прокуратуры, наделение правоохранительных органов полномочиями по принятию внесудебного решения о приостановлении операций с денежными средствами позволит наиболее полно и объективно дать

¹ Информационная система «Мой Арбитр». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/52e15272-1848-486a-aaf0-03a6c2a5466/7f821d89-ea30-4249-b613-94a2e64b73c5/A48-9235-2018_20200205_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.01.2021).

оценку наличию в финансовых операциях физических лиц признаков легализации преступных финансовых активов и послужит эффективным правовым механизмом борьбы с преступлениями экстремистской направленности. Данный правовой механизм в большей степени будет отвечать принципам законности и справедливости, нежели реализация указанных полномочий исключительно коммерческими организациями, к которым относятся банки и иные кредитные организации. Вместе с тем кредитные организации в полном объеме не могут быть лишены полномочий по блокированию счетов клиентов в рамках внутреннего контроля, учитывая, что данные меры направлены на профилактику легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма среди работников кредитных организаций.

Исходя из разных организационно-правовых форм деятельности кредитных организаций, осуществляющих постоянный сплошной мониторинг финансовых операций в целях оперативного реагирования на факты совершения клиентами сомнительных операций, и правоохрани-

тельных органов, основная работа которых направлена на выявление лиц, осуществляющих противоправные финансовые переводы, представляется целесообразной реализация предложенного Федеральной службой по финансовому мониторингу Российской Федерации правового механизма с сохранением права кредитных организаций блокировать расчетные счета клиентов, по которым осуществляются подозрительные операции.

Принятие предложенного Росфинмониторингом законопроекта послужит эффективным инструментом реализации государственной политики в сфере противодействия финансированию экстремистской деятельности, учитывая, что при совершении преступлений экстремистской и террористической направленности в большинстве случаев используются банковские счета, открытые на сравнительно небольшой промежуток времени, на подставных лиц или с использованием процедур, не требующих идентификации владельцев счетов, что делает неэффективным их первоначальное блокирование путем получения судебного решения.

Список литературы

1. Минин А. Я., Церунян В. А. О противодействии финансированию экстремистской деятельности // Российский следователь. 2016. № 6. С. 30–37.
2. Соловьев И. Н. Трудные времена для «обналички» // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. 2016. № 7. С. 88–95.
3. Вахрушев Г. Е. Международно-правовое регулирование противодействия финансированию терроризма // Бизнес в законе. 2013. № 3. С. 65–71.
4. Иванов П. И. Противодействие финансированию терроризма и экстремизма (в аспекте международного сотрудничества) // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 45–50.
5. Агапов П. В., Грудачёв И. В. Уголовно-правовое противодействие финансированию экстремистской деятельности и терроризма // Уголовное право. 2020. №6.
6. Тимофеев Е. В. Расследование преступлений, связанных с финансированием экстремизма // Организационное, процессуальное и криминалистическое обеспечение уго-

ловного производства: материалы VI Международной научной конференции студентов и магистрантов. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 109–110.

7. Добаев И. П., Добаев А. И. Особенности финансирования террористических структур в Северо-Кавказском регионе // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. 2016. № 4. С. 40–43.

8. Мацкевич И. М. Причины экономической преступности. М.: Проспект, 2017. 272 с.

9. Фролова Я. Н. Противодействие финансированию экстремизма как фактор обеспечения экономической безопасности // Actual scientific research 2018: материалы XXXVII Международной научно-практической конференции. Астрахань: Науч. центр «Олимп», 2018. С. 497–501.

10. Щебляков Е. С. Основные направления развития уголовного права в сфере борьбы с финансированием экстремистской деятельности // Юридическая наука. 2020. № 4. С. 92–94.

11. Наумов Ю. Г., Латов Ю. В. Роль организованной преступности в финансировании терроризма и экстремизма // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3 (12). С. 230–234.

12. Хаминский Я. М. Международный опыт противодействия финансированию терроризма и экстремизма, связанного с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 107–112.

13. Цитович Я. В. Правовое и экономическое регулирование системы противодействия легализации (отмыванию) криминальных доходов, финансированию терроризма, экстремизма и незаконному обороту оружия в Российской Федерации // Повышение эффективности форм и методов распространения среди населения знаний по вопросам экономической и финансовой безопасности России, борьбы с теневыми доходами, противодействия финансированию терроризма, экстремизма, антигосударственной и деструктивной деятельности: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. У. Альбекова. Ростов н/Д: РАЕН, 2017. С. 271–276.

14. Абдухамитов В. А. Противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов как источника финансирования терроризма и экстремизма // Известия Исык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2018. № 2 (21). С. 9–11.

15. Канатов А. К., Ахметов Е. К. К проблеме противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и экстремизма // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2018. № 1 (50). С. 115–123.

16. Володина Н. В. Глобализация и финансирование экстремизма // Глобализация и публичное право: материалы Международной научно-практической конференции / Российский университет дружбы народов. М., 2019. С. 10–15.

17. Жердев П. А., Мерецкий Н. Е., Белозерова А. Д. Криминалистические данные об использовании криптовалюты в финансировании экстремизма // Правовая культура России: современное состояние и тенденции развития: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадовой. Хабаровск: Дальневосточный гос. ун-т путей сообщения, 2019. С. 37–41.

18. Борисова Е. В. Организационно-управленческий механизм противодействия финансированию экстремизма и терроризма на современном этапе // Мировая экономика: проблемы безопасности. 2019. № 1. С. 5–8.

19. Батоев В. Б., Семенчук В. В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2(42). С. 9–15.

20. Сизов В. Е., Абашина Л. А., Грудачёв И. В. Делегирование государственных полномочий частным организациям при расследовании преступлений в сфере легализации преступных денежных средств // Современное общество и право. 2019. № 2(39). С. 98–102.

References

1. Minin A. Ya., Cerunyan V. A. O protivodejstvii finansirovaniyu ekstremistskoj deyatel'nosti [On countering the financing of extremist activities]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2016, no. 6, pp. 30–37.

2. Solov'ev I. N. Trudnye vremena dlya "obnalichki" [Difficult times for "cashing out"]. *Nalogovyy vestnik – Konsul'tacii. Raz'yasneniya. Mneniya = Tax Bulletin – Consultations. Explanations. Opinions*, 2016, no. 7, pp. 88–95.

3. Vahrushev G. E. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie protivodejstviya finansirovaniyu terrorizma [International legal regulation of countering the financing of terrorism]. *Biznes v zakone = Business in Law*, 2013, no. 3, pp. 65–71.

4. Ivanov P. I. Protivodejstvie finansirovaniyu terrorizma i ekstremizma (v aspekte mezhdunarodnogo sotrudnichestva) [Countering the financing of terrorism and extremism (in the aspect of international cooperation)]. *Bezopasnost' biznesa = Business Security*, 2019, no. 4, pp. 45–50.

5. Agapov P. V., Grudachyov I. V. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie finansirovaniyu ekstremistskoj deyatel'nosti i terrorizma [Criminal-legal counteraction to the financing of extremist activities and terrorism]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2020, no. 6.

6. Timofeev E. V. [Investigation of crimes related to the financing of extremism]. *Organizatsionnoe, processual'noe i kriminalisticheskoe obespechenie ugolovnogo proizvodstva. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i magistrantov* [Organizational, procedural and criminalistic support of criminal proceedings. Materials of the VI International Scientific Conference of Students and Magicians]. Simferopol', IT "ARIAL" Publ., 2017, pp. 109–110. (In Russ.)

7. Dobaev I. P., Dobaev A. I. Osobennosti finansirovaniya terroristicheskikh struktur v Severo-Kavkazskom regione [Features of financing of terrorist structures in the North Caucasus region]. *Protivodejstvie terrorizmu. Problemy XXI veka = Counteraction to Terrorism. Problems of the XXI century*, 2016, no. 4, pp. 40–43.

8. Mackevich I. M. Prichiny ekonomicheskoy prestupnosti [Causes of economic crime]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 272 p.

9. Frolova Ya. N. [Countering the financing of extremism as a factor in ensuring economic security]. *Actual scientific research 2018. Materialy XXXVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual scientific research 2018. Proceedings of the XXXVII International Scientific and Practical Conference]. Astrahan', Nauch. centr. "Olimp", 2018, pp. 497–501. (In Russ.)

10. Shcheblyakov E. S. Osnovnye napravleniya razvitiya ugolovnogo prava v sfere bor'by s finansirovaniem ekstremistskoj deyatel'nosti [The main directions of the development of crimi-

nal law in the field of combating the financing of extremist activities]. *Yuridicheskaya nauka* = *Legal science*, 2020, no. 4, pp. 92–94.

11. Naumov Yu. G., Latov Yu. V. Rol' organizovannoj prestupnosti v finansirovanii terrorizma i ekstremizma [The Role of organized crime in the financing of terrorism and extremism]. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij* = *Russian Journal of Legal Research*, 2017, no. 3 (12), pp. 230–234.

12. Haminskij Ya. M. Mezhdunarodnyj opyt protivodejstviya finansirovaniyu terrorizma i ekstremizma, svyazannogo s legalizaciej (otmyvaniem) dohodov, poluchennyh prestupnym putem [International experience in countering the financing of terrorism and extremism related to the legalization (laundering) of proceeds from crime]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* = *Bulletin of Economic Security*, 2020, no. 4, pp. 107–112.

13. Citovich YA. V. [Legal and economic regulation of the system of countering the legalization (laundering) of criminal income, the financing of terrorism, extremism and illegal arms trafficking in the Russian Federation]. *Povyshenie effektivnosti form i metodov rasprostraneniya sredi naseleniya znaniy po voprosam ekonomicheskoy i finansovoj bezopasnosti Rossii, bor'by s tenevymi dohodami, protivodejstviya finansirovaniya terrorizma, ekstremizma, antigosudarstvennoj i destruktivnoj deyatel'nosti. Sbornik dokladov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Improving the effectiveness of forms and methods of spreading knowledge among the population on the issues of economic and financial security of Russia, combating shadow income, countering the financing of terrorism, extremism, anti-state and destructive activities. Collection of reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by A. U. Al'bekova. Rostov-on-Don, RAEN Publ., 2017, pp. 271–276. (In Russ.)

14. Abduhamitov V. A. Protivodejstvie legalizacii (otmyvaniyu) prestupnyh dohodov kak istochnika finansirovaniya terrorizma i ekstremizma [Countering the legalization (laundering) of criminal income as a source of financing of terrorism and extremism]. *Izvestiya Issyk-Kul'skogo foruma buhgalterov i auditorov stran Central'noj Azii* = *Proceedings Issyk-Kul Forum of Accountants and Auditors of Central Asian Countries*, 2018, no. 2 (21), pp. 9–11.

15. Kanatov A. K., Ahmetov E. K. K probleme protivodejstviya otmyvaniyu dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma i ekstremizma [On the problem of countering the laundering of proceeds from crime and the financing of terrorism and extremism]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan* = *Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*, 2018, no. 1 (50), pp. 115–123.

16. Volodina N. V. [Globalization and Financing of Extremism]. *Globalizaciya i publichnoe parvo. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Globalization and Public Law. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Peoples' Friendship Univ. of Russia Publ., 2019, pp. 10–15. (In Russ.)

17. Zherdev P. A., Mereckij N. E., Belozerova A. [Forensic data on the use of cryptocurrency in the financing of extremism]. *Pravovaya kul'tura Rossii: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Legal culture of Russia: current state and development trends. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by S. E. Turkulec, E. V. Listopadovoj. Habarovsk, Dal'nevostochnyj gos. univ. putej soobshcheniya Publ., 2019, pp. 37–41.

18. Borisova E. V. Organizacionno-upravlencheskij mekhanizm protivodejstviya finansirovaniyu ekstremizma i terrorizma na sovremennom etape [Organizational and managerial mechanism of countering the financing of extremism and terrorism at the present stage]. *Miro-*

vaya ekonomika: problemy bezopasnost = World Economy: Problems of Security, 2019, no. 1, pp. 5–8.

19. Batoev V. B., Semenchuk V. V. Ispol'zovanie kriptovalyuty v prestupnoj deyatel'nosti: problemy protivodejstviya [The use of cryptocurrency in criminal activity: problems of counter-action]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2(42), pp. 9–15.

20. Sizov V. E., Abashina L. A., Grudachyov I. V. Delegirovanie gosudarstvennyh polnomochij chastnym organizatsiyam pri rassledovanii prestuplenij v sfere legalizatsii prestupnyh denezhnyh sredstv [Delegating state powers to private organizations in the investigation of crimes in the field of money laundering]. *Sovremennoe obshchestvo i pravo = Modern Society and Law*, 2019, no. 2(39), pp. 98–102.

Информация об авторе / Information about the Author

Грудачёв Илья Владимирович, заместитель прокурора Глазуновского района Орловской области; соискатель, Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: giv0808@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1763-817X

Ilya V. Grudachev, Deputy Prosecutor of the Glazunovsky district Orel region; Applicant University of the office of the Prosecutor of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
e-mail: giv0808@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1763-817X

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.791

Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны обращения ценных бумаг

Н. Н. Рыженков¹ ✉¹Воронежский государственный университет

Университетская площадь 1, г. Воронеж 394018, Российская Федерация

✉ e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru

Резюме

Актуальность. В кризисных условиях современной экономики фондовый рынок обретает исключительную значимость: его состояние, в том числе степень защищенности, обуславливает инвестиционную привлекательность государства. Активное и безопасное обращение финансовых инструментов позволяет бизнесу получить дополнительные капиталовложения, инвесторам – ожидаемую прибыль, гражданам – сберечь и преумножить свободную денежную массу, а государству обеспечивает дополнительные поступления налоговых платежей.

Цель работы – определение уголовно-правового механизма защиты обращения ценных бумаг в Российской Федерации.

Задачи: дать правовую характеристику преступных посягательств на порядок обращения ценных бумаг (в том числе решить проблемы отграничения от общих норм), сравнить законодательство РФ, регулирующее обращение ценных бумаг, с аналогичным законодательством некоторых других государств, определить достаточность и необходимость существующей системы уголовно-правовых норм, посредством которых осуществляется охрана обращения ценных бумаг.

Методология. В ходе работы использовались методы сравнительного, системного и структурно-функционального анализа, систематического междисциплинарного анализа и синтеза. Исследование проводилось с применением общеправовых методов индукции и дедукции, сравнительно-правового метода.

Результаты. В ходе исследования выявлено, что существующая система уголовно-правовых норм, направленных на охрану обращения ценных бумаг, не отвечает вызовам современной реальности фондового рынка, а применяемые законодателем подходы к построению уголовно-правовых запретов нерелевантны исходным нормам гражданского и финансового права.

Вывод. Необходимо сформулировать норму, направленную на охрану обращения ценных бумаг таким образом, чтобы она охватывала одновременно и манипулирование ценами, и инсайдерскую торговлю, учитывая при этом специальные характеристики субъекта преступления.

Ключевые слова: фондовый рынок; инсайдерская информация; манипулирование рынком.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Рыженков Н. Н. Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны обращения ценных бумаг // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 68–79.

Поступила в редакцию 09.02.2020

Принята к публикации 12.03.2021

Опубликована 26.04.2021

Some Issues of Criminal Law Protection of Securities Circulation

Nikolay N. Ryzhenkov¹ ✉

¹Voronezh State University

1 Universitetskaya square, Voronezh 394018, Russian Federation

✉ e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru

Abstract

Relevance. In the crisis conditions of the modern economy, the stock market becomes extremely important: its state, including the degree of security, determines the investment attractiveness of the state. Active and safe circulation of financial instruments allows businesses to receive additional capital investments, investors-the expected profit, citizens-to save and increase the free money supply, and the state provides additional income tax payments.

The purpose of the work is to determine the criminal law mechanism for protecting the circulation of securities in the Russian Federation.

Objectives: to give a legal description of criminal encroachments on the procedure for securities circulation (including solving the problems of differentiation from General norms), to compare the legislation of the Russian Federation regulating the circulation of securities with the similar legislation of some other States, to determine the sufficiency and necessity of the existing system of criminal law norms by which the securities circulation is protected.

Methodology. In the course of the work, the methods of comparative, systemic and structural-functional analysis, systematic interdisciplinary analysis and synthesis were used. The study was conducted using the general philosophical methods of induction and deduction, the comparative legal method.

Results. The study revealed that the existing system of criminal law norms aimed at protecting the circulation of securities does not meet the challenges of the modern reality of the stock market, and the approaches used by the legislator to build criminal law prohibitions are not relevant to the original norms of civil and financial law.

Conclusion. It is necessary to formulate a rule aimed at protecting the circulation of securities in such a way that it covers both price manipulation and insider trading, while considering the special characteristics of the subject of the crime.

Keywords: stock market; insider information; market manipulation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ryzhenkov N. N. Some Issues of Criminal Law Protection of Securities Circulation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 68–79. (In Russ.)

Received 09.02.2021

Accepted 12.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

В период финансово-экономического кризиса, обусловленного многими факторами, среди которых выделяются развал «нефтяной сделки» в формате ОПЕК, экономические последствия распространения COVID-19, формирование кредитного пузыря, непредсказуемость валютной волатильности, наблюдается снижение доходности привычных сберегательных и накопительных инструментов. С другой стороны, на фоне указанных яв-

лений потребность бизнеса в привлечении стороннего капитала только нарастает, что в совокупности с желанием граждан не только сохранить, но и преумножить свои свободные сбережения обусловливает стремительно нарастающую популярность инвестирования в ценные бумаги.

Одновременно с этим создаются наиболее благоприятные условия для криминализации финансового рынка. Безопасность субъекта, как и безопас-

ность системы общества в целом, определяется наличием или отсутствием информации и возрастающей скоростью устаревания информации. Причиной тому и другому является рост интенсивности коммуникаций в обществе. В связи с этим манипулирование информацией на рынке еще более усугубляет текущую непростую ситуацию, способствует различного рода спекуляциям с ценными бумагами, а также является причиной волнения населения относительно любых рыночных колебаний.

Сказанное обуславливает высочайшую потребность в правовой охране общественных отношений, возникающих в связи с обращением ценных бумаг, а также высокий правовой потенциал существования качественно сформулированных уголовно-правовых запретов, установленных в этой связи.

Методология

Методологическая основа представлена всеобщим методом – материалистической диалектикой при рассмотрении уголовно-правовых явлений в их развитии и в конкретно-исторической ситуации; общенаучными: анализом, синтезом, системным и функциональным подходами при раскрытии существенных признаков преступления, а также частнонаучными, в том числе статистическим, методом правового моделирования; частно-правовым формально-юридическим методом – при изучении технико-юридической составляющей норм, регулирующих отношения, возникающие в ходе уголовно-правовой охраны фондового рынка.

Состояние научной разработанности проблемы оставляет желать лучшего: тематика фондового рынка в уголовно-правовом срезе вскользь оговаривалась в работах Н. А. Лопашенко [1; 2], Б. В. Волженкина [3; 4], А. Э. Жалинского [5], В. Н. Кудрявцева [6], И. Е. Максимовой и некоторых других [7–12].

Результаты и их обсуждение

Необходимость совершенствования соответствующей части уголовно-правовых запретов была замечена не только учеными, но и представителями практической работы на высшем уровне: глава Следственного комитета Российской Федерации Александр Бастрыкин еще в 2016 г., рассуждая о качестве всего законодательства о противодействии манипулированию рынком, отметил, что «нормативная база по этому вопросу нуждается в совершенствовании, а многие соответствующие правовые нормы имеют крайне низкий правоприменительный потенциал и лишь создают видимость уголовно-правовой защищенности экономических отношений»¹.

Отметим, что понимание необходимости охраны нормального функционирования финансового рынка пришло к законодателю давно. В 2009 г. Уголовный кодекс был оснащен ст. 185.3, именованной как «Манипулирование ценами на рынке ценных бумаг». Появление подобной нормы свидетельствует о понимании государством рисков на рынке ценных бумаг, но она носила точечный характер, не решала проблему комплексно, что никак нельзя назвать правильным. Диспозиция действовавшей редакции данной статьи никак не описывала преступного деяния и его признаков, отсылая правоприменителя к законодательству о ценных бумагах. Уже в январе 2011 г. указанная статья приобрела привычный вид, в котором практически без изменений сохранилась до сих пор.

Другой нормой, направленной на охрану нормального функционирования фондового рынка и предотвращение неправомерного исследования информации, которая не должна становиться достоянием неограниченного круга лиц, является ст. 185.6 УК РФ «Неправомерное исполь-

¹ Следственный комитет Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://sledcom.ru> (дата обращения: 27.11.2020)

зование инсайдерской информации». Общественная опасность деяния, предусмотренного этой статьей, выражается в том, что нарушается естественный порядок функционирования рынка инвестиций, а происходит это по причине утраты инвесторами прямо или косвенно своих преимуществ (либо получения таких преимуществ третьими лицами) вследствие использования отдельными субъектами информации, не раскрытой публично, но имеющей ключевое, если не определяющее значение для стоимости финансовых инструментов того или иного эмитента.

По нашему мнению, рассмотрение данных составов преступлений должно осуществляться исключительно в совокупности, поскольку, при кажущихся различиях, предметом их правового регулирования являются настолько сходные общественные отношения, что их можно назвать тождественными. Анализ объективной стороны преступлений, предусмотренных названными статьями УК РФ, позволил сделать вывод о том, что они соотносятся как целое и часть, т. е. манипулирование рынком охватывает собой в том числе неправомерное использование инсайдерской информации. Подробное обоснование данной позиции будет приведено далее, начать же описание указанных преступлений целесообразно с их объекта и предмета.

А. А. Турышев считает исследуемые преступления информационными и предлагает поместить их в новую главу УК РФ «Преступления информационного характера» [13, с. 15]. Такая позиция имеет право на существование и заслуживает внимания, поскольку, как отмечалось, одним из ключевых факторов, наносящих вред нормальному функционированию фондового рынка, является наличие или отсутствие у субъектов определенной информации, относящейся к тому или иному активу. Однако необходимо заметить, что помимо распоряжения информацией (распространение ложной, ис-

пользование инсайдерской и т. д.), преступление, предусмотренное ст. 185.3 УК РФ, может быть совершено в иных формах.

А. В. Щербаков полагает, что преступление, предметом которых являются ценные бумаги, относится к преступлениям в банковской сфере, и предлагает ввести в УК РФ главу «Преступления в банковской сфере», включающую запреты по охране рынка ценных бумаг [14, с. 8]. Такая трактовка представляется немотивированной, поскольку субъектный состав фондового рынка давно перестали составлять исключительно банки, уступив место целому ряду иных профессиональных участников. Кроме того, как мы уже успели заметить, предмет указанных преступлений составляют не только ценные бумаги, но также, в первую очередь, информация, а наравне с ней любой иной базовый актив, составляющий предмет торгов на бирже.

Мы склонны соглашаться с М. М. Гайбаряном, который полагает, что объектом выступает финансовая деятельность граждан и организаций [15, с. 39]. Считаем, что посягательства на нормальное функционирование рынка ценных бумаг в абсолютном большинстве своём вредят в первую очередь предпринимательской деятельности (а также инвестиционной деятельности граждан, которая носит квазипредпринимательский характер), поскольку размещение на бирже или приобретение любого финансового инструмента есть деятельность по распоряжению финансами: либо их привлечением, либо их вложением. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что описываемые нами преступления правильно отнесены законодателем к главе 22 УК РФ.

По мнению И. В. Миронюка, проблема заключается еще и в том, что отсутствие единого подхода к определению предмета преступления вообще, а также бланкетный характер уголовно-правовых норм о преступлениях, совершаемых на

ценных бумаг, существенно затрудняют установление предмета преступлений, совершаемых на фондовом рынке [16, с. 213]. Отметим, что в данных преступлениях ни в коем случае нельзя ограничивать предмет одними лишь ценными бумагами – под ним необходимо понимать любой финансовый инструмент, что обусловлено высочайшей динамикой развития фондового рынка: еще десять лет назад словосочетание «бинарный опцион» было знакомо лишь экономистам, а сегодня оно вхоже в лексикон большинства вовлеченных в инвестиционный процесс лиц. Справедливости ради нужно сказать, что это замечание учтено законодателем в действующей редакции соответствующих статей, в отличие от многих других.

Содержание ст. 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком» представляется сложным для уяснения, что обусловлено необходимостью обращения не только к уголовному, но и к административному, гражданскому и финансовому законодательству. Так, согласно её диспозиции, манипулирование рынком есть умышленное распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет), заведомо ложных сведений или совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами либо иные умышленные действия, запрещенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, если в результате таких незаконных действий цена, спрос, предложение или объем торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который сформировался бы без учета указанных выше незаконных действий, и такие действия причинили крупный

ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжены с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере.

Представляется неочевидным, какую цель преследовал законодатель, предпринимая попытку детализации объективной стороны, не приводя при этом исчерпывающего перечня деяний, являющихся преступными. Отметим, что сформировать такой перечень не представляется возможным ввиду того, что способы совершения данного деяния постоянно меняются и становятся все изощреннее, в то время как уголовному закону такая мобильность не присуща. Оперативно реагировать на изменения в методике ведения деятельности на фондовом рынке призвано законодательство о ценных бумагах, представленное прежде всего Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, ч. 1 ст. 5 которого содержит перечень деяний, относящихся к манипулированию рынком.

Согласно требованиям уголовно-правовой нормы для квалификации деяния по ст. 185.3 необходимо, чтобы в результате деяний, направленных на манипулирование рынком, цена, спрос, предложение или объем торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который сформировался бы без учета

¹ О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ: [ред. от 01.04.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103037/ (дата обращения: 27.11.2020).

указанных в законе противоправных действий. В ч. 2 ст. 5 Федерального закона № 224-ФЗ говорится о том, что критерии существенного отклонения цены, спроса, предложения или объема торгов финансовым инструментом, иностранной валютой и (или) товаром по сравнению с уровнем цены, спроса, предложения или объема торгов таким финансовым инструментом, иностранной валютой и (или) товаром, который сформировался бы без учета действий, предусмотренных данной статьей, устанавливаются в зависимости от вида, ликвидности и (или) рыночной стоимости финансового инструмента, иностранной валюты и (или) товара организатором торговли на основании методических рекомендаций Банка России. Другими словами, Федеральный закон отсылает правоприменителя к следующему документу, без которого ему не обойтись при квалификации деяния – соответствующим методическим рекомендациям Банка России.

Что касается способов совершения исследуемого деяния (в данном случае речь идет о вариациях деяния, напрямую не названных в диспозиции нормы), то из открытых данных Банка России можно сделать вывод о том, что оно осуществляется путем согласованных операций с финансовыми инструментами. Интересное разъяснение данного механизма приводит А. Н. Лясколо: «Группа лиц, включающая в себя в том числе и подставных лиц, совершает между своими участниками ряд взаимных сделок по купле-продаже финансовых инструментов. Отметим, что для таких сделок характерно отсутствие экономического смысла, они направлены лишь на создание иллюзии торговой активности, следствием которой становится изменение цены на такие финансовые инструменты» [17, с. 24].

Задолго до введения в действие ст. 185.3 УК РФ и выделения из ст. 159 УК РФ множества специальных норм, специально созданный для регулирования деятельности на фондовом рынке орган вла-

сти в своем письме «О возможных мошеннических схемах при торговле ценными бумагами с использованием сети Интернет»¹ указывал целый ряд противоречивых деяний, совершаемых на рынке ценных бумаг, которые при должной доказательственной базе могли быть квалифицированы как мошенничество. Среди них выделялись:

1) схема «увеличить и сбросить», заключающаяся в извлечении прибыли за счет продажи ценных бумаг, спрос на которые был искусственно сформирован;

2) схема «надежного капиталовложения», сводящаяся к распространению через СМИ инвестиционных предложений с низким уровнем риска и большим размером потенциальной прибыли; как правило, это предложение несуществующих, но очень популярных проектов;

3) схема «финансовой пирамиды», на существование которой законодатель должным образом отреагировал только в 2016 г., введя в главу 22 УК РФ ст. 172.2.

К сожалению, с упразднением в 2004 г. вышеназванной структуры данное письмо утратило силу, а перечисленные деяния фактически выпали из под уголовно-правового запрета.

Подход, изложенный в письме, представляется заслуживающим права на существование. Оговоримся, что его применение разрушило бы охрану отношений в сфере обращения ценных бумаг как самостоятельный уголовно-правовой институт, однако вполне соответствовало бы тенденции снижения объема УК РФ и практике зарубежных стран, преуспевших в регулировании фондового рынка.

Так, например, по законодательству штата Нью-Йорк предложение или попытка продать любые ценные бумаги в нарушение дилером, брокером, продав-

¹ О возможных мошеннических схемах при торговле ценными бумагами с использованием сети Интернет: письмо ФКЦБ РФ от 20.01.2000 № ИБ-02/229. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26135/ (дата обращения: 27.11.2020).

цом регистрационных требований, применение хитрости для обмана или получения денег, или имущества ложным предложением или представлением, инсайдерская торговля и некоторые другие характерные для фондового рынка деяния квалифицируются как мошенничество. Похожего подхода придерживается и Германия. Преступное деяние, совершенное на рынке ценных бумаг, но обладающее определенным набором объективно-субъективных признаков, подлежит квалификации по соответствующей статье так называемой «мошеннической группы».

По конструкции состав является материальным: для признания преступления оконченным необходимо, чтобы манипулирование рынком причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо было сопряжено с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере. Вопрос о том, что данный состав преступления необходимо трансформировать в формальный, заслуживает внимания, поскольку в литературе существует мнение, что деяния, описанные законодателем в диспозиции исследуемой нормы, не могут повлечь за собой наступление ущерба, однако такое суждение представляется нам преждевременным. Манипулирование рынком (равно как и инсайдерская торговля, о чем будет сказано далее) неминуемо влечет за собой значимые в уголовно-правовом смысле последствия. С одной стороны, результатом продажи манипулятором финансового инструмента по завышенной цене станет:

а) причинение ущерба приобретателю актива в размере разности цены его приобретения от уровня объективной цены;

б) избежание продавцом убытка в результате продажи актива, когда падение его цены неизбежно без манипулятивной поддержки.

С противоположной стороны, когда манипулирование направлено на уста-

новление монопольно низкой цены, результатом становится приобретение определенным лицом (самим манипулятором либо подставным лицом, входящим в его группу) актива по заниженной цене. В этом случае ущерб, наносимый продавцу, может выразиться в размере занижения стоимости актива от его реальной цены, упущенной выгоды на сумму неполученного дохода от продажи актива. Кроме того, очевидно извлечение покупателем излишнего дохода (снижения расхода) от покупки актива на сумму сэкономленной разности между объективной ценой и покупной ценой.

Рассматривая вопрос о субъекте анализируемого преступления, нельзя не отметить, что среди ученых-юристов активно обсуждается вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, однако мы остаемся сторонниками классического подхода в понимании субъекта преступления и считаем, что таковым должно оставаться физическое лицо. Полагаем, что в этом направлении необходимо пересмотреть административно-правовые санкции и дополнить ст. 15.30 КоАП РФ, как минимум, административным наказанием в виде приостановления деятельности организации, поскольку оно может иметь для организации намного большее карательное воздействие, нежели какая-либо из существующих уголовно-правовых санкций, теоретически применимых к юридическим лицам. Однако этот вопрос, на наш взгляд, следует оставить в сфере научных интересов ученых-административистов.

В неразрывной связи с описанной нормой находится другая, регулирующая, в сущности, ту же группу общественных отношений, но по не совсем очевидной причине выделенная законодателем в самостоятельный состав преступления: ст. 185.6 УК РФ «Неправомерное использование инсайдерской информации». Общественная опасность деяния, предусмотренного этой статьей, выражается в том, что нарушается естественный поря-

док функционирования рынка инвестиций, а происходит это по причине утраты инвесторами прямо или косвенно своих преимуществ (либо получения таких преимуществ третьими лицами) вследствие использования отдельными субъектами информации, не раскрытой публично, но имеющей ключевое, если не определяющее, значение для стоимости финансовых инструментов того или иного эмитента. Таким образом, налицо подрыв основополагающего принципа рыночной экономики – честной конкуренции.

В науке устоялось мнение, что предметом исследуемого преступления является инсайдерская информация, т. к. именно на нее направлено воздействие лица, неправомерно использующего её в своих интересах, или в интересах третьих лиц, с целью получения дохода или избежания расхода [18, с. 20]. Понимание данного термина в информационно-правовом и уголовно-правовом смысле, на наш взгляд, плохо коррелируется и требует переосмысления.

Мы склонны полагать, что информация, как условно существующая часть объективного мира, не претерпевает вследствие действий виновного изменений сама по себе, она остается прежней, не искажается и не уничтожается. Безусловно, она теряет свою актуальность и ценность в экономическом смысле, но не более этого. Принимая во внимание тот факт, что согласно классической доктрине уголовного права предмет преступления есть то, на что направлено общественно опасное деяние – таковым никак не может быть названа информация. Если рассматривать инсайдерскую информацию в качестве предмета, то уместно говорить исключительно о предмете уголовно-правовой охраны.

Определенное значение для уголовного права имеет толкование понятия

«инсайдерская информация». Согласно ст. 2 Закона о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации, она представляет собой точную и конкретную информацию, которая не была распространена или представлена (в том числе сведения, составляющие коммерческую, служебную, банковскую тайну, тайну связи (в части информации о почтовых переводах денежных средств) и иную охраняемую законом тайну), распространение или представление которой может оказать существенное влияние на цены финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров (в том числе сведения, касающиеся одного или нескольких эмитентов эмиссионных ценных бумаг, одной или нескольких управляющих компаний, инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов, одного или нескольких хозяйствующих субъектов, финансовых инструментов, иностранной валюты, товаров) и которая относится к информации, включенной в соответствующий перечень инсайдерской информации.

Отличие инсайдерской информации от других видов конфиденциальной информации (коммерческой, служебной, банковской тайны, тайны связи) состоит в том, что вышеуказанные тайны подлежат сохранению. Должны быть проведены все допускаемые законом действия для того, чтобы конфиденциальная информация осталась тайной, не стала достоянием неограниченного круга лиц. Инсайдерская же информация на финансовом и товарном рынках должна сохраняться недоступной для третьих лиц достаточно короткое время, затем она подлежит обязательному раскрытию.

Отметим, что составить исчерпывающий перечень сведений, составляющих инсайдерскую информацию, возможным

не представляется, однако можно сказать, что в уголовно-правовом аспекте инсайдерская информация должна обладать следующими признаками: точность; неизвестность неограниченному кругу лиц; наличие потенциала влияния на цены финансовых инструментов.

Действие с инсайдерской информацией, образующее объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 185.6 УК РФ, заключается в умышленном использовании таковой, выраженном в одной из двух форм:

а) для осуществления операций с финансовыми инструментами (и пр.), к которым относится такая информация, за свой счет или за счет третьего лица;

б) путем дачи рекомендаций третьим лицам или побуждения таких лиц к осуществлению операций с финансовыми инструментами.

Хотелось бы обратить внимание на две возникающие проблемы. Первая связана с отсутствием в исходном законодательстве расшифровки термина «использование», другая состоит в том, что действия, описанные во второй части диспозиции, слишком очевидно напоминают положения УК РФ о соучастии в форме подстрекательства, вступая в коллизию с ними.

Тот факт, что законодатель не устанавливает специфических признаков субъекта исследуемого преступления, также представляется спорным, поскольку первое из альтернативно предусмотренных деяний в состоянии выполнить любой человек, получив инсайдерскую информацию из любых источников, даже

став случайным слушателем разговора лица, допустившего по неосторожности утечку такой информации. При этом совершение таких действий лицом, являющимся обладателем инсайдерской информации в силу должности либо специального статуса, не только не исключено, но и в большинстве случаев единственно возможно. Полагаем, данные обстоятельства должны быть непременно учтены при формировании качественного уголовно-правового запрета, и указанные лица должны рассматриваться как специальные субъекты, наличие которого будет характерно для квалифицирующего признака исследуемого преступления.

Выводы

Подытоживая все сказанное, считаем, что наиболее целесообразно было бы исключить ситуацию, при которой сходные до однородности по своей структуре деяния охватываются различными нормами УК РФ, и сформулировать для них одну, «общую» статью, установив ответственность за нарушения в сфере обращения ценных бумаг вообще, безотносительно к специфике средств и способов их совершения. Необходимо сформулировать норму так, чтобы она охватывала одновременно и манипулирование ценами, и инсайдерскую торговлю, и нарушение интересов клиентов брокерами, учитывая при этом специальные характеристики субъекта преступления. Статьи же 185.3 и 185.6 УК РФ полагаем необходимым признать утратившими силу в полном объеме, в связи с крайне низким правовым потенциалом.

Список литературы

1. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности. Комментарий к главе 22 Уголовного кодекса РФ. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 384 с.

2. Лопашенко Н. А. Новые преступления в отношении учета прав на ценные бумаги // Следователь. 2010. № 9 (149). С. 14–21.
3. Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. 312 с.
4. Волженкин Б. В. Некоторые вопросы общей характеристики преступлений в сфере экономической деятельности по Уголовному кодексу Российской Федерации // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: сборник научных статей. Вып. 5. СПб.: Волтерс Клувер, 2005. С. 332–346.
5. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2009. 400 с.
6. Кудрявцев В. Н. Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. Т. 3: Политология, идеология, этика. М.: Наука, 2002. 426 с.
7. Максимова И. Е. Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (фальшивомонетничество): криминологический и уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 26 с.
8. Кириллова А. В. Некоторые проблемы определения понятия «ценные бумаги» // Современное право. 2009. № 1. С. 22–24.
9. Клепицкий И. А. Уголовно-правовая охрана инвестиций на рынке ценных бумаг // Законодательство. 2003. № 12. С. 59–64.
10. Талан М. В. Ответственность за преступления на рынке ценных бумаг по уголовному праву России // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, № 4. С. 187–197.
11. Федоров А. Ю. Совершенствование уголовно-правового механизма противодействия незаконной дополнительной эмиссии акций // Российский следователь. 2010. № 12. С. 19–22.
12. Вербицкая Н. А. Злоупотребления при эмиссии корпоративных ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 192 с.
13. Турышев А. А. Информация как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 23 с.
14. Щербаков А. В. Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступлениями в банковской сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. 25 с.
15. Гайбарян М. М. О системе норм, регламентирующих ответственность за преступления в сфере обеспечения финансовой безопасности в Уголовном кодексе России // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 5. С. 37–40.
16. Миронюк И. В. Предмет преступлений, совершаемых на рынке ценных бумаг // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 212–217.
17. Лясколо А. Н. Общественно опасные последствия манипулирования рынком и неправомерного использования инсайдерской информации // Безопасность бизнеса. 2018. № 5. С. 19–25.
18. Бикбулатов Т. И. Уголовно-правовая охрана инсайдерской информации в России // Уголовное право и современность: сборник статей. М.: Юрист, 2012. С. 19–27.

References

1. Lopashenko H. A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti. Kommentarij k glave 22 Ugolovnogo kodeksa RF [Crimes in the sphere of economic activity. Commentary to Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2007. 384 p.
2. Lopashenko H. A. Novye prestupleniya v otnoshenii ucheta prav na cennye bumagi [New crimes in relation to the accounting of rights to securities]. *Sledovatel' = Investigator*, 2010, no. 9 (149), pp. 14–21.
3. Volzhenkin B. V. Ekonomicheskie prestupleniya [Economic crimes]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 1999. 312 p.
4. Volzhenkin B. V. [Some questions of the general characteristics of crimes in the sphere of economic activity under the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy nauki i praktiki kommercheskogo prava. Sbornik nauchnyh statej* [Actual problems of science and practice of commercial law. Collection of scientific articles]. Is. 5. St. Petersburg, Volters Kluver Publ., 2005, pp. 332–346. (In Russ.)
5. Zhalinskij A. E. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz [Criminal law awaiting change: a theoretical and instrumental analysis]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 400 p.
6. Kudryavcev V. N. Izbrannye trudy po social'nym naukam. Vol. 3: Politologiya, ideologiya, etika [Selected Works on Social Sciences. Vol. 3: Political Science, Ideology, Ethics]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 426 p.
7. Maksimova I. E. Izgotovlenie ili sbyt poddel'nyh deneg ili cennyh bumag (fal'shivomonetnichestvo): kriminologicheskij i ugovno-pravovoj aspekt. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Manufacture or sale of counterfeit money or securities (counterfeiting): criminological and criminal-legal aspect. Abstract cand. legal sci. diss.]. Vladivostok, 2005. 26 p.
8. Kirillova A. B. Nekotorye problemy opredeleniya ponyatiya "cennye bumagi" [Some problems of defining the concept of "securities"]. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2009, no. 1, pp. 22–24.
9. Klepickij I. A. Ugolovno-pravovaya ohrana investicij na rynke cennyh bumag [Criminal-legal protection of investments in the securities market]. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, 2003, no. 12, pp. 59–64.
10. Talan M. V. Otvetstvennost' za prestupleniya na rynke cennyh bumag po ugovnomu pravu Rossii [Responsibility for crimes on the securities market in the criminal law of Russia]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Proceedings Kazan University. Series: Humanities*, 2010, vol. 152, no. 4, pp. 187–197.
11. Fedorov A. Yu. Sovershenstvovanie ugovno-pravovogo mekhanizma protivodejstviya nezakonnoj dopolnitel'noj emissii akcij [Improving the criminal-legal mechanism for countering the illegal additional issue of shares]. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2010, no. 12, pp. 19–22.
12. Verbickaya H. A. Zloupotrebleniya pri emissii korporativnyh cennyh bumag. Diss. kand. jurid. nauk [Abuses in the issue of corporate securities. Cand. legal sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2007. 192 p.
13. Turyshhev A. A. Informaciya kak priznak sostavov prestuplenij v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Information as a sign of the composition of crimes in the sphere of economic activity. Abstract cand. legal sci. diss.]. Omsk, 2006. 23 p.

14. Shcherbakov A. V. Uголовno-pravovye problemy bor'by s prestupleniyami v bankovskoy sfere. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Criminal-legal problems of combating crimes in the banking sector. Abstract cand. legal sci. diss.]. Vladivostok, 2003. 25 p.
15. Gajbaryan M. M. O sisteme norm, reglamentiruyushchih otvetstvennost' za prestupleniya v sfere obespecheniya finansovoy bezopasnosti v Uголовnom kodekse Rossii [On the system of norms regulating responsibility for crimes in the field of financial security in the Criminal Code of Russia]. *Yurist"-Pravoved"* = *Jurist-Jurist*, 2010, no. 5, pp. 37–40.
16. Mironyuk I. V. Predmet prestuplenij, sovershaemyh na rynke cennyh bumag [The subject of crimes committed on the securities market]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* = *Gaps in Russian Legislation*, 2011, no. 6, pp. 212–217.
17. Lyaskalo A. N. Obshchestvenno opasnye posledstviya manipulirovaniya rynkom i nepravomernogo ispol'zovaniya insajderskoj informacii [Socially dangerous consequences of market manipulation and illegal use of insider information]. *Bezopasnost' biznesa* = *Business Security*, 2018, no. 5, pp. 19–25.
18. Bikbulatov T. I. [Criminal Law protection of insider information in Russia]. *Uголовnoe pravo i sovremennost'*. Sbornik statej [Criminal Law and Modernity. Collection of articles]. Moscow, Yurist Publ., 2012, pp. 19–27. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Рыженков Николай Николаевич, аспирант
кафедры уголовного права, Воронежский
государственный университет, г. Воронеж,
Российская Федерация
e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-6507-679X

Nikolay N. Ryzhenkov, Post-Graduate Student
of the Department of Criminal law, Voronezh
State University, Voronezh, Russian Federation
e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-6507-679X

Оригинальная статья / Original article

УДК 34.096

О правовой неурегулированности процедуры помещения по заявлению прокурора несовершеннолетних в специальные учебные учреждения закрытого типа**К. А. Сапронова^{1,2}** ✉

¹Российский государственный университет правосудия
ул. Новочеремушкинская 69, г. Москва 117418, Российская Федерация

²Прокуратура города Москвы
пл. Крестьянская Застава 1, г. Москва 109992, ГСП-2, Российская Федерация

✉ e-mail: ksalai@mail.ru

Резюме

Актуальность. Статья посвящена актуальной проблеме направления подростков в учебные учреждения закрытого типа по заявлению прокурора вне уголовно-правовой сферы. Анализ действующего законодательства, регулирующего правоотношения в данной сфере, указывает на правовую неурегулированность данной процедуры.

Целью работы является исследование порядка направления подростков в учебные учреждения закрытого типа по инициативе прокурора.

Задачи исследования состоят в выявлении и научном анализе проблем процедуры помещения подростков в учебные учреждения закрытого типа по заявлению прокурора.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались аналитический, сравнительно-правовой научные методы исследования, а также метод правового моделирования, показавшие, что действующим законодательством не урегулирована процедура помещения подростков в учебные учреждения закрытого типа, и позволившие определить меры, направленные на совершенствование российского законодательства в сфере регламентирования деятельности правоохранительных органов.

Результаты исследования выявили пробелы в действующем законодательстве, регламентирующем порядок помещения подростков в учебные учреждения закрытого типа по заявлению прокурора, в части отсутствия регламентации порядка проведения медицинского, в частности психиатрического, освидетельствования и комплексного обследования психолого-медико-педагогической комиссией рассматриваемой категории несовершеннолетних при направлении материалов в суд прокурором.

Вывод. В статье формулируется вывод о необходимости внесения соответствующих изменений и дополнений в нормативно-правовые акты, которые бы устранили правовую неопределенность данной процедуры.

Ключевые слова: прокурорская деятельность; заявление прокурора; несовершеннолетние; порядок помещения; специальные учебные учреждения закрытого типа.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Сапронова К. А. О правовой неурегулированности процедуры помещения по заявлению прокурора несовершеннолетних в специальные учебные учреждения закрытого типа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 80–87.

Поступила в редакцию 31.01.2021

Принята к публикации 02.03.2021

Опубликована 26.04.2021

With Regard to the Legal Uncertainty of the Procedure for the Placement of Juveniles in Special Closed Educational Institutions, at the Request of the Prosecutor

Kseniya A. Sapronova^{1,2} ✉

¹Russian State University of Justice
69 Novocheremushkinskaya str., Moscow 17418, Russian Federation

²Moscow Prosecutor's Office
1 Krestyanskaya Zastava square, Moscow 109992, GSP-2, Russian Federation

✉ e-mail: ksalai@mail.ru

Abstract

Relevance. The item is devoted an actual problem of placing juveniles in educational institutions of closed type by application of the Prosecutor. Analysis of the current legislation regulating legal relations in this area indicates the legal uncertainty this procedure at the request of the Prosecutor.

The purpose of the work is to study the procedure for placing juveniles in educational institutions at the request of the Prosecutor.

The objectives of the study are to identify and scientifically analyze the problems of the procedure for placing juveniles in special educational institutions at the request of the Prosecutor.

Methodology In the process of work on the study, analytical, comparative legal scientific research methods were used, as well as the method of legal modeling, which showed that the current legislation does not regulate the procedure for placing adolescents in closed educational institutions and made it possible to determine measures aimed to improve Russian legislation in the field of regulation of the activities of law enforcement agencies.

The results of the study revealed gaps in the legislation governing the placement of juveniles in special teaching and educational institution to the Prosecutor in the absence of regulation on the procedure of medical, including psychiatric examination and comprehensive examination of psychological-medical-pedagogical Commission of the category of minors at direction of materials in court by the Prosecutor.

Conclusion. The article concludes that it is indispensably to make appropriate changes to the law that would allow us to overcome the statutory uncertainty of this procedure.

Keywords: procuratorial activities; application of the prosecutor; minors; placement in special closed educational institutions.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Sapronova K. A. With Regard to the Legal Uncertainty of the Procedure for the Placement of Juveniles in Special Closed Educational Institutions, at the Request of the Prosecutor. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 80–87. (In Russ.)

Received 31.01.2021

Accepted 02.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

В международном праве и отечественном законодательстве закреплён приоритет интересов, прав и благополучия детей во всех сферах общественной и государственной жизни. Учитывая, что несовершеннолетние являются наиболее

незащищенной категорией населения, их права и интересы находятся под особой защитой государства.

Важнейшей задачей деятельности по защите прав несовершеннолетних является своевременное предупреждение нарушений их законных интересов и

прав, выявление и устранение их причин и условий, а также деятельность, направленная на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних [1, с. 5].

Отношения, затрагивающие вопросы деятельности в сфере предотвращения противозаконного поведения подростков, регламентируются Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹ (далее – Федеральный закон №120-ФЗ).

Органы прокуратуры в названной деятельности участвуют в пределах компетенции в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», иными законами и ведомственными нормативными актами [2, с. 316].

Методология

В ходе исследования использованы аналитический и сравнительно-правовой научные методы исследования, метод правового моделирования.

Анализ основных положений нормативных актов, регламентирующих процедуру помещения подростков в учебные учреждения закрытого типа, в частности Федерального закона № 120-ФЗ, а также норм гражданско-процессуального права, в сфере административного судопроизводства показал, что действующим законодательством не урегулирована процедура рассмотрения заявлений данной категории вне уголовно-правовой сферы.

Сравнение правового регулирования схожих по своей природе процедур принудительного помещения граждан в различные государственные учреждения позволяет сделать вывод об отнесении

данной категории дел к сфере административного судопроизводства.

Указанное обосновывает необходимость дополнения правовых положений, определяющих процедуру помещения лиц, не достигших совершеннолетия, в учебные учреждения закрытого типа по заявлению прокурора, а также в целях ее детальной регламентации внесение изменений в отдельные нормативно-правовые акты.

Метод правового моделирования позволил определить меры, направленные на совершенствование российского законодательства в сфере регламентации деятельности органов прокуратуры, административного судопроизводства, профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Результаты и их обсуждение

Несмотря на важность профилактической роли органов прокуратуры в указанной деятельности до настоящего момента остается в значительной степени неопределенной процедура помещения подростков в учебные учреждения закрытого типа по инициативе прокурора [3, с. 59–60; 4, с. 56].

Одним из способов предотвращения противоправных действий несовершеннолетних, их ресоциализации является применение к ним в предусмотренных законодательством случаях принудительных мер воспитательного воздействия с целью общей и частной превенции.

Помещение лиц, нуждающихся в особом педагогическом подходе, в учебные учреждения закрытого типа представляет собой одну из принудительных мер воспитательного воздействия [5; 6].

Категории подростков, которые могут быть помещены в рассматриваемые учреждения, перечислены в ч. 4 ст. 15 Федерального закона №120-ФЗ.

Решение о помещении подростков в специальные учреждения, освобожденных судом от наказания, принимается в

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 28.12.2020).

соответствии с положениями уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Порядок помещения подростков в учреждения закрытого типа в иных случаях регулируется положениями Федерального закона № 120-ФЗ. Согласно пп. 4, 5 ст. 15 данного закона направить соответствующие материалы в суд для рассмотрения вопроса о возможности помещения подростка в специальное учреждение могут органы прокуратуры.

Обязательным условием помещения в специальные учреждения закрытого типа не подлежащих уголовной ответственности подростков является отсутствие у них заболеваний, препятствующих содержанию и обучению в данных учреждениях, которые перечислены в Постановлении Правительства РФ от 11.07.2002 № 518¹.

В целях разрешения вопроса о возможности обучения и содержания несовершеннолетних в учебных учреждениях закрытого типа они подлежат медицинскому освидетельствованию при наличии добровольного согласия ребенка в возрасте старше 15 лет согласно нормам п. 3 ст. 26 Федерального закона №120-ФЗ, а при его отсутствии – на основании решения суда. Если подросток и (или) его законные представители отказываются от проведения освидетельствования, закон предусматривает возможность направления прокурором в суд заявления о его принудительном проведении.

Федеральным законом №120-ФЗ также определен перечень документов, предоставляемых в суд для разрешения вопроса о возможности направления подростков в учебные учреждения закрытого

типа, а также сроки их подачи и рассмотрения судом указанного вопроса.

Вместе с тем на практике возникают сложности с определением порядка рассмотрения данных материалов судом, формой соответствующего заявления [7].

До 2015 г. прокурорами направление таких материалов препровождалось заявлением, содержащим отсылку к нормам Федерального закона № 120-ФЗ, и рассматривались они как судьями, специализировавшимися на рассмотрении уголовных дел, так и судьями административной практики, что не соответствует правовой природе исследуемых правоотношений. Как отмечает С. А. Ламинцева, несовершеннолетние данной категории не являются субъектами уголовно-правовых отношений. Правовая неурегулированность судебной процедуры рассмотрения данных материалов обусловила отсутствие единообразной практики [8, с. 32].

Учитывая, что помещение подростков в учебные учреждения закрытого типа возникает при реализации административных властных требований к физическим лицам и в определенной степени ограничивает их свободу, в соответствии со ст. 1, 17 Кодекса административного судопроизводства (далее – КАС РФ) указанная процедура должна осуществляться по правилам административного судопроизводства [9; 10].

Такая позиция соответствует подходу, отраженному в обзоре судебной практики Верховного Суда². В частности, в обзоре указано, что рассмотрение дела о помещении несовершеннолетнего в учебное учреждение закрытого типа осуществляется по нормам КАС РФ.

Однако КАС РФ порядок подачи прокурором административного искового заявления о рассмотрении вопроса о воз-

¹ Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих содержанию и обучению несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа: постановление Правительства РФ от 11.07.2002 № 518. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37622/ (дата обращения: 28.12.2020).

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2018): [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294792/ (дата обращения: 28.12.2020).

возможности помещения подростков в учебные учреждения закрытого типа, а также процедуру рассмотрения судом указанной категории дел не регламентировал. Учитывая изложенное, необходимым видится внесение соответствующих изменений в КАС РФ.

Верховным Судом РФ в 2018 г. в Государственную Думу внесен законопроект о внесении изменений в КАС РФ и Федеральный закон № 120-ФЗ (далее – проект). Проектом предусматривается дополнение КАС РФ отдельной главой о нахождении несовершеннолетних в учреждениях рассматриваемого типа.

Таким образом, дела о помещении подростков в учебные учреждения закрытого типа будут отнесены к административным делам, подлежащим рассмотрению судами в порядке судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам.

Также проект предусматривает изменение Федерального закона № 120-ФЗ, включающее обращение прокурора в суд для разрешения вопроса о помещении указанной категории подростков в специальные учреждения, о проведении их медицинского освидетельствования в добровольном порядке посредством подачи именно административного искового заявления. Указанные изменения позволят устранить существующую правовую неопределенность процедуры помещения несовершеннолетних в специализированные учреждения.

Вместе с тем остается неразрешенным вопрос о порядке проведения медицинского, а также психиатрического освидетельствования и комплексного обследования психолого-медико-педагогической комиссией рассматриваемой категории несовершеннолетних при направлении материалов в суд прокурором. Согласно ст. 26 Федерального закона № 120-ФЗ данные обязательные обследования проводятся на основании «поста-

новления» прокурора в целях разрешения вопроса о возможности помещения подростков в рассматриваемые специализированные учреждения.

Однако возможность вынесения прокурором указанных постановлений и их форма не регламентированы Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», иными законами или ведомственными нормативными актами. Кроме того, учитывая, что применение рассматриваемых мер влечет за собой значительное ограничение прав несовершеннолетних, представляется целесообразным отнесение полномочий по предъявлению административных исковых заявлений о помещении лиц в учебные учреждения закрытого типа к исключительной компетенции органов прокуратуры.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости дальнейшего научного и правового осмысления процедуры направления прокурором материалов о помещении несовершеннолетних в учебные учреждения закрытого типа в суд и совершенствования действующего законодательства.

Выводы

В этой связи представляется необходимым дополнение Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» ст. 8.1 «Участие в профилактике правонарушений» следующего содержания:

«1. Органы прокуратуры Российской Федерации осуществляют профилактику правонарушений в порядке, предусмотренном соответствующими федеральными законами в пределах компетенции.

2. В сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних прокурор в случаях, предусмотренным законом, обеспечивает на основании своего постановления проведение медицинского освидетельствования несовершеннолетнего для последующего рассмотрения вопроса о его направлении в учебное учреждение закрытого типа».

Также следует дополнить приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» п. 10.4 (и соответствующим приложением) в следующей редакции:

«10.4. Обеспечить действенный надзор за исполнением законодательства, регламентирующим порядок помещения несовершеннолетних в учебные учреждения закрытого типа.

При подготовке прокурором административного заявления о помещении несовершеннолетнего в учебное учреждение закрытого типа устанавливать наличие (отсутствие) обстоятельств, препятствующих его содержанию в учреждениях данного типа.

В этих целях организовывать проведение медицинского освидетельствования путем вынесения соответствующего постановления по форме согласно приложению к настоящему приказу.

При отсутствии согласия указанных лиц разрешать вопрос о недобровольном проведении медицинского освидетельствования в судебном порядке».

Кроме того, видится целесообразным изменение редакции абз. 1 ч. 1 ст. 285¹⁶ КАС РФ, изложенной в проекте, в части установления срока рассмотрения административного искового заявления судом не в один месяц, а в десять дней; исключение слов «органом внутренних дел» в ч. 2, 7 ст. 285¹³.

Список литературы

1. Беженцев А. А. Эволюция отечественных государственных органов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 2. С. 3–6.
2. Винокуров А. Ю. Работа прокурора по предупреждению правонарушений // Прокурорский надзор / под общ. ред. О. С. Капинус. 3-е изд. М.: Юрайт, 2016. Т. 2. С. 313–319.
3. Воеводина Т. Г. Профилактика правонарушений и прокурорский надзор: проблематичные новеллы законодательства // Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 58–62.
4. Гулягин А. Ю., Бозоян А. О. Несовершенство правового регулирования статуса прокурора как координатора и субъекта профилактики правонарушений // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 55–58.
5. Скрипченко Н. Ю. История становления и развития законодательства, регулирующего помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа // Право и образование. 2014. № 10. С. 150–159.
6. Шестакова Е. В. Роль центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей и специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в системе профилактики правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 200–206.
7. Корягина С. А. Актуальные проблемы назначения принудительных мер воспитательного воздействия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 1 (15). С. 82–88.
8. Ламинцева С. А. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о помещении несовершеннолетних в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей и в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа // Российское правосудие. 2016. № 11. С. 28–46.

9. Николук В. В., Марковичева Е. В. Решение судом вопросов, связанных с направлением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: уголовно-процессуальные и организационно-правовые проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 230–235. DOI: 10.17223/15617793/428/31

10. Направление несовершеннолетних осужденных в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа / И. Г. Смирнова, В. В. Николук, Е. В. Марковичева, О. В. Качалова // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 5. С. 837–845.

References

1. Bezhencev A. A. Evolyuciya otechestvennyh gosudarstvennyh organov po profilaktike beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih [Evolution of domestic state bodies for the prevention of neglect and juvenile delinquency]. *Voprosy yuvenal'noj yusticii = Issues of Juvenile Justice*, 2013, no. 2, pp. 3–6.

2. Vinokurov A. Yu. Rabota prokurora po preduprezhdeniyu pravonarushenij [The work of the prosecutor on the prevention of offenses]. *Prokurorskiy nadzor [Prosecutor's supervision]*; ed. by O. S. Kapinus. 3th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2016, vol. 2, pp. 313–319.

3. Voevodina T. G. Profilaktika pravonarushenij i prokurorskiy nadzor: problematichnye novelly zakonodatel'stva [Prevention of offenses and prosecutor's supervision: problematic novelties of legislation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and Economics*, 2016, no. 9, pp. 58–62.

4. Gulyagin A. Yu., Bozoyan A. O. Nesovershenstvo pravovogo regulirovaniya statusa prokurora kak koordinatora i sub"ekta profilaktiki pravonarushenij [Imperfection of the legal regulation of the prosecutor's status as a coordinator and subject of crime prevention]. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2017, no. 8, pp. 55–58.

5. Skripchenko N. Yu. Istoriya stanovleniya i razvitiya zakonodatel'stva, reguliruyushchego pomeshchenie nesovershennoletnego v special'noe uchebno-vospitatel'noe uchrezhdenie zakrytogo tipa [The history of the formation and development of legislation regulating the placement of a minor in a special educational institution of a closed type]. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2014, no. 10, pp. 150–159.

6. Shestakova E. V. Rol' centrov vremennogo soderzhaniya nesovershennoletnih pravonarushitelej i special'nyh uchebno-vospitatel'nyh uchrezhdenij zakrytogo tipa v sisteme profilaktiki pravonarushenij [The role of temporary detention centers for juvenile delinquents and special closed-type educational institutions in the system of crime prevention]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*, 2017, no. 4 (42), pp. 200–206.

7. Koryagina S. A. Aktual'nye problemy naznacheniya prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdejstviya [Actual problems of assignment of compulsory measures of educational influence]. *Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian criminal-procedural and criminalistic readings*, 2017, no. 1 (15), pp. 82–88.

8. Lamineva S. A. O nekotoryh voprosah, vznikayushchih pri rassmotrenii sudami del o pomeshchenii nesovershennoletnih v centry vremennogo soderzhaniya dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej i v special'nye uchebno-vospitatel'nye uchrezhdeniya zakrytogo tipa [On some issues that arise when courts consider cases involving the placement of minors in tem-

porary detention centers for juvenile delinquents and in special educational institutions of a closed type]. *Rossiiskoe pravosudie* = *Russian Justice*, 2016, no. 11, pp. 28–46.

9. Nikolyuk V. V., Markovicheva E. V. Reshenie sudom voprosov, svyazannyh s napravleniem nesovershennoletnego v special'noe uchebno-vospitatel'noe uchrezhdenie zakrytogo tipa: ugolovno-processual'nye i organizacionno-pravovye problem [The court's decision on issues related to the placement of a minor in a special educational institution of a closed type: criminal procedure and organizational and legal problems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Tomsk State University*, 2018, no. 428, pp. 230–235. DOI: 10.17223/15617793/428/31

10. Smirnova I. G., Nikolyuk V. V., Markovicheva E. V., Kachalova O. V. Napravlenie nesovershennoletnih osuzhdennyh v special'nye uchebno-vospitatel'nye uchrezhdeniya zakrytogo tipa [Referral of convicted minors to special closed educational institutions]. *Vserossiiskij kriminologicheskii zhurnal* = *All-Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 5, pp. 837–845.

Информация об авторе / Information about the Author

Сапронова Ксения Андреевна, аспирант, Российский государственный университет правосудия, прокурор отдела управления прокуратуры города Москвы, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: ksalai@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1475-9889

Kseniya A. Sapronova, Post-Graduate Student, Russian State University of Justice, Prosecutor of the Moscow Prosecutor's Office, Moscow, Russian Federation
e-mail: ksalai@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1475-9889

УДК 323

Государственная отраслевая политика как проблемное поле исследований в политической науке

Е. С. Устинович¹ ✉

¹Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И. И. Иванова
ул. Карла Маркса 70, г. Курск 305004, Российская Федерация

✉ e-mail: lenausti@mail.ru

Резюме

Актуальность предлагаемого исследования государственной отраслевой политики обусловлена современными дискуссиями в рамках российской политической науки, вызванной разработкой нового паспорта проекта номенклатуры научных специальностей по политическим наукам.

Новый проект паспорта номенклатуры научных специальностей по политическим наукам предполагает кардинальную трансформацию направлений исследований политической науки в сторону усиления позиций политических институтов, политических процессов и политических технологий, а также государственного управления и отраслевых политик. Отдельные направления, по сути, признаются неактуальными в перспективном измерении.

Данное обстоятельство вызывает необходимость проведения анализа имеющихся разработок в отношении государственных отраслевых политик в рамках современной политической науки и их закрепление в действующем законодательстве.

Цель статьи состоит в исследовании состояния разработанности проблематики государственных отраслевых политик в современной российской политической науке.

Задачи исследования: количественный и качественный анализ разработанности государственных отраслевых политик в политической науке; определение ключевых проблем этих исследований; разработка теоретико-методологических рекомендаций для будущих исследований государственных отраслевых политик.

Методология. Основные методы исследования – сравнительный, а также количественный и качественный контент-анализ. Предполагается использование междисциплинарных политико-правового, политико-экономического методов исследований.

Результаты. Предложены теоретико-методологические рекомендации будущих исследований государственных отраслевых политик.

Выводы. Незавершенность проблематики государственных отраслевых политик в современной российской политической науке, как мы полагаем, неразвитость методологического аппарата политической науки в части использования междисциплинарных исследований исключили полностью данную проблематику как перспективную.

Ключевые слова: политическая наука; государственная отраслевая политика; государственная промышленная политика; государственная аграрная политика; паспорт научных специальностей; номенклатура научных специальностей.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Устинович Е. С. Государственная отраслевая политика как проблемное поле исследований в политической науке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 88–94.

Поступила в редакцию 22.02.2021

Принята к публикации 19.03.2021

Опубликована 26.04.2021

Public Sector Policy as a Problem Area for Research in Political Science

Elena S. Ustinovich¹ ✉

¹Kursk State Agricultural Academy named after Professor I. I. Ivanova
70 Karl Marx str., Kursk 305004, Russian Federation

✉ e-mail: lenausti@mail.ru

Abstract

Relevance. The relevance of the proposed study of state sectoral policy is due to modern discussions within the framework of Russian political science, caused by the development of a new project passport for the nomenclature of scientific specialties in political sciences.

The new draft passport for the nomenclature of scientific specialties in political sciences involves a radical transformation of the directions of research in political science towards strengthening the positions of political institutions, political processes and political technologies, as well as public administration and sectoral policies. Certain areas, in fact, are recognized as irrelevant in the perspective dimension.

This circumstance makes it necessary to analyze the existing developments in relation to state sectoral policies in the framework of modern political science and their consolidation in the current legislation.

The purpose of the article is to study the state of elaboration of the problematics of state sectoral policies in modern Russian political science.

The objectives of the research are: quantitative and qualitative analysis of the elaboration of state sectoral policies in political science; identification of the key problems of these studies; development of theoretical and methodological recommendations for future research of state sectoral policies.

Methodology. The main research methods are comparative, as well as quantitative and qualitative content - analysis. It is supposed to use interdisciplinary political-legal, political-economic research methods.

Results. Theoretical and methodological recommendations for future studies of state sectoral policies are proposed.

Findings. The underdevelopment of the problems of state sectoral policies in modern Russian political science, as we believe, the underdevelopment of the methodological apparatus of political science in terms of the use of interdisciplinary research, completely ruled out this problematic as promising.

Keywords: political science; state sectoral policy; state industrial policy; state agrarian policy; passport of scientific specialties; nomenclature of scientific specialties.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ustinovich E. S. Public Sector Policy as a Problem Area for Research in Political Science. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 88–94. (In Russ.)

Received 22.02.2021

Accepted 19.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

Общественные и гуманитарные науки за последние тридцать лет своего развития в условиях нового общественно-государственного устройства страны и смены идеологической направленности государственного и общественного развития в Российской Федерации прошли в значительной степени самостоятельный и

обособленный путь своего развития. «Междисциплинарность» исследований в данных сферах научного развития в России, в отличие от естественно-научной сферы, так и не обрела ни своей популярности среди российского исследовательского сообщества, ни своего значимого научного статуса.

Данное обстоятельство, между тем, нашло свое негативное отражение, например, в дублировании исследований по тем или иным актуальным проблемам общественных наук, рассматриваемым без учета наработанной базы смежных наук. В свою очередь, это повлияло как на качество гуманитарных исследований, так и на возникающие противоречия и разное понимание, по сути, одних и тех же явлений в разных гуманитарных науках. С учетом многолетнего опыта проведения научных исследований в этом направлении полагаем, что данная проблема самым непосредственным образом коснулась и проблематики государственной политики как объекта исследований в различных общественных и гуманитарных науках.

Методология

Методология исследования включила в себя общенаучные методы анализа и синтеза информации. Использован междисциплинарный подход к исследованию проблематики современных исследований государственной политики в рамках политической, экономической науки, юриспруденции и т. д.

Источниковой базой исследования для целей настоящей научной статьи стали ряд федеральных законов, в первую очередь Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации», Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», а также научные информационные системы, поддерживающие политику открытого доступа к авторефератам и текстам научных статей, такие как РГБ, Киберленинка, Научная электронная библиотека и др.

Произведена первичная обработка полученных научных данных из информационно-правовых систем «Гарант» и «КонсультантПлюс».

Результаты и их обсуждение

Важнейшая проблема теоретико-методологического характера, которая

возникает при разработке настоящей проблематики, связана с употреблением в гуманитарных и общественных науках дефиниций «государственная отраслевая политика» и «виды государственной политики».

Считаем, что правильнее всего в этом случае опираться на закрепление данных терминов в действующей нормативно-правовой базе (законодательстве), обеспечивающей реализацию научно-технической политики в стране, подзаконных ведомственных актах¹, рекомендациях ВАК Российской Федерации и т. д.

Так, в частности, если придерживаться формулировок действующих паспортов научных специальностей, то становится очевидным, что современная политическая наука использует дефиницию «виды государственной политики». В экономической науке используется дефиниция «отраслевая политика».

Следует обратить внимание, что проект нового паспорта номенклатуры научных специальностей по политическим наукам включает в себя также понятие «отраслевая политика».

Таким образом, политическая наука идет по пути большего согласования своих направлений исследования с экономической наукой, что, в целом, считаем правильным решением. В этой связи возникает необходимость разобраться в ситуации использования данных терминов различными общественными науками.

Использование дефиниции «виды государственной политики» в политиче-

¹ Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени: приказ Минобрнауки России от 23.10.2017 № 1027. URL: <https://vak.minobrnaukigov.ru/uploader/loader?type=34&name=3349241001&f=2958> (дата обращения: 02.01.2021); Проект Приказа Минобрнауки России «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/66067.html> (дата обращения: 02.01.2021).

ской науке привело к ситуации, когда появилось достаточно много исследований по государственной политике, не соотносящихся никак с действующим российским законодательством.

Как правило, в такого рода исследованиях недостаточно разрабатывался и соответствующий категориальный аппарат. Политологических исследований, предлагающих в качестве научного результата разработку, например, проекта нормативно-правового акта в целях легитимации и институционализации государственной политики в той или иной сфере, крайне недостаточно. Имеются также и проблемно-дискуссионные случаи проведения исследований проблем государственной политики.

Отсутствуют завершённые исследования или научная дискуссия в таких направлениях государственной политики, как информационная и экономическая и т. д. Проблематикой экономической политики в научном плане в рамках политической науки практически мало кто занимается. При этом подчеркнем, что экономическая проблематика находится в центре внимания политологов-прикладников.

Как нам видится, проблематика государственной политики как внутренней политики государства зачастую не становится объектом внимания массового исследователя в рамках политической науки. Зачастую правовая база формирования и реализации государственной политики исследуется не досконально, в том числе на предмет закрепления государственно-политической терминологии. Недостаточно исследуются разработки смежных гуманитарных и общественных наук [1; 2].

В случае необходимости анализа законодательного обеспечения реализации государственной политики необходимо использование методологического аппарата юриспруденции, междисциплинарного политико-правового анализа и т. д.

Более сложная ситуация, по нашему мнению, сегодня обстоит с использованием научных достижений российской экономической науки. Считаем, что в российской политической науке такого рода исследований крайне недостаточно [3]. Эта ситуация достаточно уникальная, с учетом того обстоятельства, что ранее в России был накоплен богатый опыт развития науки политической экономии. Сегодня отдельные научные центры, вузовская наука продолжают данные традиции, сохраняя кафедры политэкономии или даже вновь образуя их, что подчеркивает важность междисциплинарных исследований политико-экономического характера для современного государственно-политического и экономического развития страны.

Действующее российское законодательство содержит достаточно обширный блок законодательства, так или иначе связанный с государственной отраслевой политикой.

В рамках данной статьи мы ограничились несколькими важными отраслевыми законами федерального уровня, которые закрепляют категорию «государственная политика».

Научный интерес в этой связи составляет количественная оценка проведенных научных исследований в рамках политической и экономической науки за последние 5 лет по данным информационных систем агрегации научных исследований в виде научных статей, авторефератов диссертаций, поддерживающих политику открытого доступа к информации.

Нами проработаны два закона федерального уровня – Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» (далее – Закон о промышленной политике) и Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» (далее – Закон о развитии сельского хозяйства), которые закрепляют понятия государственной промышленной политики и государственной аграрной политики. Так,

в соответствии с Законом о промышленности, государственная промышленная политика – это «комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции»¹.

В соответствии с Федеральным законом № 264-ФЗ, государственная аграрная политика – «составная часть государственной социально-экономической политики, направленной на устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий»².

Иными словами, в данных федеральных законах соответствующая дефиниция отраслевой государственной политики закреплена. Каково же состояние научного интереса к разработке проблематики государственной промышленной политики Российской Федерации и государственной аграрной политики Российской Федерации в политической науке?

Более ранние исследования относятся к периоду десятилетней давности. Это, например, диссертационные исследования уровня кандидатской диссертации таких ученых, как: С. Н. Крекотнев [4], В. А. Липатова [5], А. С. Никитина [6], Д. К. Ремизова [7].

За последние 5 лет исследования по промышленной политике России, по данным РГБ, отсутствуют. При этом следует напомнить, что Закон о промышленной политике был принят в 2014 г. Таким образом, можно считать, что государственная промышленная политика в последние годы не находится в центре внимания со-

временных политологических исследований уровня диссертационных исследований. При этом промышленная политика как объект диссертационных исследований широко представлена в экономической науке последнего пятилетия. Это, например, диссертационные работы уровня докторских диссертаций И. Г. Идрисова [8], Е. Л. Смольяновой [9]. Что касается государственной аграрной политики, то единственной работой диссертационного исследования в рамках политической науки за последние десять лет можно назвать диссертацию И. Е. Абрамовой [10].

Вместе с тем в экономической и сельскохозяйственной науке существуют десятки исследований и научных публикаций по проблематике государственной аграрной политики.

Выводы

Политическая наука, к сожалению, не смогла уделить должного внимания за весь период своего развития (с конца 80-х годов прошлого века) государственной отраслевой политике или, как это формулируется в действующем паспорте номенклатуры научных специальностей по политическим наукам, «видам государственной политики».

Известно также, что сегодня среди исследователей в политической науке ведется определенная дискуссия, смысл которой сводится к отказу от введения в новый паспорт научных специальностей дефиниции «государственная отраслевая политика».

Единственный вывод, который напрашивается в этом случае, состоит в том, что, по всей видимости, политическая наука России на данном этапе общественно-политического и социально-экономического развития России стремится еще больше дистанцироваться от такого рода исследований. Полагаем в этой связи, что, наоборот, необходимо развивать и значительно увеличивать рост междисциплинарных политико-экономических исследований.

¹ О промышленной политике в Российской Федерации: федер. закон от 31.12.2014 №488-ФЗ: [ред. от 20.07.2020]. URL: <http://base.garant.ru/70833138/5ac206a89ea76855804609cd950fcdf7/> (дата обращения: 02.01.2021).

² О развитии сельского хозяйства: федер. закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ: [ред. от 30.12.2020]. URL: <https://base.garant.ru/12151309/> (дата обращения: 02.01.2021).

Список литературы

1. Алиева З. Б. Проблемы и тенденции государственной аграрной политики в свете федерального проекта «Экспорт продукции АПК» // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 3. С. 152–167.
2. Баутин В. М., Липченко Е. А. Государственная аграрная политика: структуризация инвестиций в экономике аграрного региона // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 4. С. 2–5.
3. Устинович Е. С. Государственная политика развития цифровой экономики в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. № 1. С. 112–114.
4. Крекотнев С. Н. Государственная промышленная политика современной России: общенациональный и региональный аспекты: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 24 с.
5. Липатов В. А. Механизм согласования интересов государства и предпринимателей при разработке и реализации промышленной политики: на примере железнодорожного машиностроения: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 23 с.
6. Никитин А. С. Взаимодействие государства и бизнеса в процессе выработки и реализации государственной промышленной политики в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 24 с.
7. Ремизов Д. К. Государственное руководство формированием и реализацией в современной России промышленной политики в сфере инноваций: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2008. 26 с.
8. Идрисов Г. И. Российская промышленная политика в условиях открытой экономики: дис. ... докт. экон. наук. М., 2016. 382 с.
9. Смольянова Е. Л. Гармонизация промышленной и торговой политики предприятий на основе развития инновационной деятельности: дис. ... докт. экон. наук. Воронеж, 2009. 495 с.
10. Абрамова И. Е. Механизмы функционирования и реализации государственной аграрной политики в условиях модернизации: политологический анализ: дис. ... докт. полит. наук. Ростов н/Д., 2009. 371 с.

References

1. Alieva Z. B. Problemy i tendentsii gosudarstvennoi agrarnoi politiki v svete federal'nogo proekta "Eksport produktsii APK" [Problems and trends of the state agrarian policy in the light of the federal project "Export of agricultural products"]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*, 2019, no. 3, pp. 152–167.
2. Bautin V. M., Lipchenko E. A. Gosudarstvennaya agrarnaya politika: strukturizatsiya investitsii v ekonomike agrarnogo regiona [State agrarian policy: structuring of investments in the economy of the agrarian region]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii = The economy of agricultural and processing enterprises*, 2019, no. 4, pp. 2–5.

3. Ustinovich E. S. Gosudarstvennaya politika razvitiya tsifrovoi ekonomiki v Rossii [State policy for the development of the digital economy in Russia]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, no 1, pp. 112–114.

4. Krekotnev S. N. Gosudarstvennaya promyshlennaya politika sovremennoi Rossii: obshchenatsional'nyi i regional'nyi aspekty. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [State industrial policy of modern Russia: national and regional aspects. Abstract diss. cand. polit. sci.]. Moscow, 2011. 24 p.

5. Lipatov V. A. Mekhanizm soglasovaniya interesov gosudarstva i predprinimatelei pri razrabotke i realizatsii promyshlennoi politiki: na primere zheleznodorozhnogo mashinostroeniya. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [The mechanism of coordination of the interests of the state and entrepreneurs in the development and implementation of industrial policy: on the example of railway engineering. Abstract diss. cand. polit. sci.]. Moscow, 2006. 23 p.

6. Nikitin A. S. Vzaimodeistvie gosudarstva i biznesa v protsesse vyrabotki i realizatsii gosudarstvennoi promyshlennoi politiki v Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Interaction of the state and business in the process of development and implementation of the state industrial policy in the Russian Federation. Abstract diss. cand. polit. sci.]. Moscow, 2010. 24 p.

7. Remizov D. K. Gosudarstvennoe rukovodstvo formirovaniem i realizatsiei v sovremennoi Rossii promyshlennoi politiki v sfere innovatsii: politologicheskii analiz. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [State management of the formation and implementation of industrial policy in the field of innovation in modern Russia: political analysis. Abstract diss. cand. polit. sci.]. Rostov-on-Don, 2008. 26 p.

8. Idrisov G. I. Rossiiskaya promyshlennaya politika v usloviyakh otkrytoi ekonomiki. Diss. dokt. ekon. nauk [Russian industrial policy in the conditions of open economy. Diss. dr. econ. sci.]. Moscow, 2016. 382 p.

9. Smol'yanova E. L. Garmonizatsiya promyshlennoi i torgovoi politiki predpriyatii na osnove razvitiya innovatsionnoi deyatel'nosti. Diss. dokt. ekon. nauk [Harmonization of industrial and trade policy of enterprises on the basis of the development of innovative activity. Diss. dr. econ. sci.]. Voronezh, 2009. 495 p.

10. Abramova I. E. Mekhanizmy funktsionirovaniya i realizatsii gosudarstvennoi agrarnoi politiki v usloviyakh modernizatsii: politologicheskii analiz. Diss. dokt. polit. nauk [Mechanisms of functioning and implementation of the state agrarian policy in the conditions of modernization: political analysis. Diss. dr. polit. sci.]. Rostov-on-Don, 2009. 371 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Устинович Елена Степановна, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики, управления и гуманитарных наук, Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И. И. Иванова; руководитель Курского отделения Национального союза политологов, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: lenausti@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7690-8504

Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics, Management and Humanities, Kursk State Agricultural Academy named after Professor I. I. Ivanova; Head of the Kursk branch of the National Union of Political Scientists, Kursk, Russian Federation
e-mail: lenausti@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7690-8504

Оригинальная статья / Original article

УДК 32:341.24

**Политика США по реализации национальных интересов
в сфере развития международных морских коммуникаций
в Арктическом регионе****В. С. Чернега**¹ ✉

¹Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
бульвар Победы 5А, г. Орел 302028, Российская Федерация

✉ e-mail: vasily.chernega@gmail.com

Резюме

Актуальность статьи обусловлена необходимостью определения угроз российским национальным интересам в Арктике в контексте развития Северного морского пути. Евроатлантические державы, прежде всего США, призывают придать Севморпути статус международного маршрута, лишив исключительных прав на управление им Россию. Вашингтон предпринимает шаги, делегитимизирующие позицию Москвы относительно принадлежности СМП.

Цель статьи заключается в анализе политики США по реализации национальных интересов в сфере управления международными морскими коммуникациями в Арктике.

Задачами исследования являются: рассмотрение истории освоения Арктики США; анализ американской стратегии продвижения интересов в сфере развития международных морских коммуникаций; описание позиции США относительно использования СМП и присоединения к Конвенции ООН по морскому праву и подхода к развитию транспортно-логистического потенциала региона.

Методология. В работе применялись исторический и системный методы.

Результаты. В статье приводится содержание и суть политики США по защите национальных интересов в рамках развития международных морских коммуникаций в Арктике. Описывается подход к проблемам регулирования судоходства в Северном Ледовитом океане, осуществления контроля над региональными транспортными коридорами и ратификации Конвенции ООН по морскому праву. Анализируются основные шаги Вашингтона в военной, политической и информационной сферах по усилению влияния на развитие транспортно-логистического потенциала региона.

Выводы. Рассматривая СМП как международный транспортный коридор, США считают вводимые Россией правила прохода по маршруту противоречащими Конвенции ООН по морскому праву. Вашингтон отстаивает национальные интересы в сфере развития международных морских коммуникаций в Арктике, наращивая военное присутствие в регионе: повышается потенциал американских вооруженных сил, активно расширяется сотрудничество с партнерами по НАТО. США способствуют усложнению системы взаимоотношений на Крайнем Севере и расширению числа участников арктического диалога, проводят информационную кампанию, дискредитирующую Россию как ответственного игрока в Арктике.

Ключевые слова: Арктика; национальные интересы; политика США; морские коммуникации; Северный морской путь.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Чернега В. С. Политика США по реализации национальных интересов в сфере развития международных морских коммуникаций в Арктическом регионе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 95–105.

Поступила в редакцию 03.02.2020

Принята к публикации 15.03.2021

Опубликована 26.04.2021

© Чернега В. С., 2021

U. S. Policy on the Implementation of its National Interests in the Development of International Maritime Communications in the Arctic Region

Vasily S. Chernega¹ ✉

¹Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Bulevard Pobedy 5A, Orel 302028, Russian Federation

✉ e-mail: vasily.chernega@gmail.com

Abstract

The relevance of the article is determined by the need to identify threats to Arctic Russian interests in the context of the Northern Sea Route (NSR) development. Euro-Atlantic powers, primarily the USA, are calling to turn NSR into an international route and trying to delegitimize Russian position on the ownership of NSR.

The purpose of the article is to analyze the US policy in the management of Arctic navigation.

The objectives are to review the US history of the Arctic development, US strategy for developing of navigation, US position on the use of the NSR and accession to the UN Convention on the Law of the Sea, and approach to the development of the Arctic transport potential.

Methodology. Historical and systematic methods were used.

Results. The article describes US policy on the development of Arctic navigation, control over regional sea routes and ratify the UN Convention on the Law of the Sea. It analyzes the US military, political and information policy to strengthen its influence on the development of the Arctic transport potential.

Conclusions. According to the US, rules of passage on NSR contradict the UN Convention on the Law of the Sea. USA is building up its military presence in the region: the potential of the US army is increasing, cooperation with NATO partners is expanding. USA contributes to the complication of the system of relations in the Arctic and the expansion of the number of participants in the Arctic dialogue, conducts an information campaign discrediting Russia as a responsible Arctic player.

Keywords: Arctic; national interests; US policy; maritime communications; Northern Sea Route.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Chernega V. S. U.S. Policy on the Implementation of its National Interests in the Development of International Maritime Communications in the Arctic Region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 95–105. (In Russ.)

Received 03.02.2021

Accepted 15.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

По сравнению с другими арктическими государствами США в силу различных обстоятельств, в том числе эксклавного положения штата Аляска, традиционно проявляли меньше интереса к территориям, расположенным за Северным полярным кругом. Повышенное внимание Арктическому региону (АР) американский истеблишмент уделял

лишь во второй половине XX в., когда в рамках противостояния с СССР он приобрел стратегическую значимость для национальной безопасности. В период холодной войны АР рассматривался в качестве потенциального театра военных действий с идеологическим противником, поскольку через Северный полюс проходили траектории полета межконтинентальных баллистических ракет, а в Се-

верном Ледовитом океане (СЛО) несли боевое дежурство подводные лодки, вооруженные ракетами с ядерными боеголовками. С распадом Советского Союза напряженность в двусторонних отношениях существенно снизилась, что привело к постепенному вытеснению арктической проблематики из внутри- и внешнеполитической повестки дня США [1, с. 133–143]. В результате к середине 1990-х гг. Арктика в Вашингтоне перестала рассматриваться в качестве приоритета во внешней политике и перешла в разряд периферийных регионов в контексте укрепления военного потенциала страны. Показательным в данном случае является значительное сокращение присутствия численности американских военных в АР, в том числе в Исландии и Гренландии, а также вывод из эксплуатации большого количества радиолокационных станций, расположенных в высоких широтах [2, с. 56–63]. Отстраненность США от происходящих в Заполярье процессов, вероятно, обусловлена историческим контекстом приобретения ими статуса одной из пяти арктических держав, не позволивший сформировать у американского общества чувство причастности к Великому Северу. В то время как Россия, Дания, Норвегия и Канада, рассматривающие циркумполярность в качестве одной из смыслообразующих национальных характеристик, на протяжении веков поэтапно закрепляли свои позиции в АР и расширяли исследовательскую и хозяйственную деятельность в СЛО, Вашингтон вошел в «клуб избранных» посредством заключения сделки по покупке арктических территорий.

Методология

Для анализа арктической стратегии США в части, касающейся продвижения интересов в сфере развития международных морских коммуникаций, необходимо воспользоваться системным методом, позволяющим рассмотреть американскую политику в АР как системное явление,

каждый из элементов структуры которой отвечает за реализацию определенного функционала. Кроме того, необходимо использование исторического метода, при помощи которого можно рассмотреть этапы трансформации политики США в отношении развития транспортно-логистического потенциала региона.

Результаты и их обсуждение

На фоне происходящих в АР климатических изменений, оказывающих негативное влияние на площадь и структуру ледового покрова, последние четверть века интерес международного сообщества к Арктике неуклонно рос, способствуя её превращению в одну из зон противостояния ведущих мировых держав. США также не остались в стороне и активно включились в гонку за получение контроля над нефтегазовыми запасами и судоходными маршрутами региона. Ключевым событием, стимулировавшим Вашингтон вновь сфокусироваться на проблеме Крайнего Севера, стала установка на дне СЛО российского флага в ходе научно-исследовательской экспедиции по сбору данных для уточнения границ континентального шельфа «Арктика-2007». У американского истеблишмента акция вызвала «нервные судороги и возвращение приобретённых во времена ампутиаций холодной войны фантомных болей», о чем свидетельствует его жесткая вербальная реакция с призывами силового ответа на «не имеющие никаких юридических оснований попытки России расширить свои владения в Арктике» [3, с. 115–126].

Вместе с тем политика США в регионе не отличается последовательностью: с одной стороны, за последние 25 лет принято большое количество стратегических документов, с другой – Белый дом ведет себя достаточно пассивно, в частности, в вопросах развития ледокольного флота (фактически в распоряжении американской стороны находится один ледо-

кол) и ратификации Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (Конвенция).

Во многом основы современной американской арктической политики определены подписанной президентом Б. Клинтоном в 1994 г. директивой, в соответствии с которой США на Крайнем Севере действуют в интересах обеспечения национальной безопасности, содействия устойчивому развитию, сохранения биологического разнообразия и защиты окружающей среды, а также укрепления международного сотрудничества и расширения научно-исследовательской деятельности¹. В 2009 г. президент Дж. Буш конкретизировал представленную предыдущей администрацией стратегию. Кардинальным изменениям изданный в совершенно иной геополитической обстановке документ не подвергся, что должно было продемонстрировать преемственность курса в Арктике. При этом точечные модификации позволили подчеркнуть одну из наиболее чувствительных для американской стороны проблем, связанную со стремлением обеспечить максимальную глобальную мобильность благодаря возможности свободного перемещения в Мировом океане².

Для США как морской державы крайне важной является возможность оперативной и беспрепятственной передислокации военно-морских сил и быстрое проецирование военной мощи в стратегически значимых регионах, в том числе в СЛО³. В этих целях госдепартамент совместно с Минобороны в рамках запу-

щенной в 1979 г. программы «Свобода Судоходства» (Freedom of Navigation) для выражения несогласия с притязаниями прибрежных государств на распространение их суверенитета на спорные водные пространства, в том числе установление уведомительного или разрешительного порядка прохода, направляют дипломатические ноты, проводят военно-морские учения и организуют мероприятия по демонстрации силы с привлечением боевых кораблей вблизи вызывающих разногласия территорий [4, с. 53–75].

В настоящее время американские Военно-морские силы (ВМС) проводят около 20 подобных операций в год, уделяя основное внимание Южно-Китайскому морю и Ормузскому проливу. У берегов российской Арктики их активность несколько ниже, что, вероятно, обусловлено сложными климатическими условиями, однако о полном игнорировании региона говорить не приходится. В частности, в мае 2020 г. эсминцы ВМС США «Портер», «Дональд Кук» и «Рузвельт» в составе эскадры НАТО зашли в Баренцево море для «обеспечения безопасности торговли и демонстрации свободы судоходства»⁴. По заявлению министра ВМС К. Брейтвейта, США намерены «бросить вызов чрезмерным морским претензиям России» и с 2021 г. регулярно осуществлять патрулирование вдоль северных границ России⁵.

Тематика обеспечения свободы судоходства в АР также легла в основу представленной в 2013 г. США «Национальной стратегии по вопросам Арктики» (Стратегия), ставшей логическим продолжением директив 1994 и 2009 гг. В

¹ Presidential Decision Directive 26/NSC-26. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd/pdd-26.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

² National Security Presidential Directive 66/Homeland Security Presidential Directive 25. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

³ Тодоров А. А. Куда ведет Северный морской путь? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kuda-vedet-severnuyu-morskoy-put/> (дата обращения: 11.01.2021).

⁴ «Это только начало»: зачем эсминцы ВМС США вторглись в Баренцево море. URL: <https://ria.ru/20200507/1571048263.html> (дата обращения: 11.01.2021).

⁵ Navy Secretary: US Plans Patrols Near Russian Arctic Bases. URL: <https://breakingdefense.com/2021/01/navy-secretary-us-patrols-near-russian-arctic-bases/> (дата обращения: 11.01.2021).

документе, помимо расширения научно-исследовательской деятельности, содействия устойчивому развитию и углублению международного сотрудничества в регионе, особое значение придается отстаиванию интересов США в части, касающейся беспрепятственного перемещения самолётов и кораблей, а также проведения коммерческих и научных экспедиций. В рамках реализации Стратегии различные американские министерства и ведомства, прежде всего входящие в силовой блок, публикуют документы, формулирующие программу действий по достижению обозначенных руководством страны целей. В регулярно обновляющихся арктических «дорожных картах» Министерства внутренних дел, Минобороны, военно-воздушных сил (ВВС), ВМС и Береговой охраны (БОХР), которых в общей сложности с 2013 г. выпущено около десяти, постоянно отмечаются усиливающиеся разногласия с Канадой и, особенно, с Россией относительно контроля за передвижениями судов в СЛО. Риторика американской стороны с каждым годом становится жестче: она все отчетливее заявляет о готовности силовыми методами защищать международное право в сфере соблюдения свободного использования морского и воздушного пространства и обеспечения стратегического доступа военных и гражданских кораблей и самолетов США во все районы Арктики. Речь, прежде всего, идет о споре с Канадой и Россией о принадлежности Северо-Западного прохода (СЗП) и Северного морского пути (СМП) соответственно. В Вашингтоне категорически не согласны с позицией двух стран, отстаивающих исключительные права на регулирование правил прохода иностранных кораблей по указанным маршрутам. По мнению США, часть включенных в состав СЗП и СМП

проливов являются международными, в связи с чем иностранные суда не обязаны получать у властей Канады и России разрешения на следование по данным транспортным коридорам и платить взнос за их использование [5, с. 147–157].

В настоящее время США в отношениях с Канадой стараются не педалировать данную тематику, поскольку заключенное в 1988 г. между странами соглашение о правилах использования американской стороной СЗП снизило градус напряженности в двустороннем взаимодействии в Арктике: Вашингтон обязуется запрашивать разрешение на прохождение всех кораблей по маршруту, а Оттава, в свою очередь, должна всегда в автоматическом режиме его предоставлять [6, с. 92–128]. В контексте использования СМП США не ограничиваются оспариванием порядка прохода по проливам Санникова, Лаптева, Вилькицкого и Шокальского, выдвигая также претензии относительно общего режима регулирования судоходства в акватории всего транспортного пути. Ссылаясь на международное право, прежде всего Конвенцию, Белый дом ставит под сомнение обоснованность требований российской стороны ко всем иностранным судам получать у соответствующих госорганов разрешения на следование по трассам Севморпути, расположенным в российских исключительной экономической зоне (ИЭЗ) и территориальном море. США настаивают, что подобные ограничительные меры нарушают ряд положений Конвенции, в частности ст. 17 «Право мирного прохода», 38 «Право транзитного прохода» и 45 «Мирный проход», регламентирующих проход кораблей других государств через территориальное море, ИЭЗ и проливы, используемые для международного судоходства. В Вашингтоне считают неубедительными

аргументы Москвы, ссылающейся на ст. 234 Конвенции «Покрытые льдом районы» для обоснования введения разрешительной системы прохождения по СМП, поскольку наделение прибрежных государств особыми правами по защите окружающей среды в АР не позволяет им заниматься дискриминацией по национальному признаку и препятствовать нахождению иностранных кораблей в российском арктическом секторе. Более того, по мнению Белого дома, Кремль слишком широко трактует текст ст. 234 Конвенции, устанавливая на законодательном уровне требования об обязательном обращении за услугами по ледокольной и лоцманской проводке в российские организации. При этом особое раздражение американской стороны вызывают «Правила плавания в акватории Северного морского пути», в соответствии с которыми осуществлять ледокольную проводку могут только суда под российским государственным флагом.

Подобные действия по сохранению хрупкой экосистемы региона, как считают в США, должны обсуждаться в рамках соответствующих международных организаций, прежде всего Международной морской организации. Серьезные разногласия сохраняются и по вопросу плавания в СЛО иностранных военных судов, обладающих суверенным иммунитетом не только в открытом море, но и при проходе через ИЭЗ и территориальное море. США, не подвергая сомнению право прибрежных государств на установление особого режима судоходства в покрытых льдом районах, ссылаются на ст. 236 «Суверенный иммунитет» Конвенции, считая, что оно не распространяется на военные корабли и военновспомогательные суда, принадлежащие иностранному государству и используемые в данное время только для прави-

тельственной некоммерческой службы [7, с. 150–153].

Вместе с тем апелляции США к Конвенции выглядят несколько парадоксально, учитывая, что к настоящему моменту они остаются единственной страной региона, не ратифицировавшей данный документ, хотя и активно участвовавшей в его разработке. С этой точки зрения все заявления, протесты и иные действия Вашингтона относительно необходимости пересмотра принципов организации судоходства в Арктике не имеют под собой твердой международно-правовой основы. Несмотря на это было бы неверно утверждать, что американская сторона находится в принципиально ином политико-правовом пространстве, что и остальные государства, поскольку она является участником Женевских конвенций ООН по морскому праву 1958 г., которые приобрели характер обычных международно-правовых норм и во многом стали прообразом Конвенции.

Дискуссии в США относительно ратификации Конвенции ведутся не одно десятилетие. Сторонники считают, что это позволит эффективнее защищать интересы страны в Арктике, прежде всего в сфере обеспечения недискриминационного доступа и беспрепятственного передвижения по СМП и СЗП. По мнению противников, одобрение документа приведет к ограничению суверенитета государства, в том числе в вопросе делимитации морских пространств в АР, а также к многомиллиардным потерям из-за необходимости обязательных отчислений от разработки шельфовых нефтегазовых месторождений в Международный орган ООН по морскому дну.

Как подчеркивают скептики, дополнительным фактором воздержаться от присоединения к Конвенции является тот факт, что отдельные её положения, в

частности ст. 19 «Понятие мирного прохода» и ст. 20 «Подводные лодки и другие подводные транспортные средства», существенно сужают пространство для проведения морских разведывательных и военных операций, в том числе в рамках программы «Свобода Судоходства»: в территориальном море запрещается сбор информации и иные действия, подрывающие обороноспособность прибрежного государства, а также нахождение иностранных субмарин в подводном положении. Кроме того, критики Конвенции обращают внимание на то, что ст. 23 «Иностранные суда с ядерными двигателями и суда, перевозящие ядерные и другие опасные или ядовитые по своей природе вещества» фактически делегитимизирует представленную в 2003 г. Дж. Бушем программу «Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения», ставя под угрозу национальную безопасность страны. В любом случае нежелание США ратифицировать Конвенцию пока играет на руку России и другим арктическим странам, т. к. без присоединения американской стороны к договору все попытки нерегиональных игроков пролоббировать закрепление за АР статуса общего наследия человечества, значительно облегчающего получение доступа к ресурсам Заполярья, несостоятельны¹.

В сложившейся ситуации США продолжают отстаивать свои интересы по обеспечению свободного судоходства в Арктике, фактически используя «дипломатию канонеров» и опираясь на «право сильного», о чем свидетельствуют заявления должностных лиц, больше напоми-

нающие угрозы и ультиматумы [8, с. 50–53]. Например, экс-командующий БОХР адмирал П. Цукунфт или командующий ВМС США в Европе и Африке адмирал Дж. Фогго заявляли о стремлении США добиться, при необходимости силовыми методами, закрепления за СМП статуса международной транспортной артерии, а бывший глава ВМС Р. Спенсер подчеркивал целесообразность модернизации флота для повышения потенциала сдерживания российских амбиций в Арктике. В представленной в 2019 г. Минобороны конгрессу «Арктической доктрине» указано, что «Арктика имеет прямое отношение к национальной безопасности США, главная задача которых в связи с этим заключается в развертывании более смертоносной, устойчивой, гибкой боевой группировки, способной обеспечить конкурентное преимущество в этом ключевом регионе»².

В подобном подходе нет ничего удивительного, учитывая, что за формирование арктического вектора внешней политики страны в основном отвечают представители Минобороны, ВМС и БОХР. В результате в концептуальных документах США, посвященных реализации интересов в АР, на первый план постепенно выходит военная составляющая. В 2018 г. в Норфолке (штат Вирджиния) воссоздан ликвидированный семью годами ранее Второй флот ВМС, основной задачей которого является обеспечение безопасности международных морских коммуникаций (ММК) в Северной Атлантике и контроль за деятельностью России в СЛО. Кроме того, модернизирован исландский военный аэродром «Кеблавик», ставший, как и в период холодной войны,

¹ Архипова С. США в Арктике: эпоха ренессанса. URL: <https://russiancouncil.ru/ analytics-and-comments/analytics/ssha-v-arktike-epokha-renessansa/> (дата обращения 11.01.2021).

² «Запад возмущен»: Die Welt оценила стратегию России в Арктике. URL: <https://ria.ru/20201026/sevmorput-1581504713.html> (дата обращения: 11.01.2021).

базой для американских самолетов, следящих за перемещением российских подлодок в Арктике, прежде всего в районе Фареро-Исландского рубежа.

В представленном в июне 2020 г. президентом Д. Трампом меморандуме «О защите национальных интересов США в Арктическом и Антарктическом регионах» основное внимание сосредоточено на строительстве в интересах ВМС шести ледоколов, а также создании в непосредственной близости от АР четырех военно-морских баз, две из которых, вероятно, будут расположены в Норвегии и Гренландии. Руководством страны озвучены планы по развитию подразделений ВВС, дислоцированных на Аляске, в том числе их пополнение к концу 2021 г. 54 многофункциональными истребителями-бомбардировщиками пятого поколения F-35.

Политика Вашингтона по закреплению своего влияния в Арктике является стандартной и сводится к формированию механизмов силового реагирования на возникающие в регионе кризисы [9, с. 73–86]. Не исключено, что США в условиях нарастания напряженности в отношениях между Россией и Западом в целях обеспечения контроля за ММК в акватории СМП в перспективе могут организовать блокаду маршрута по его восточной (в Беринговом проливе) и западной (по линии Гренландия – Исландия – Норвегия) границам. В данном контексте США продолжают расширять сотрудничество со странами НАТО в АР, в частности увеличилось количество совместных учений, направленных на отработку взаимодействия в сложных климатических условиях, осуществление поисково-спасательных операций и проведение разведывательных мероприятий. Повышенное внимание уделяется организации патрулирования американского и британ-

ского подводных флотов в СЛО: ежегодно выполняются несколько совместных походов стратегических ракетносцев, в том числе в район Северного полюса [10, с. 59–73].

Углубляются военные контакты с Норвегией, которая постепенно превращается в американский форпост на западных рубежах СМП. На территории страны, старающейся заручиться поддержкой НАТО в лице США в возможном конфликте с Россией, быстрыми темпами создается военная инфраструктура и проводятся масштабные военные учения. Например, в 2018 г. альянс провел крупнейшие после окончания холодной войны маневры в регионе «Trident Juncture 2018», участие в которых приняли около 50 тыс. военнослужащих, 250 самолетов и 65 кораблей из 31 государства. Кроме того, Вашингтон продолжает поддерживать тесные связи с датской автономией Гренландией, де-факто придавая ей статус самостоятельного географического и политического образования и даже периодически предлагая выкупить её у Копенгагена (подобную инициативу США направляли Дании дважды – при президентах Трумене и Трампе). История взаимоотношения Вашингтона и Нуука началась в 1951 г., когда был заключен датско-американский договор, в соответствии с которым США фактически получили возможность свободно использовать остров в военных и оборонительных целях, в частности беспрепятственно передислоцировать подразделения в его воздушном, сухопутном и морском пространствах.

Действия США по продвижению своего влияния в Арктике и защите свободы судоходства наряду с силовым компонентом включают в себя укрепление международных связей в регионе, в том числе в формате различных организаций

(например, Арктического совета – АС), и привлечение к решению проблем Крайнего Севера новых игроков, обозначенных в Стратегии «союзниками и партнерами», «неарктическими государствами» и «другими заинтересованными сторонами». При этом Вашингтон старается «разбавить» пул арктических акторов субъектами международных отношений, устремления которых совпадают с американскими национальными интересами в Заполярье, в частности по вопросу принадлежности Севморпути. США рассчитывают за счет увеличения числа участников арктического диалога нарушить сбалансированную систему взаимоотношений, характеризующуюся устоявшимися институционально-правовыми основами и четко обозначенными позициями стран-членов АС, получив таким образом большую свободу маневра для формирования различных тактических коалиций и достижения своих целей.

В данном контексте шаги по «интернационализации» Арктики следует рассматривать как попытку продемонстрировать отсутствие политической и идеологической гомогенности региона. Не случайно США сыграли одну из ключевых ролей в деле расширения числа постоянных наблюдателей АС, ряды которых по итогам министерской встречи организации в Кируне (Швеция) в 2013 г. дополнили Китай, Индия, Япония, Республика Корея, Сингапур и Италия [11, с. 48–56].

На этом фоне также обращает на себя внимание проводимая Вашингтоном активная информационная кампания по дискредитации политики Москвы на Крайнем Севере. С 2014 г. американские политтехнологи работают над формированием негативного имиджа страны, тиражируя тезисы о милитаризации Россией Арктики и нарушении ей междуна-

родного права. Экстраполируя цивилизационный конфликт на Украине на ситуацию на Крайнем Севере, Белый дом все чаще оперирует терминологией холодной войны, «демонизируя» любые шаги Кремля по защите национальных интересов, в том числе в рамках развития ММК в регионе.

Выводы

Таким образом, следует отметить, что США уделяют приоритетное внимание обеспечению свободного использования транспортных артерий региона, прежде всего СМП. В Вашингтоне считают, что Севморпуть является международным судоходным коридором и вводимые российской стороной правила прохода по нему противоречат ряду положений Конвенции. В целях расширения своего влияния на процессы развития ММК в АР США все больший акцент делают на военную мощь, о чем свидетельствует как существенная активизация в последнее десятилетие вооруженных сил в регионе, так и наращивание сотрудничества с партнерами по НАТО. Кроме того, Белый дом выступает за увеличение числа вовлеченных в управление Арктикой игроков, чтобы усложнить систему внутрирегионального взаимодействия и получить возможность эффективнее отстаивать свои интересы, в том числе в вопросе использования транспортно-логистического потенциала Заполярья. Также Вашингтоном развернута информационная кампания, направленная на формирование образа России как страны, не готовой к конструктивному сотрудничеству и нарушающей международное право. Учитывая прогнозируемый рост интереса международного сообщества к ММК в Арктике, давление на Россию со стороны Вашингтона будет возрастать.

Список литературы

1. Гутенев М. Ю. Арктика во внешней политике США // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2(49). С. 133–143.
2. Криницкий Ю. В. ВКС России в борьбе за Арктику // Воздушно-космическая сфера. 2016. № 3/4 (88/89). С. 56–63.
3. Матияк Л. А. Парадигмальный диссонанс в политике США в Арктике // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2(41). С. 115–126.
4. Гудев П. А. Политико-правовые аспекты морской политики США в АТР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. № 1(42). С. 53–75.
5. Гаврилов В. В. Правовой статус Северного морского пути Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 2 (218). С. 147–157.
6. Байерз М. Правовой статус Северо-Западного прохода и Арктический суверенитет Канады: прошлое, настоящее, желаемое будущее // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. С. 92–128.
7. Дмитриев С. Н. Ключевой вопрос правового статуса Северного морского пути // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 150–153.
8. Баронов В. И. Северный морской путь и принцип свободы мореплавания // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2-2. С. 50–53.
9. Цыбаков Д. Л. Милитаризация международной политики: последствия для интересов и безопасности России: монография. М.: МАКС Пресс, 2012. 235 с.
10. Бартош А. А. Гибридная война в Арктике // Мировая политика. 2018. № 3. С. 59–73.
11. Чернега В. С., Цыбаков Д. Л. Стратегия политики Китая по участию в развитии международных морских коммуникаций в Арктике // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 2. С. 48–56.

References

1. Gutenev M. Yu. Arktika vo vneshnej politike SSHA [The Arctic in US Foreign Policy]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* = *Oikumena. Regional studies*, 2019, no. 2(49), pp. 133–143.
2. Krinickij Yu. V. VKS Rossii v bor'be za Arktiku [Russian Aerospace Forces in the fight for the Arctic]. *Vozdushno-kosmicheskaya sfera* = *Aerospace sphere*, 2016, no. 3/4 (88/89), pp. 56–63.
3. Matiyak L. A. Paradigmal'nyj dissonans v politike SSHA v Arktike [Paradigmatic Dissonance in US Policy in the Arctic]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = *MGIMO Review of International Relations*, 2015, no. 2(41), pp. 115–126.
4. Gudev P. A. Politiko-pravovye aspekty morskoj politiki SSHA v ATR [Political and legal Aspects of the US Maritime Policy in the Asia-Pacific Region]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* = *South-East Asia: Actual Problems of Development*, 2019, no. 1(42), pp. 53–75.

5. Gavrilov V. V. Pravovoj status Severnogo morskogo puti Rossijskoj Federacii [The Legal Status of the Northern Sea Route of the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 2 (218), pp. 147–157.
6. Bajez M. Pravovoj status Severo-Zapadnogo prohoda i Arkticheskij suverenitet Kanady: proshloe, nastoyashchee, zhelaemoe budushchee [The legal Status of the Northwest Passage and the Arctic Sovereignty of Canada: past, Present, and Desired Future]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*, 2011, no. 2, pp. 92–128.
7. Dmitriev S. N. Klyuchevoj vopros pravovogo statusa Severnogo morskogo puti [The key issue of the legal status of the Northern Sea Route]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2019, no. 2 (68), pp. 150–153.
8. Baronov V. I. Severnyj morskoy put' i princip svobody moreplavaniya [The Northern Sea Route and the Principle of Freedom of Navigation]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo = Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 2019, no. 2-2, pp. 50–53.
9. Cybakov D. L. Militarizaciya mezhdunarodnoj politiki: posledstviya dlya interesov i bezopasnosti Rossii [Militarization of International Politics: Implications for Russia's Interests and Security]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2012. 235 p.
10. Bartosh A. A. Gibrinaya vojna v Arktike [Hybrid War in the Arctic]. *Mirovaya politika = World Politics*, 2018, no. 3, pp. 59–73.
11. Chernega V. S., Cybakov D. L. Strategiya politiki Kitaya po uchastiyu v razvitii mezhdunarodnyh morskikh kommunikacij v Arktike [The Strategy of China's policy on participation in the Development of International Maritime Communications in the Arctic]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 48–56.

Информация об авторе / Information about the Author

Чернега Василий Сергеевич, аспирант кафедры политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация
e-mail: vasily.chernega@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9658-0470

Vasily S. Chernega, Post-Graduate Student of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russian Federation
e-mail: vasily.chernega@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9658-0470

УДК 94(47)

История отечественной промышленности второй половины XX века в трудах современных исследователей (региональный аспект)

В. В. Коровин¹, Н. К. Копылов¹✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: vlavikor@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях обострения межгосударственных противоречий, истоки которых во многом носят экономический характер, а одним из серьезных последствий становится жесткая санкционная политика отдельных государств или их территориальных объединений, проблема сохранения суверенитета в производственной сфере становится как никогда актуальной. Опыт существования советского государства наглядно продемонстрировал, что только собственное высокоразвитое промышленное и аграрное производство, обеспечивающее в полной мере потребности страны, может обеспечить ее независимость на международной арене. Поэтому осмысление отечественной практики решения задач экономического развития вызывает исследовательский интерес и требует определенного обобщения.

Цель – раскрыть основные достижения современных авторов в исследовании истории отечественной промышленности второй половины XX века на региональном уровне.

Задачи: на основе публикаций и диссертационных работ современных исследователей проследить основные тенденции развития научного поиска в сфере индустриальной истории российских регионов, выявив наиболее разработанные и перспективные в исследовательском плане аспекты темы.

Методология. При написании работы авторы опирались на основополагающие методы исторической науки (принципы историзма и объективности), а также на ряд конкретно-исторических и общенаучных методов (аналитический, сравнительно-исторический, историко-генетический и пр.).

Результаты. На основе трудов российских историков, выполнивших диссертационные исследования и опубликовавших их результаты за последние 5 лет, в публикации отражены основные результаты обобщения опыта развития отечественной промышленности во второй половине XX века, представлена индустриальная специализация отдельных регионов страны, отмечены перспективы дальнейшего исследования рассматриваемой темы.

Вывод. Несмотря на наличие исследований, выполненных в последние годы с учетом достижений современной исторической науки, опыт развития отечественной промышленности во второй половине XX века не получил должного обобщения как на региональном и отраслевом уровнях, так и в общегосударственном масштабе.

Ключевые слова: промышленность; производство; историография; автор; публикация; регион.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Для цитирования: Коровин В. В., Копылов Н. К. История отечественной промышленности второй половины XX века в трудах современных исследователей (региональный аспект) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 106–119.

Поступила в редакцию 03.02.2021

Принята к публикации 12.03.2021

Опубликована 26.04.2021

The History of Domestic Industry in the Second Half of the Twentieth Century in the Works of Modern Researchers (Regional Aspect)

Vladimir V. Korovin¹, Nikita K. Kopylov¹✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Abstract

Relevance. In the context of the aggravation of inter-state contradictions, the origins of which are largely economic in nature, and one of the serious consequences is the tough sanctions policy of individual states or their territorial associations, the problem of preserving sovereignty in the industrial sphere becomes more urgent than ever. The experience of the existence of the Soviet state clearly demonstrated that only its own highly developed industrial and agricultural production, which fully meets the needs of the country, can ensure its independence in the international arena. Therefore, the understanding of the domestic practice of solving problems of economic development is of research interest and requires a certain generalization.

The purpose. To reveal the main achievements of modern authors in the study of the history of domestic industry in the second half of the twentieth century at the regional level.

Objectives: on the basis of publications and dissertations of modern researchers, to trace the main trends in the development of scientific research in the field of industrial history of Russian regions, identifying the most developed and promising aspects of the topic in terms of research.

Methodology. When writing the work, the authors relied on the fundamental methods of historical science (the principles of historicism and objectivity), as well as on a number of specific historical and general scientific methods (analytical, comparative-historical, historical-genetic, etc.).

Results. Based on the works of Russian historians who have completed dissertation research and published their results over the past 5 years, the publication reflects the main results of summarizing the experience of the development of domestic industry in the second half of the twentieth century, presents the industrial specialization of individual regions of the country, and notes the prospects for further research on the topic under consideration.

Conclusin. Based on the historiographic experience already available in Russian historical science, it can be concluded that in the 1960s–1980s. the tram was experiencing the peak of its development in the cities of the RSFSR, and Kursk was no exception in this row. In many ways, the current problems in the development of the city's tram network are the result of mistakes and miscalculations made during the period under study.

Keywords: industry; production; historiography; author; publication, region.

Conflict of interest: The Authors declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The publication was prepared within the framework of the state task for 2021 "Transformation of private and public law in the context of evolving individuals, society and the state" (No. 0851-2020-0033).

For citation: Korovin V. V., Kopylov N. K. The History of Domestic Industry in the Second Half of the Twentieth Century in the Works of Modern Researchers (Regional Aspect). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 106–119. (In Russ.)

Received 03.02.2020

Accepted 12.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

После распада СССР в исторической науке наметилась явная тенденция к критическому, а не к объективному осмыслению событий и явлений, связанных с

периодом его существования. Одновременно исследовательский интерес многих историков был обращен к дореволюционному прошлому России, которое противопоставлялось бурному XX веку.

Тридцать лет независимого существования Российской Федерации и других бывших союзных республик на фоне резко меняющейся геополитической ситуации все чаще вызывают необходимость обращения, прежде всего, к нашему недавнему прошлому. Опыт решения проблем социально-экономического развития, накопленный представителями старших поколений россиян, позволяет найти ответы на многие вызовы современности. Это утверждение в полной мере относится к вопросам обеспечения экономической безопасности. Особенно поучителен в этой связи пример послевоенного восстановления и последующей модернизации всего производственного комплекса, имевший место во второй половине XX века. Анализ диссертационных исследований, выполненных за последние годы по истории промышленности, указывает на их преимущественно региональный характер. В данной публикации предпринята попытка выявить наиболее разработанные и перспективные в исследовательском плане аспекты обозначенной темы.

Методология

Комплекс научных методов и принципов, использованных нами при написании настоящей работы, позволил решить все поставленные перед исследователями задачи. Помимо использования традиционных методологических принципов (объективность и принцип историзма) нами активно привлекался как общенаучный (аналитический метод, индуктивно-дедуктивный), так и специально-исторический инструментарий (сравнительно-исторический, историко-генетический методы).

Результаты и их обсуждение

Для большинства исследований по истории отечественной промышленности второй половины XX века, выполненных в последние годы, характерно использование широкого круга источников. Мно-

гие работы базируются на документальных материалах, выявленных в фондах не только региональных, но и федеральных архивов. Наряду с архивными документами исследователями широко используются опубликованные источники, включающие законодательные и политико-правовые документы: законы СССР, РСФСР, Постановления ЦК КПСС, Совета Министров, Верховного Совета СССР и РСФСР, другие нормативные акты. Авторами активно используются официальные статистические материалы, публиковавшиеся в сборниках «Народное хозяйство СССР», «Народное хозяйство РСФСР», областных статистических изданиях за соответствующие годы. Многие авторы активно используют в качестве источниковой базы своих исследований выступления, мемуары партийных и государственных деятелей.

Еще одной важной особенностью современных публикаций является эффективное использование результатов научных исследований предшествующих лет, а также научных трудов представителей смежных наук – социологов, экономистов, политологов, юристов. Большую часть исторических исследований отличает содержательный по существу и корректный по форме историографический обзор, осуществляемый на соответствующем профессиональном уровне. Авторы стремятся объективно оценить труды своих предшественников, излагая при этом собственную точку зрения по отношению к тем или иным взглядам и подходам.

Исследованию условий и особенностей развития промышленного комплекса Дальнего Востока РСФСР в 1965–1985 гг. посвящены труды доктора исторических наук Н. М. Платоновой [1; 2; 3]. Раскрывая условия и факторы индустриального развития региона в исследуемый период, она обращает особое внимание на процесс формирования государственной стратегии его комплексного развития, определяя причины наметившегося ре-

гресса. Еще одним фактором развития региональной промышленности исследователь считает экономическое взаимодействие советских дальневосточных территорий со странами АТР. Проанализировав условия этого сотрудничества, Н. М. Платонова приходит к выводу, что в условиях «холодной войны» внешне-экономический фактор не смог придать импульс внутриэкономическому развитию Дальнего Востока, который рассматривался руководством СССР как сырьевой придаток страны [4, с. 171].

Н. М. Платонова успешно исследовала динамику развития базовых (рыбной, лесной, горнорудной, металлургической, машиностроительной) и перерабатывающих (стройиндустрия, топливно-энергетическая, легкая и пищевая) отраслей промышленности Дальнего Востока в рассматриваемый период. Анализируя тенденции развития каждой из них, автор концентрирует внимание на недостатках планирования, проблемах в организации снабжения и финансирования, низком уровне индустриализации и узковедомственном подходе, что и привело к замедлению темпов роста производства в регионе к концу 1970-х гг.

Важным направлением научного поиска историка стала характеристика состояния кадрового потенциала региональной промышленности, в результате чего были исследованы социальные процессы, связанные с формированием трудовых ресурсов на Дальнем Востоке страны. Среди причин дефицита рабочей силы на промышленных предприятиях региона названы слабая развитость социально-бытовой сферы, недовольство низкой заработной платой и уровнем жизни, завышенными ценами на товары первой необходимости и продукты питания, тарифы и услуги [4, с. 372–375]. Н. М. Платонова подчеркивает, что проблему закрепления трудовых ресурсов на предприятиях Дальнего Востока так и не удалось решить традиционными способами, которые предлагало советское правитель-

ство (повышение благосостояния населения, привлечение трудовых мигрантов и др.). Стимулирование трудовой активности осуществлялось организацией социалистического соревнования, а также мероприятий, направленных на сохранение традиций и исторической памяти, проведение тематических вечеров литераторами, бригадный подряд и др. Автор справедливо отмечает, что, наряду с моральным поощрением, большое значение имела экономическая заинтересованность трудящихся [4, с. 389]. Н. М. Платонова указывает на неподготовленность трудящихся к использованию новых технологий в производстве, несмотря на стремление внедрить в производство научно-технические достижения. Не осталась без внимания исследователя и проблема социальных протестов, имевших место на предприятиях региона в рассматриваемый период [4, с. 398–403].

В публикациях доктора исторических наук В. А. Перцева были выявлены особенности и тенденции экономического развития областей Центрально-Черноземного региона РСФСР [5; 6; 7; 8]. Автор справедливо отмечает, что в 1950–80-е гг. на территории областей Центрального Черноземья серьезное развитие получило индустриальное развитие. Более высокими темпами промышленность развивалась в Белгородской, Воронежской и Липецкой областях. Это происходило благодаря строительству предприятий союзно-республиканского и союзного значения. В Курской и Тамбовской областях развитие получила в основном промышленность переработки сельскохозяйственного сырья. Все области региона превратились в развитые индустриально-аграрные. Однако недостаточное финансирование отраслей, обеспечивающих население товарами первой необходимости «длительного пользования, превратило регион в зависимый от поставок социально значимой продукции из других частей государства» [9, с. 193].

В. А. Перцев показал положительное влияние роста индустриального потенциала и научно-технического прогресса для реализации социальной политики Советского государства, следствием чего стало постепенное сокращение продолжительности рабочей недели, увеличение продолжительности оплачиваемых отпусков рабочим и служащим. По справедливому мнению автора, рост промышленности вел к росту зарплат работников, но при этом выполнение плановых заданий многими предприятиями региона было связано с приписками, получившими наибольшее распространение в 1970-е гг. [9, с. 219].

В исследованиях В. А. Перцева дается подробный анализ политики государства по обеспечению трудящихся потребительскими товарами и развитию таких сфер, как торговля и общественное питание. Как отмечается исследователем, на предприятиях Центрально-Черноземного региона производился значительный ассортимент потребительских товаров, но потребности населения обеспечивались также привозными товарами, но темпы роста розничного товарооборота в государственной и кооперативной торговле в исследуемый период сокращались [9, с. 454].

Раскрывая вопрос о формировании семейных бюджетов рабочих и служащих, В. А. Перцев отмечает, что средняя зарплата и объемы денежных накоплений в регионе были ниже средних по РСФСР [9, с. 531]. Несмотря на это постепенный прирост вкладов населения имел место, в результате чего наблюдался опережающий рост материальных доходов по сравнению с возможностями потребительского рынка в регионе [9, с. 579].

Анализ моноотраслевой модели развития Карелии и особенностей функционирования социально-трудовых институтов в условиях доминирования ресурсно-ориентированного промышленного комплекса предпринят в трудах О. И. Кулагина [10; 11; 12]. Эти процессы рассматриваются автором в контексте изменений

в конфигурации власти и отношений собственности, трансформации мотивационных механизмов и экономических целей хозяйствующих субъектов. Он обращается к теории модернизации как к одной из основных методологических моделей для изучения тех или иных исторических явлений. Для того чтобы более точно оценить потенциал отечественного лесопромышленного комплекса в качестве главного инструмента региональной модернизации второй половины XX в., автором были использованы элементы теории жизненного цикла отрасли. Базовыми методологическими подходами, использовавшимися в рамках понятия «ресурсная модель модернизации», стали концепция «центр – периферия», а также институциональный подход.

О. И. Кулагину в полной мере удалось осуществить комплексное историческое исследование роли отечественного лесопромышленного комплекса в качестве главного инструмента модернизации Карелии. На основе изучения широкого круга статистических данных и концепции жизненного цикла отрасли исследователь приходит к выводу, что на протяжении рассматриваемого периода отечественный лесопромышленный комплекс проделал путь от этапа роста (1945 – середина 1960-х гг.), через стадию зрелости (середина 1960-х – конец 1970-х гг.) к этапу упадка (конец 1970-х – конец 1990-х гг.) [13, с. 7].

Оценивая состояние лесного фонда региона, О. И. Кулагин отмечает, что, несмотря на все декларации о необходимости переноса основных производственных мощностей по заготовке древесины в восточные районы страны, он эксплуатировался нерационально на протяжении всего рассматриваемого периода. Последствия такой модели развития до сих пор сказываются на экономическом положении Карелии. Рассмотрение регионального лесопромышленного производства позволило автору наглядно показать

его весомый вклад и в трансформацию социально-трудовых отношений.

Вовлечение в научный оборот большого количества ранее неопубликованных источников, связанных с созданием и деятельностью ракетостроительного производства в Куйбышевской области, дало возможность кандидату исторических наук А. В. Белкину обобщить материалы о предпосылках, исторических условиях, этапах, материально-технической базе, кадровом составе формирования Куйбышевского научно-промышленного ракетно-космического комплекса в 1958–1974 гг. и его основных проектно-производственных программах [14; 15].

Ученый исследовал неопубликованные документы фонда научно-производственного объединения «Труд» Министерства авиационной промышленности, хранящиеся в Российском государственном архиве в г. Самаре. Несмотря на свою уникальность он далеко не в полной мере был востребован исследователями в силу регионального расположения архива.

Характеризуя развитие Куйбышевского научно-промышленного ракетно-космического комплекса в период его формирования в 1958–1974 гг., автор анализирует предпосылки и условия, выделяет этапы и исследует вопросы материально-технической базы и кадрового состава. При рассмотрении основных проектно-производственных программ, реализованных в рассматриваемый период предприятиями комплекса по основным видам ракетно-космической техники, А. В. Белкин объективно оценивает их значение для социально-экономического и военно-политического развития СССР в 1958–1974 гг.

На основе научного изучения источников и литературы автор предлагает ответ на дискуссионный в отечественной научной публицистике вопрос о причинах свертывания отечественной пилотируемой лунной программы, обоснованно опровергая распространенное В. П. Глуш-

ко мнение о «гнилых двигателях», разработанных в куйбышевском ОКБ-276 Н. Д. Кузнецова, как основной причине свертывания программы. А. В. Белкин указывает, что на данную ситуацию в большей степени повлияли начавшаяся политика «разрядки» в отношениях между СССР и США и конструктивное несовершенство ракеты-носителя Н-1 [16, с. 182–186].

Влияние «совнархозовской реформы» на развитие легкой промышленности Мордовии отражено в трудах А. В. Биряевой [17; 18; 19]. В них исследователь подробно рассматривает задачи, функции и структуру Мордовского совнархоза и Управления легкой промышленности, выделяя особенности экономического развития республики. По справедливой оценке автора, в период деятельности совнархоза МАССР из аграрно-индустриальной превратилась в индустриально-аграрную, а в рамках совнархоза выросли масштабы производственной специализации и межотраслевого кооперирования, произошло зарождение производственных объединений, возросла оперативность управления предприятиями, республика получила возможность сосредоточиться на комплексном развитии народного хозяйства. В то же время отмечаются и серьезные недостатки в работе совнархоза, к числу которых отнесены слабая исполнительская дисциплина, стремление производить и перевыполнять задания по выпуску продукции для собственных нужд и отказ от напряженных заданий по ее производству для других экономических районов.

Раскрывая специфику развития легкой промышленности региона, А. В. Биряева доказывает, что в рассматриваемый период предприятия отрасли увеличили выпуск валовой продукции, выросла производительность их труда. В числе приоритетных направлений работы автором отмечается деятельность по повышению качества выпускаемой продукции, изучение, обобщение и распространение

передового опыта и развитие производственного соревнования. При этом выделяются такие организационные проблемы, как поставки бракованного сырья, выработка некондиционной продукции, плохое оборудование рабочих мест, нарушение правил пожарной безопасности; хищения и факты мошенничества. Важным социальным завоеванием рассматриваемого времени, по мнению исследователя, стала жилищная политика, позволившая значительную часть работников легкой промышленности Мордовского совнархоза переселить из бараков и коммуналок в отдельные квартиры.

Детально проработаны исследователем и вопросы внедрения на предприятиях легкой промышленности новых технологий и оборудования, организации движения рационализаторов и новаторов производства. А. В. Биряева справедливо подчеркивает, что новаторы-передовики своим примером мобилизовали силы других рабочих на решение проблем повышения производительности труда и качества продукции. Для этого наиболее ответственные и дальновидные руководители предприятий легкой промышленности стремились усилить моральное и материальное поощрение производственников-энтузиастов [20, С. 183–185].

Становление и развитие титанового производства на Урале стало предметом исследования кандидата исторических наук А. О. Ежова [21; 22; 23]. В своих трудах он анализирует проблемы становления отрасли, организации системы управления, формирования сырьевой базы, освоения промышленного выпуска металлического титана и развития социокультурной составляющей «титановых городов» Урала.

На стадии становления отрасли автор выделяет теоретический и опытно-промышленный этапы, которые проходили под управлением Министерства цветной металлургии СССР, а впоследствии и Министерства авиационной промышленности СССР, руководившего производ-

ством слитков, их дальнейшей переработкой и поставкой изделий на авиационные заводы.

По справедливой оценке исследователя, характерной чертой становления производства титановых изделий в СССР являлось не строительство новых, а перефилирование действующих предприятий авиационной металлургии, превращение их в научно-производственные структуры. Автором успешно исследованы проблемы подготовки кадров и повышения уровня их квалификации, а также опыт создания достойных социально-бытовых условий работникам отрасли [24].

В исследованиях кандидата исторических наук М. В. Михеева отражены результаты процессов, происходивших в стране и на Урале в послевоенные годы, когда со сменой целевых установок стратегических решений происходили изменения в региональной политике [25; 26; 27]. В хронологических рамках двух послевоенных пятилеток исследователь смог показать динамику структурных изменений в уральской промышленности, создание её новых отраслей, а также проблемы стабилизации и комплектования рабочей силы.

М. В. Михеев критически оценивает усиление роли отраслевых министерств и ведомств в управлении послевоенной экономикой, что приводило к росту диспропорций в развитии отдельных территорий СССР. При этом партийные структуры он признает силой, отстаивавшей интересы территории и сглаживавшей межведомственные противоречия и конфликты в регионе. По мнению автора, внимание руководства страны к развитию Урала проявлялось лишь при решении общегосударственных задач и не обеспечивало комплексный прогресс уральской экономики, приводя к росту диспропорций в региональной промышленности [28, с. 99–111].

Отмечая причины отклонения фактического территориального развития

экономики Урала от планового, М. В. Михеев отмечает, что вместо смещения центров индустрии на север произошел их стихийный сдвиг в южном направлении [28, с. 203–204]. Приводимые в исследовании факты конкуренции Урала с другими экономическими районами в борьбе за капиталовложения свидетельствовали, по мнению автора, о приоритетном внимании центральных властей к южным и северо-западным районам страны. Убедителен и авторский вывод о том, что отток специалистов из районов Урала на запад СССР во многом был следствием неблагоприятной для региона политики отраслевых промышленных министерств и ведомств [28, с. 214–224].

В Курском регионе историю пищевой отрасли в 1945–1965 гг. реконструировал Р. В. Воронцов [29; 30; 31; 32]. Он успешно проанализировал влияние Великой Отечественной войны на состояние предприятий пищевой промышленности Курской области, охарактеризовал состояние сырьевой базы предприятий по переработке сахарной свеклы и продукции животноводства в первые послевоенные десятилетия, раскрыл особенности обеспечения предприятий пищевой индустрии региона зерновыми и плодоовощными сырьевыми ресурсами.

Раскрывая социально-политические и материально-технические факторы развития пищевого производства в Курской области, исследователь на конкретном материале показал, что в 40–60-е годы XX века ведомственная принадлежность предприятий отрасли претерпевала постоянные изменения, что, как правило, отрицательным образом сказывалось на эффективности деятельности предприятий. В то же время механизация производственных процессов, активно внедрявшаяся в пищевой индустрии, способствовала вытеснению тяжелого ручного труда и замене его машинным, но долго оставалась нерешенной проблема изготовления качественных продуктов.

В исследованиях Р. В. Воронцова показано активное использование на производстве мер морального и материального стимулирования сотрудников, что не исключало в большей степени безуспешной борьбы с нарушениями трудовой дисциплины и кражами имущества предприятий. Авторский анализ развития конкретных отраслей пищевого производства привел к справедливому выводу о лидирующем положении сахарной промышленности. Изучая данные об организации переработки продуктов овощеводства, особенности деятельности хлебобулочной, кондитерской, алкогольной, пивобезалкогольной и мясомолочной промышленности, автор аргументированно делает вывод о противоречивости результатов работы указанных отраслей пищевой индустрии. Диссертант справедливо отмечает, что в послевоенные годы удалось восстановить и модернизировать многие предприятия. Однако на протяжении рассматриваемого периода многие заводы и фабрики не смогли обеспечить стабильного выполнения производственных заданий и надлежащего качества выпускаемой продукции.

Выводы

Таким образом, работая на материалах различных регионов России, исследователи выработали общие подходы к раскрытию рассматриваемой темы. В первую очередь, авторами раскрываются особенности реализации государственной политики и отраслевого управления, состояние кадрового потенциала, вопросы технической модернизации производства и основные направления производственной деятельности. В представленных работах в полной мере отражена отраслевая специализация регионов. Вместе с тем до сих пор не создано обобщающего труда по истории промышленного развития РСФСР во второй половине XX века с учетом современных наработок региональных исследователей.

Список литературы

1. Платонова Н. М. Промышленно-гражданский комплекс Дальнего Востока РСФСР (1965–1985 гг.). Опыт исторического развития: монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2013. 414 с.
2. Платонова Н. М. Становление стройиндустрии как отрасли промышленного комплекса Дальнего Востока РСФСР в 1965–1970-е гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 1. С. 94–102.
3. Платонова Н. М. Российский Дальний Восток в 1965–1985 гг.: специфика промышленного развития региона // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 119. С. 9–20.
4. Платонова Н. М. Промышленный комплекс Дальнего Востока РСФСР: условия и особенности развития (1965–1985 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2017. 528 с.
5. Перцев В. А. Социальные последствия экономической модернизации областей Центрального Черноземья во второй половине 1960-х годов // Личность, общество, власть: прошлое и современность: материалы Двенадцатой региональной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Глазьева. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2018. С. 230–236.
6. Перцев В. А. Демографический и индустриальный потенциал Воронежской области в 1950–1980-е годы // Воронежский вестник архивиста. 2018. № 14. С. 78–87.
7. Перцев В. А. Производство товаров народного потребления промышленными предприятиями Центрального Черноземья в 1950–1980-е годы // Воронежский вестник архивиста. 2018. № 16. С. 88–99.
8. Перцев В. А. Тенденции в организации производственной деятельности персонала промышленных предприятий областей Центрального Черноземья в 1950–1980-е гг. // Клио. 2017. № 7 (127). С. 95–102.
9. Перцев В. А. Социальная политика Советского государства в 1953–1991 годах: на материалах областей Центрально-Черноземного экономического района: дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 2017. 775 с.
10. Кулагин О. И. Развитие лесопромышленного комплекса Карелии как инструмент модернизации моноотраслевого региона во второй половине XX в. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. 274 с.
11. Кулагин О. И. Трансформации лесопромышленного комплекса как фактор регионального развития во второй половине XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 85 с.
12. Кулагин О. И. Институциональные проблемы социально-трудовых отношений в лесопромышленном комплексе Карелии (1945–1970). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 112 с.
13. Кулагин О. И. Лесопромышленный комплекс Карелии во второй половине XX века: реализация ресурсной модели модернизации моноотраслевого региона: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2020. 51 с.
14. Белкин А. В. Организация проектирования и изготовления ракет Н-1 в Куйбышевской области (1963–1974 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск: «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии», 2006. С. 250–255.
15. Белкин А. В. Проблема переподготовки и повышения квалификации кадров Самарского (Куйбышевского) научно-промышленного ракетно-космического комплекса в 1958–1974 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (74), ч. 2. С. 27–31.

16. Белкин А. В. Формирование и производственная деятельность Куйбышевского (Самарского) научно-промышленного ракетно-космического комплекса в 1958–1974 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2017. 220 с.
17. Биряева А. В., Степашкина Е. Н. Развитие легкой промышленности в период деятельности мордовского совнархоза: историография вопроса // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2015. № 3 (34). С. 108–114.
18. Биряева А. В. Мордовский совнархоз: подготовка кадров для легкой промышленности (1957–1962 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 49–54.
19. Биряева А. В. Развитие легкой промышленности в деятельности Совета народного хозяйства МАССР (1975–1962 гг.). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. 160 с.
20. Биряева А. В. Развитие легкой промышленности в деятельности Совета народного хозяйства МАССР (1957–1962 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2019. 228 с.
21. Ежов А. О. Становление производства листов из титана на заводе № 519 в условиях модернизации металлургического комплекса отрасли Урала // Вестник Северного Арктического федерального университета. 2015. № 5. С. 15–22.
22. Ежов А. О. Периодизация становления и развития титановой промышленности России: историография проблемы // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2015. № 11. С. 86–92.
23. Ежов А. О., Прядеин В. С. Становление и развитие титанового производства на Урале (середина XX – рубеж 1980–1990-х гг.) в трудах исследователей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16, № 2. С. 24–32.
24. Ежов А. О. Становление и развитие титанового производства на Урале (середина 1950-х гг. – начало 1990-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. 292 с.
25. Михеев М. В. Проблемы демилитаризации уральской промышленности после Великой Отечественной войны // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 25–35.
26. Михеев М. В. Урал – Печора: несостоявшийся проект территориальной реорганизации советской экономики // ЭКО Всероссийский экономический журнал. 2015. № 10. С. 172–183.
27. Михеев М. В. Территориально-экономические проблемы развития Урала в позд-несталинский период (вопросы историографии) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 190–199.
28. Михеев М. В. Индустриальный Урал в советской региональной политике позд-несталинского периода (1945–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 296 с.
29. Воронцов Р. С., Головин Е. А. О некоторых проблемах развития предприятий отечественной пищевой промышленности в 1950-х – начале 1960-х годов (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 4 (25). С. 181–190.
30. Воронцов Р. С. Роль научно-технических достижений в развитии отечественной пищевой промышленности в 1950-х – начале 1960-х годов (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 1 (26). С. 180–187.
31. Воронцов Р. С. Состояние сырьевой базы предприятий сахарной промышленности в первые послевоенные десятилетия (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 197–205.

32. Воронцов Р. С., Коровин В. В. Архивные документы о влиянии Великой Отечественной войны на состояние предприятий сахарной промышленности. По материалам Курской области // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 578–589.

References

1. Platonova N. M. Promyshlenno-grazhdanskij kompleks Dal'nego Vostoka RSFSR (1965–1985 gg.). Opyt istoricheskogo razvitiya [Industrial and civil complex of the Far East of the RSFSR (1965–1985). Experience of historical development]. Moscow, Mezhdunarodnyj izdatel'skij centr "Etnosocium" Publ., 2013. 414 p.
2. Platonova N. M. Stanovlenie strojindustrii kak otrasli promyshlennogo kompleksa Dal'nego Vostoka RSFSR v 1965–1970-e gg. [Formation of the construction industry as a branch of the industrial complex of the Far East of the RSFSR in the 1965–1970-ies]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = Social and Humanitarian Sciences in the Far East*, 2011, no. 1, pp. 94–102.
3. Platonova N. M. Rossijskij Dal'nij Vostok v 1965–1985 gg.: specifika promyshlennogo razvitiya regiona [The Russian Far East in 1965–1985: the specifics of the industrial development of the region]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2009, no. 119, pp. 9–20.
4. Platonova N. M. Promyshlennij kompleks Dal'nego Vostoka RSFSR: usloviya i osobennosti razvitiya (1965–1985 gg.). Diss. dokt. ist. nauk [Industrial complex of the Far East of the RSFSR: conditions and features of development (1965–1985). Diss. dr. hist. sci.]. Vladivostok, 2017. 528 p.
5. Percev V. A. [Social consequences of economic modernization of the Central Chernozem Region in the Second Half of the 1960s]. *Lichnost', obshchestvo, vlast': proshloe i sovremennost'. Materialy Dvenadcatoj regional'noj nauchnoj konferencii* [Personality, Society, Power: Past and Present. Materials of the Twelfth Regional Scientific Conference]; ed. by V. N. Glaz'eva. Voronezh, Voronezh st. Univ. Publ., 2018, pp. 230–236. (In Russ.)
6. Percev V. A. Demograficheskij i industrial'nyj potencial Voronezhskoj oblasti v 1950–1980-e gody [Demographic and industrial potential of the Voronezh Region in the 1950s–1980s]. *Voronezhskij vestnik arhivista = Voronezh Bulletin of the Archivist*, 2018, no. 14, pp. 78–87.
7. Percev V. A. Proizvodstvo tovarov narodnogo potrebleniya promyshlennymi predpriyatiyami Central'nogo Chernozem'ya v 1950–1980-e gody [Production of consumer goods by industrial enterprises of the Central Chernozem region in the 1950s–1980s]. *Voronezhskij vestnik arhivista = Voronezh Bulletin of the Archivist*, 2018, no. 16, pp. 88–99.
8. Percev V. A. Tendencii v organizacii proizvodstvennoj deyatel'nosti personala promyshlennyh predpriyatij oblastej Central'nogo Chernozem'ya v 1950–1980-e gg. [Trends in the organization of production activities of personnel of industrial enterprises of the Central Chernozem region in the 1950s–1980s]. *Klio = Clio*, 2017, no. 7 (127), pp. 95–102.
9. Percev V. A. Social'naya politika Sovetskogo gosudarstva v 1953–1991 godah: na materialah oblastej Central'no-Chernozemnogo ekonomicheskogo rajona. Diss. dokt. ist. nauk [The social policy of the Soviet state in 1953–1991: on the materials of the oblasts of the Central Chernozem Economic Region. Diss. dr. hist. sci.]. Tambov, 2017. 775 p.
10. Kulagin O. I. Razvitie lesopromyshlennogo kompleksa Karelii kak instrument modernizacii monootraslevogo regiona vo vtoroj polovine XX v. [The development of the Karelian timber industry as a tool for the modernization of a single-industry region in the second half of the twentieth century]. Petrozavodsk, Petrozavodsk st. Univ. Publ., 2020. 274 p.

11. Kulagin O. I. Transformacii lesopromyshlennogo kompleksa kak faktor regional'nogo razvitiya vo vtoroj polovine XX veka [Transformation of the timber industry as a factor of regional development in the second half of the twentieth century]. Petrozavodsk, Petrozavodsk st. Univ. Publ., 2018. 85 p.

12. Kulagin O. I. Institucional'nye problemy social'no-trudovyh otnoshenij v lesopromyshlennom komplekse Karelii (1945–1970) [Institutional problems of social and labor relations in the timber industry of Karelia (1945–1970)]. Petrozavodsk, Petrozavodsk st. Univ. Publ., 2015. 112 p.

13. Kulagin O. I. Lesopromyshlennyy kompleks Karelii vo vtoroj polovine XX veka: realizaciya resursnoj modeli modernizacii monootraslevogo regiona. Avtoref. diss. dokt. ist. nauk [The timber industry complex of Karelia in the second half of the twentieth century: implementation of the resource model of modernization of a single-industry region. Abstract diss. dr. hist. sci.]. Saransk, 2020. 51 p.

14. Belkin A. V. Organizaciya proektirovaniya i izgotovleniya raket N-1 v Kujbyshevskoj oblasti (1963–1974 gg.) [Organization of design and manufacture of N-1 missiles in the Kuibyshev region (1963–1974)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. Special'nyj vypusk: "Aktual'nye problemy istorii, arheologii, etnografii"* = *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Special issue: "Actual problems of history, archeology, ethnography"*, 2006, pp. 250–255.

15. Belkin A. V. Problema perepodgotovki i povysheniya kvalifikacii kadrov Samarskogo (Kujbyshevskogo) nauchno-promyshlennogo raketno-kosmicheskogo kompleksa v 1958–1974 gg. [The problem of retraining and advanced training of personnel of the Samara (Kuibyshev) scientific-industrial rocket and space complex in 1958–1974]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2016, no. 12 (74), pt. 2, pp. 27–31.

16. Belkin A. V. Formirovanie i proizvodstvennaya deyatel'nost' Kujbyshevskogo (Samarskogo) nauchno-promyshlennogo raketno-kosmicheskogo kompleksa v 1958–1974 gg. Diss. kand. ist. nauk [Formation and production activity of the Kuibyshev (Samara) scientific and industrial rocket and space complex in 1958–1974. Diss. cand. of hist. sci.]. Samara, 2017. 220 p.

17. Biryayeva A. V., Stepashkina E. N. Razvitie legkoj promyshlennosti v period deyatel'nosti mordovskogo sovnarhoza: istoriografiya voprosa [The development of light industry during the period of activity of the Mordovian Sovnarkhoz: historiography of the issue]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* = *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2015, no. 3 (34), pp. 108–114.

18. Biryayeva A. V. Mordovskij sovnarkhoz: podgotovka kadrov dlya legkoj promyshlennosti (1957–1962 gg.) [Mordovian sovnarkhoz: training of personnel for light industry (1957–1962)]. *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* = *Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*, 2017, no. 1 (41), pp. 49–54.

19. Biryayeva A. V. Razvitie legkoj promyshlennosti v deyatel'nosti Soveta narodnogo hoz'yajstva MASSR (1975–1962 gg.) [Development of light industry in the activities of the Council of National Economy of the MASSR (1975–1962)]. Saransk, Mordov. Univ. Publ., 2017. 160 p.

20. Biryayeva A. V. Razvitie legkoj promyshlennosti v deyatel'nosti Soveta narodnogo hoz'yajstva MASSR (1957–1962 gg.). Diss. kand. ist. nauk [Development of light industry in the

activities of the Council of National Economy of the MASSR (1957-1962). Diss. cand. hist. sci.]. Saransk, 2019. 228 p.

21. Ezhov A. O. Stanovlenie proizvodstva listov iz titana na zavode № 519 v usloviyakh modernizatsii metallurgicheskogo kompleksa otrasli Urala [Formation of production of titanium sheets at plant No. 519 in the conditions of modernization of the metallurgical complex of the Ural branch]. *Vestnik Severnogo Arkticheskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Northern Arctic Federal University*, 2015, no. 5, pp. 15–22.

22. Ezhov A. O. Periodizatsiya stanovleniya i razvitiya titanovoj promyshlennosti Rossii: istoriografiya problemy [Periodization of the formation and development of the titanium industry in Russia: historiography of the problem]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Humanities*, 2015, no. 11, pp. 86–92.

23. Ezhov A. O., Pryadein V. S. Stanovlenie i razvitie titanovogo proizvodstva na Urale (seredina XX – rubezh 1980–1990-h gg.) v trudakh issledovatelej [Formation and development of titanium production in the Urals (mid-XX-the turn of the 1980s-1990s) in the works of researchers]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of the South Ural State University. Social and humanitarian sciences*, 2016, vol. 16, no. 2, pp. 24–32.

24. Ezhov A. O. Stanovlenie i razvitie titanovogo proizvodstva na Urale (seredina 1950-h gg. – nachalo 1990-h gg.). Diss. kand. ist. nauk [Formation and development of titanium production in the Urals (mid-1950s – early 1990s). Diss. cand. hist. sci.]. Ekaterinburg, 2018. 292 p.

25. Miheev M. V. Problemy demilitarizatsii ural'skoj promyshlennosti posle Velikoj Otechestvennoj vojny [Problems of demilitarization of the Ural industry after the Great Patriotic War]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: historical research*, 2016, no. 6, pp. 25–35.

26. Miheev M. V. Ural – Pechora: nesostoyavshijsya proekt territorial'noj reorganizatsii sovet'skoj ekonomiki [Ural-Pechora: failed project of territorial reorganization of the Soviet economy]. *EKO Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal = ECO All-Russian Economic Journal*, 2015, no. 10, pp. 172–183.

27. Miheev M. V. Territorial'no-ekonomicheskie problemy razvitiya Urala v pozdnestalinskij period (voprosy istoriografii) [Territorial and economic problems of the Urals development in the Late Stalinist period (questions of historiography)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 2015, no. 4, pp. 190–199.

28. Miheev M. V. Industrial'nyj Ural v sovetskoj regional'noj politike pozdnestalinskogo perioda (1945–1953 gg.). Diss. kand. ist. nauk [The Industrial Urals in the Soviet Regional Policy of the Late Stalinist period (1945-1953). Diss. cand. hist. sci.]. Ekaterinburg, 2017. 296 p.

29. Voroncov R. S., Golovin E. A. O nekotoryh problemakh razvitiya predpriyatij otechestvennoj pishchevoj promyshlennosti v 1950-h – nachale 1960-h godov (po materialam Kurskoj oblasti) [About some problems of development of the enterprises of the domestic food industry in the 1950s – early 1960s (based on the materials of the Kursk region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, vol. 7, no. 4 (25), pp. 181–190.

30. Voroncov R. S. Rol' nauchno-tekhnicheskikh dostizhenij v razvitii otechestvennoj pishchevoj promyshlennosti v 1950-h – nachale 1960-h godov (po materialam Kurskoj oblasti) [The role of scientific and technical achievements in the development of the domestic food in-

dustry in the 1950s – early 1960s (based on the materials of the Kursk region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, vol. 8, no. 1 (26), pp. 180–187.

31. Voroncov R. S. Sostoyanie syr'evoj bazy predpriyatij saharnoj promyshlennosti v pervye poslevoennye desyatiletia (po materialam Kurskoj oblasti) [The state of the raw material base of sugar industry enterprises in the first post-war decades (based on the materials of the Kursk region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 197–205.

32. Voroncov R. S., Korovin V. V. Arhivnye dokumenty o vliyanii Velikoj Otechestvennoj vojny na sostoyanie predpriyatij saharnoj promyshlennosti. Po materialam Kurskoj oblasti [Archival documents on the impact of the Great Patriotic War on the state of sugar industry enterprises. Based on the materials of the Kursk region]. *Vestnik arhivista = Archivist's Bulletin*, 2020, no. 2, pp. 578–589.

Информация об авторах / Information about the Authors

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: vlavikor@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: vlavikor@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Копылов Никита Кириллович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: vlavikor@yandex.ru

Nikita K. Kopylov, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: vlavikor@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 94 (321)

Основы организации оборота алкоголя в России (1863–1894 годы)

Н. Е. Горюшкина¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность заявленной темы обусловлена важностью исследования перемен в питейной торговле, наступивших с введением акциза. Требуется расстановка акцентов касательно степени свободы в движении алкоголя от производителя к потребителю в акцизное время. Учитывая постоянный поиск баланса в системе разрешений и воспрещений, регулирующих современный алкогольный рынок, опыт «вольной» продажи питей актуален и в практическом ключе.

Цель статьи – раскрыть основы акцизной организации питейной торговли в части свободы оборота алкоголя.

Задачи конкретизируют цель статьи и заключаются в том, чтобы: 1) обозначить новшества в организации питей в акцизный период; 2) указать направленность развивающих «Положение о питейном сборе» мер; 3) ответить на вопрос: была ли «вольной» питейная торговля при акцизе.

Методология исследования опирается на принципы историзма, объективности и системности, благодаря которым перемены в организации оборота алкоголя рассматриваются в соответствующий исторический отрезок времени, во взаимосвязи и взаимообусловленности. Кроме того, были применены сравнительно-исторический и проблемно-хронологический подходы, позволившие указать направленность развивающих акцизное законодательство мер.

Результаты. В статье освещены базовые принципы организации питейной торговли в акцизный период, включая указание мест и времени продажи алкоголя, органов власти и частных лиц, наделенных разрешительным отношением к питейной торговле правом, видов магазинов, торгующих расписочно, на вынос и в комбинации. Названы лица, получившие право на питейный торг, и основания для запрета на открытие торговли алкоголем, перечень документов, требующих оформления при начале питейной продажи. Реализация алкоголя стала осуществляться оптово, рознично и мелкими партиями. Законодатель очертил круг лиц, кому был открыт питейный торг, указав местности, где разрешалась продажа питей, установив время торговли спиртными напитками. Принятые в развитие основного закона меры ограничили «вольность» акцизной торговли. Численность мест продажи алкоголя под влиянием правительственных мер к середине 1870-х годов стабилизировалась и на протяжении последних двух десятилетий оставалась почти неизменной. Питейные заведения контролировались акцизными управлениями, полицией и местными органами выборно-сословного характера. Законом 14 мая 1885 года надзор за розничной торговлей питейными был усилен уездными по питейным делам присутствия, а в городах – городские думы.

Вывод. «Положение о питейном сборе» открыло собой новый этап в развитии алкогольного рынка. «Вольная» продажа питей при акцизе была упорядоченным процессом, заключенным в рамки жестких питейных правил. С каждым годом рамки питейной свободы сужались.

Ключевые слова: питейный сбор; акцизная система; питейные заведения; алкоголь; оптовая продажа алкоголя; розничная продажа алкоголя.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. Основы организации оборота алкоголя в России (1863–1894 гг.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 120–129.

Поступила в редакцию 12.02.2020

Принята к публикации 10.03.2021

Опубликована 26.04.2021

© Горюшкина Н. Е., 2021

Fundamentals of the Organization of Alcohol Turnover in Russia (1863–1894)

Natalia E. Goryushkina¹ ✉

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

The relevance of the stated topic is due to the importance of studying the changes in the drinking trade that occurred with the introduction of the excise tax. It is necessary to place emphasis on the degree of freedom in the movement of alcohol from the producer to the consumer during excise time. Given the constant search for a balance in the system of permits and prohibitions regulating the modern alcohol market, the experience of "free" sale of drinks is also relevant in a practical way.

The purpose of the article is to reveal the basics of the excise organization of the drinking trade in terms of the freedom of alcohol turnover.

The objectives concretize the purpose of the article and are to: 1) identify innovations in the organization of drinks during the excise period; 2) indicate the direction of the development of the "Regulation on drinking collection" measures; 3) answer the question: was there a "free" drinking trade under the excise tax.

The research methodology is based on the principles of historicism, objectivity and consistency, due to which changes in the organization of alcohol circulation are considered in the corresponding historical period of time, in interconnection and interdependence. In addition, the comparative-historical and problem-chronological approaches were applied, which made it possible to indicate the direction of the measures developing the excise legislation.

Results. The article highlights the basic principles of organizing the drinking trade during the excise period, including the indication of the places and times of the sale of alcohol, authorities and individuals endowed with permissive rights regarding drinking trade, types of shops selling drinks, take-away and in combination. The persons who received the right to drink bargaining, and the grounds for prohibiting the opening of alcohol trade, a list of documents that require registration at the beginning of a drinking sale are named. The sale of alcohol began to be carried out in wholesale, retail and small batches. The legislator outlined the circle of persons to whom the drinking trade was open, indicated the areas where the sale of drinks was allowed, set the time for the sale of alcoholic beverages. The measures taken to develop the basic law limited the "liberties" of the excise trade. The number of places where alcohol was sold was influenced by government measures by the mid-1870s. has stabilized and has remained almost unchanged over the past two decades. Drinking establishments were controlled by excise departments, the police and local bodies of an elective-estate character. By the law of May 14, 1885, the supervision of retail trade was called upon to strengthen the presence of the county on drinking affairs, and in the cities - the city councils.

Conclusions. The "Regulations on Drinking Collection" opened a new stage in the development of the alcohol market. The "free" sale of drinks under the excise tax was an orderly process, enclosed in the framework of strict drinking rules. Every year the limits of drinking freedom were loaned.

Keywords: drinking collection; excise system; drinking establishments; alcohol; wholesale of alcohol; retail sale of alcohol.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The publication was prepared within the framework of the state task for 2021 "Transformation of private and public law in the context of evolving individuals, society and the state" (No. 0851-2020-0033).

For citation: Goryushkina N. E. Fundamentals of the Organization of Alcohol Turnover in Russia (1863–1894). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 120–129. (In Russ.)

Введение

В последние годы вопросы регулирования оборота алкоголя оживленно обсуждаются и в правительственных, и в общественных кругах. Причиной тому нерешенность алкогольной проблемы, которая, если в некоторой степени и утратила свою остроту, быть ею не перестала. Правительство пытается найти баланс в системе разрешений и воспрещений, регулирующих оборот алкоголя, что актуализирует опыт «вольной продажи питей», приобретенный Россией в 1863–1894 гг.

Помимо практической значимости, вынесенная в заглавие тема важна в теоретическом ключе. Основы организации оборота алкоголя в акцизный период остаются недоисследованными, несмотря на статьи историков, юристов и экономистов [1; 2; 3; 4; 5]. Все они обращают внимание на «зигзаги» правительственного курса в отношении питей, объясняют их стремлением сохранить баланс между потребностями государственного бюджета и необходимостью удержать питейную торговлю в границах морали, но оставляют без внимания вопрос о степени свободы оборота алкоголя при акцизе.

В статье сделана попытка указать перемены в питейной торговле, наступившие с введением акциза, обозначить направленность развивающихся основной закон мер, дать ответ на вопрос: была ли «вольной» питейная торговля при акцизе.

Методология

Основанием для статьи стали материалы Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Курской области, а также законодательные и нормативные акты, регламентировавшие питейную торговлю в акцизный период, в первую очередь «Положение о питейном сборе», высочайше утвержденное 4 июля 1861 г., и принятые в его развитие акты. Свое применение

нашли статистические материалы, демонстрирующие динамику развития алкогольного рынка под влиянием меняющихся в акцизный период норм.

Статья базируется на принципах историзма, объективности и системности. Они позволили автору произвести анализ основ организации оборота алкоголя в России в контексте акцизной эпохи, во взаимосвязи и взаимообусловленности событий. Дополнительно использовались сравнительно-исторический и проблемно-хронологический подходы, благодаря которым установлена направленность развивающихся «Положение о питейном сборе» мер, дан ответ на вопрос о степени свободы в движении алкоголя от производителя к потребителю в акцизное время.

Результаты и их обсуждение

Вступившее в силу 1 января 1863 г. «Положение о питейном сборе» знаменовало собой начало акцизного этапа в алкогольной политике России. Продажа алкоголя была объявлена «предметом свободной торговли». Торговать разрешалось оптово, мелко [6, с. 66].

В откупное время оптовой торговли как таковой не было. Откупщики забирали крупные партии вина из складских помещений, принадлежавших казне. С введением акцизной системы оптовую торговлю открыли заводские подвалы и специализированные склады. Право оптовой торговли было предоставлено: а) винокурным заводчикам без торговых свидетельств для продажи вина и спирта из собственных заводов, и б) всем лицам, состоящим в гильдиях, или имеющим торговые свидетельства первых 3-х разрядов. Оптовой признавалась партия в 10 и более ведер вина и спирта, в 3 и более ведер водок бочонками, а в разлитой посуде $\frac{1}{4}$ ящика, полагая в ящике 60 штофов или 120 бутылок [6, с. 71]. В том же 1863 г. оптовая партия вина и

спирта была уменьшена до 3-х ведер, а потом до 1-го ведра.

Устраивались оптовые склады «в городах, посадах, селениях и других населенных местах» с разрешения владельцев земли, отводимой под склад. В 1860–70-е гг. большая часть складских помещений бы-

ла сосредоточена в губернских городах, в 1880–90-е гг. – рассредоточилась по уездным городам и крупным селам [7, л. 38; 8, л. 186].

Большая часть оптовых складов располагалась в великороссийских губерниях, но неравномерно (рис. 1).

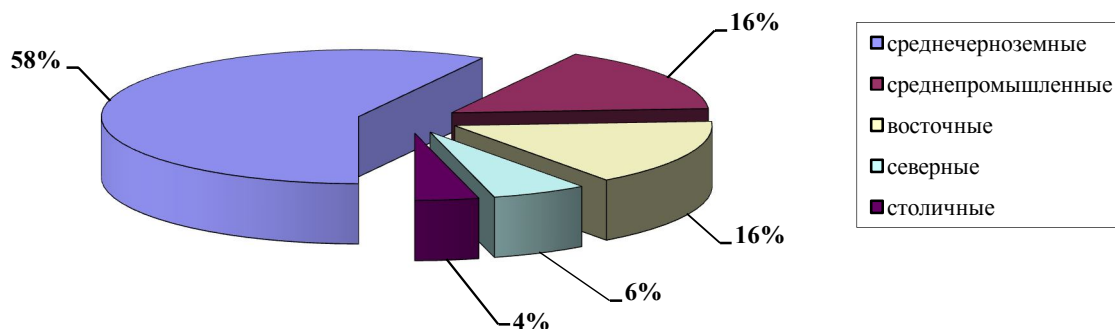

Рис. 1. Объемы оптовой торговли алкоголем в великороссийских губерниях в 1880–90-е гг., % [7, л. 39 об.]

Как видим, наибольшее распространение оптовая торговля алкоголем получила в среднечерноземных губерниях. Среднепромышленные и восточные губернии имели незначительные доли, а северные и столичные губернии работали в основе своей с привозным спиртом. Главной «потребительницей» вина в акцизный период стала Санкт-Петербургская губерния. При откупках она снабжалась по заказам казны из великороссийских губерний, теперь же крупные партии алкоголя шли из губерний остзейских и западных (Гродненской, Виленской, Минской, Витебской, Ковенской). В Московскую губернию вместе с акцизом пришло вино из привилегированных губерний – Черниговской, Могилевской, Минской [9, с. 468].

Высокая степень регламентации была характерна для розничной торговли. Законодатель указал местности, где разрешалась или запрещалась продажа питей, а также время торговли спиртными напитками, порядок функционирования питейных заведений. Питейные дома позволено было открывать во всех населенных местах. Но располагаться они должны были не ближе 40 саженей от храмов, монастырей, часовен и кладбищ,

казарм, тюрем, учебных заведений, больниц и богаделен, волостных и станичных правлений; ближе 100 саженей от железной дороги; ближе 60 – от станционных строений при станциях железных дорог в городах. Корчмы и постоялые дворы, помимо населенных пунктов, было дозволено открывать на торговых трактах, у пристаней, мостов, временные ренсковые погреба и выставки – на ярмарках, торгах, базарах и других местах значительного стечения народа [10, с. 11, 16–18].

«Положение о питейном сборе» и последовавшие в его развитие законы поставили открытие питейных заведений в зависимость: а) в городах и посадах – от дум и заменяющих их мест; б) в селениях казенных и удельных – от сельских обществ; в) в станицах, поселках, станичных юртах казачьих войск – от станичных сборов; г) на находящихся в ведении Министерств государственных имуществ, Уделов и Кабинета Императорского Величества землях – от палат государственных имуществ и удельных контор; д) на церковных и монастырских землях – от духовного начальства; е) на землях частных лиц – от их владельцев; ж) на землях колонистов – от сельских обществ; з) на землях сельских обществ –

от сельских сходок; и) на заводах, рудниках — от горно-заводского начальства; к) в укреплениях и станицах Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей — от военного начальства; л) в станционных домах — от почтового начальства [6, с. 69; 10; 11–12].

Законодательно была установлена зависимость между видом питейного заведения и типом торговли, поэтому *распивочно и на вынос* торговали питейные дома (кабаки), водочные магазины, корчмы, духаны, портерные и штофные лавки, погреба русских виноградных вин, ренсковые погреба, взявших патенты на торговлю, временные выставки. *Только на вынос* осуществляли торговлю ренсковые погреба, не взявшие патент на распивочную торговлю. *Только распивочно* алкоголь отпускали буфеты, постоянные, заезжие и станционные дома и трактирные заведения [6, с. 29]. В разряд трактирных заведений попадали трактиры, рестораны, харчевни, духаны, овощные и фруктовые лавки, ренсковые погреба, столовые, кухмистерские, буфеты при театрах, на пароходах, паровых пристанях, станциях железных дорог, в клубах, публичных собраниях, гуляниях и на выставках, пивные лавки с продажей горячей пищи, кондитерские, пирожные, кофейные, съестные или закусочные лавки и т. п. [11, с. 193–194]

Законодатель утвердил перечень документов, дающих право на питейную торговлю. Ренсковые погреба разрешено было содержать по свидетельствам 1-й и 2-й гильдии. Содержатели трактирных заведений в городах, платившие в местный городской доход не менее 200 руб. серебром в год акциза, обязаны иметь свидетельство 2-й гильдии; уплачивающие же не менее 200 руб. могли производить торговлю питьями по свидетельствам на мелочный торг. Кроме того, розничную торговлю было позволено открыть лицам, имеющим свидетельства 1-й или 2-й гильдий, на всем пространстве, на которое взято свидетельство.

Купцы, желавшие содержать в другом уезде питейные заведения, могли взять свидетельства на мелочный торг по местному окладу. От сидельцев требовалось оформить «прикащики свидетельства 2-го класса». Землевладельцы могли открыть в своих имениях магазины без взятия промысловых или гильдейских свидетельств, только с уплатой патентного сбора, но торговать могли исключительно продукцией собственных заводов. Купеческие свидетельства 1-й и 2-й гильдий давали право содержать в той местности, на которую распространялось их действие, неограниченное число питейных заведений; свидетельство же на мелочный торг — содержать в том уезде, на который взято свидетельство, не более 4-х питейных заведений [10, с. 6–7].

Были определены лица, которым запрещалось открывать питейную торговлю, а именно священно- и церковнослужители, нижние воинские чины на действительной службе, должностные лица сельских управлений, станичные начальники и другие сельские власти, их жены и неотделенные члены семей, а также лица, состоящие под судом или следствием по уголовным преступлениям [10, с. 9].

Желающий получить патент на питейную продажу должен был послать надзирателю акцизных сборов или его помощнику объявление на простой бумаге с указанием уезда, города, местечка, селения или, вообще, места, где планирует открыть заведение, а также вид его. В объявлениях о временных ренсковых погребах и выставках должны были указываться дни, когда продажа будет производиться. Стоимость патента находилась в зависимости от вида питейного заведения и выгод местности, где оно располагалось. Патент прибивался на видном месте [10, с. 20–21, 26].

Торговля спиртным разрешалась «с 7 часов от восхождения солнца до 10 часов вечера, а в городах и на ярмарках — до 11 часов вечера». Нельзя было вести

питейную торговлю во время крестных ходов, в воскресные и табельные дни до окончания божественной литургии, во время сельских и волостных сходов и т. п. Цена спиртного определялась взаимным соглашением продавца с покупателем. В 1863 г. установились весьма различные по губерниям цены. В оптовой продаже цена в среднем составляла 2 руб. 72 коп., в розничной – 3 руб. 34 коп. [11, с. 473–474]

Расчет за алкоголь должен был производиться только за наличные деньги, торговля в долг, в счет будущего урожая или под заклад вещей (одежды, посуды, предметов быта) преследовалась по закону, как и другие «плутни» виноторговцев, а именно: разбавление вина водой; недолив; «вытеснение вина заливанием дна у мерной посуды оловом или смолой»; «фокусный обмер», основанный на обмане зрения, и др. [10, с. 36; 12, с. 9]

Первоначально крепость реализуемых спиртных напитков не была установлена, ибо, как считал законодатель, «при неограниченной торговле потребители не нуждаются в ограждении себя от злоупотреблений торговцев, ибо никто не станет покупать дурного вина, когда у другого торговца можно найти за ту же цену хорошее» [13, с. 37]. По статье 310 «Устава о питейном сборе» (новая редакция) с 1 января 1865 г. крепость вина в продаже не могла быть ниже 38° по спиртометру Траллеса [14].

Наблюдать за местами продажи алкоголя было поручено принятым по найму в акцизные управления надсмотрщикам (с 1885 г. – контролерам). На своих участках контроль питейной торговли вели помощники окружного надзирателя, в округах – акцизные надзиратели. Их малочисленность, а также необходимость ревизий винокуренных и водочных заводов не позволяли в должной мере контролировать оборот алкоголя, вели к формализации и ослаблению надзора над питейными заведениями. В этой связи центральная власть привлекала к контро-

лю над питейной торговлей полицию и местные органы выборно-сословного характера. Законом 14 мая 1885 г. надзор за розничной торговлей призваны были усилить питейные присутствия, а в городах – городские думы. Они заботились, «чтобы число заведений для раздробительной торговли крепкими напитками не превышало в каждой местности действительной в них потребности <...>; чтобы к раздробительной торговле питьями не допускались лица неблагонадежные, чтобы излишние стеснения питейной торговли не порождали корчемства; и чтобы в торговле питьями не устанавливалось монополии» [8, л. 14–14 об.].

Уже в 1864 г. была запрещена продажа алкоголя из мелочных, фруктовых и других неспециализированных лавок. В 1866 г. введен запрет на продажу алкоголя на народных гуляньях во время сырной и святой недель; в 1868 г. сидельцы в питейных заведениях должны были получить одобрительные приговоры как от обществ, к которым они принадлежали, так и от обществ, на территории которых они вели торг; крепость водки установлена в 40°. В 1873 г. патентный сбор с питейных заведений был; сидельцами и прислугой в местах реализации алкоголя не могли стать лица моложе 21 года; запрещалось впускать в питейные дома воспитанников учебных заведений и малолетних. В 1874 г. сельские общества получили право запрета на открытие питейных заведений. В 1876 г. городским думами дали право определения числа мест продажи алкоголя и запрещения питейной торговли в известных местах. В 1885 г. кабаки, предлагавшие вино для употребления на месте, без возможности пользоваться при этом пищей, были закрыты. Распивочная торговля стала производиться только в заведениях трактирного типа, постоянных дворах, корчмах, где вместе с алкоголем подавались кушанья и чай. Винные и ведерные лавки, ренсковые погреба и погреба для выносной торговли русскими виноградными

винами могли теперь торговать только на вынос. У городов и сельских обществ было отнято право выдачи разрешений на производство питейной торговли в видах замены потребления в питейных заведениях домашним, и регулирование питейного дела возложено на особые губернские и уездные по питейным делам присутствия, учрежденные из представителей администрации, земства и городского самоуправления. В 1893 г. всякий желающий открыть заведение для раздробительной продажи питей в черте крестьянской оседлости был обязан получить разрешение от сельского общества, сделав взнос в мирской капитал.

При введении акцизной системы цена патента колебалась от 10 руб. (с пор-

терных и пивных лавок в местностях 3-го разряда) до 150 руб. (с трактирных заведений, расположенных в местностях 1-го разряда). В 1865 г. патентные ставки были подняты на 100%, новые повышения имели место в 1868, 1870, 1873, 1874 и 1885 гг. Насколько значительным было увеличение патентного сбора, видно из следующего примера. Патент на постоянный двор в 1865 г. стоил 10 руб., а по расписанию 1885 г., если местность была отнесена к 1-му разряду, цена патента определялась в 1100 руб. [15, с. 75]

Комплекс предпринятых в развитие «Положения о питейном сборе» мер повлиял на число питейных заведений в России (рис. 2).

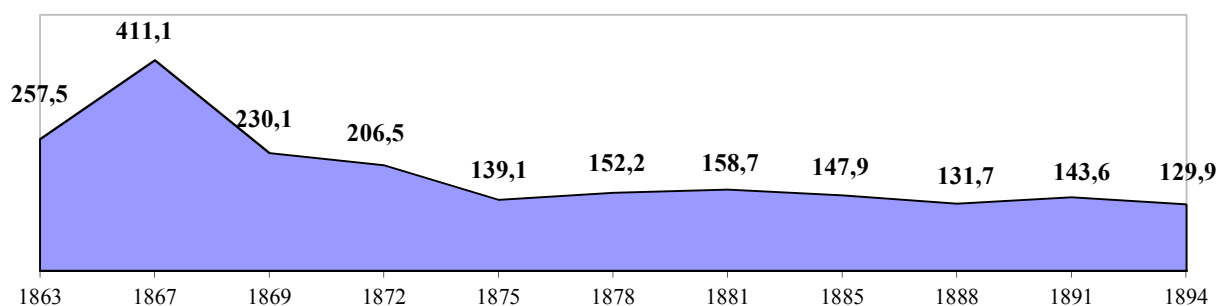

Рис. 2. Динамика численности питейных заведений, тыс. шт. [8, л. 286 об.]

Поднявшись в первые годы действия акцизной системы, численность мест продажи алкоголя под влиянием правительственных мер к 1875 г. сократилась, а в последующие два десятилетия оставалась стабильной.

Доходы казны, как можно было бы себе представить, не росли соразмерно повышению патентной платы. В 1874 г. патентный сбор достиг 20,4 млн руб., в последующие 25 лет он колебался в районе 18 млн руб. [16, с. 42] Причиной тому было значительное сокращение числа питейных заведений. Серьезной проблемой становились кабаки, усмотреть за которыми у проверяющих не было возможности [17, с. 3].

Но в целом свободный оборот алкоголя представлял собой упорядоченный процесс, регулирующийся жесткими

указами-нормами-правилами. С течением времени степень свободы в питейной торговле снизилась, что в конечном итоге привело к казенной винной монополии.

Выводы

«Положение о питейном сборе» открыло собой новый этап в развитии алкогольного рынка. Реализация крепких напитков стала осуществляться оптово, рознично и мелкими партиями. Законодатель очертил круг лиц, кому был открыт питейный торг, указал местности, где разрешалась продажа питей, установил время торговли спиртным, порядок функционирования магазинов. Численность питейных заведений под влиянием правительственных мер сократилась и на протяжении последних двух десятилетий акциза оставалась стабильной. Питейные

заведения контролировали акцизные управления, малочисленность штата которых не позволяла делать это качественно. В этой связи центральная власть привлекала к контролю над питейной торговлей полицию и местные органы выборно-сословного характера. Законом

14 мая 1885 г. надзор за розничной торговлей призваны были усилить уездные питейные присутствия, а в городах – городские думы.

«Вольная» продажа питей была упорядоченным процессом, заключенным в рамки жестких питейных правил.

Список литературы

1. Жолобова Г. А. Отечественный механизм правового регулирования торговли спиртными напитками в условиях акцизной системы их обложения: к вопросу об эффективности алкогольной политики Александра III // Российский юридический журнал. 2014. № 4 (97). С. 162–171.
2. Мухачёв Н. В. Регулирование виноторговли в верхневолжских губерниях в середине XIX – начале XX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 1. С. 52–55.
3. Скубневский В. А., Мариупольский А. М. Рынок спиртных напитков Урала и Западной Сибири в 60–70-е гг. XIX века // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы XIV Всероссийской научной конференции: в 2-х т. Екатеринбург, 2020. С. 332–339.
4. Сметнева Н. В. Розничная торговля спиртными напитками в Прибайкалье в период действия акцизной системы // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2015. № 11. С. 335–339.
5. Горюшкина Н. Е. Торговля алкоголем в пореформенной России: эволюция правительственного курса // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 7. С. 27–32.
6. Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4 июля 1861 года, с присовокуплением высочайше утвержденного 20 марта 1862 года правил о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе и судопроизводстве по сим делам. М.: Тип. А. Семена, 1862. 160 с.
7. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1838. Оп. 1. Д. 1722.
8. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55.
9. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности в России. СПб.: Тип. И. Огризко, 1865. 665 с.
10. Правила о раздробительной торговле крепкими напитками в питейных заведениях и о взыскании за нарушение сих правил. М.: Университетская тип., 1868. 64 с.
11. Доброленский М. И. Алфавит полицейских законов. СПб.: Тип. Контрагентства железных дорог, 1894. 388 с.
12. Бух А. Привилегированный аппарат-контрольщик для продажи вина, посредством которого можно уничтожить ежегодные крупные денежные недоборы казны и недоборы хозяев питейных заведений. Пенза: Тип. В. Н. Умнова, 1880. 29 с.
13. Мнение Государственного совета, удостоенное высочайшего Его Императорского Величества, утверждения 26 октября 1860 года, о главных основаниях системы взимания питейных сборов в России с 1 января 1863 года. СПб., 1860. 59 с.
14. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 37. Оп. 1. Д. 21. Л. 131.
15. Фридман М. И. Винная монополия в России. СПб.: Тип. «Правда», 1916. 627 с.

16. Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности Учреждений, заведующих неокладными сборами. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. 295 с.
17. Нольде Э. Ф. Питейное дело и акцизная система. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. Ч. 1. 40 с.

References

1. Zholobova G. A. Otechestvennyj mekhanizm pravovogo regulirovaniya trgovli spirtnymi napitkami v usloviyah akciznoj sistemy ih oblozheniya: k voprosu ob effektivnosti alkohol'noj politiki Aleksandra III [The domestic mechanism of legal regulation of trade in alcoholic beverages in the conditions of the excise system of their taxation: to the question of the effectiveness of the alcohol policy of Alexander III]. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal = Russian Law Journal*, 2014, no. 4 (97), pp. 162–171.
2. Muhachyov N. V. Regulirovanie vinotorgovli v verhnepovolzhskikh guberniyah v seredine XIX – nachale XX veka [Regulation of the wine trade in the Upper Volga provinces in the mid-XIX – early XX century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova = Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 2014, vol. 20, no. 1, pp. 52–55.
3. Skubnevskij V. A., Mariupol'skij A. M. [The market of alcoholic beverages of the Urals and Western Siberia in the 60–70 – ies of the XIX century]. *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya. Materialy XIV Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Bakunin readings. Materials of the XIV All-Russian Scientific Conference]. Ekaterinburg, 2020, pp. 332–339. (In Russ.)
4. Smetneva N. V. Roznichnaya trgovlya spirtnymi napitkami v Pribajkal'e v period dejstviya akciznoj sistemy [Retail trade in alcoholic beverages in the Baikal Region during the period of the excise system]. *Aktual'nye problemy prava, ekonomiki i upravleniya = Actual problems of law, economics and management*, 2015, no. 11, pp. 335–339.
5. Goryushkina N. E. Torgovlya alkogolem v poreformennoj Rossii: evolyuciya pravitel'stvennogo kursa [Alcohol trade in post-Reform Russia: the evolution of the government policy]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Bulletin of the Pomeranian University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2009, no. 7, pp. 27–32.
6. Polozhenie o pitejnom sbore, vysochajshe utverzhdennoe 4 iyulya 1861 goda, s prisovokupleniem vysochajshe utverzhdennogo 20 marta 1862 goda pravil o vzyiskaniyah za narushenie postanovlenij o pitejnom sbore i sudoproizvodstve po sim delam [The Regulations on the Drinking collection, most highly approved on July 4, 1861, with the addition of the rules on penalties for the violation of the decisions on the drinking collection and the proceedings in these cases, most highly approved on March 20, 1862]. Moscow, Tip. A. Semena, 1862. 160 p.
7. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 1838, op. 1, d. 1722.
8. GARF, f. 102. op. 76 b, d. 55.
9. Obzor razlichnyh otraslej manufakturnoj promyshlennosti v Rossii [Overview of various branches of the manufacturing industry in Russia]. St. Petersburg, Tip. I. Ogrizko, 1865. 665 p.
10. Pravila o razdrobitel'noj trgovle krepkimi napitkami v pitejnyh zavedeniyah i o vzyiskanii za narushenie sih pravil [Rules on the fragmentary trade in strong drinks in drinking establishments and on penalties for violations of these rules]. Moscow, Universitetskaya tip., 1868. 64 p.
11. Dobrolenskij M. I. Alfavit policejskih zakonov [The alphabet of police laws]. St. Petersburg, Tip. Kontragentstva zheleznyh dorog, 1894. 388 p.

12. Buh A. Privilegirovannyj apparat-kontrol'nik dlya prodazhi vina, posredstvom kotorogo mozjno unichtozhit' ezhegodnye krupnye denezhnye nedobory kazny i nedobory hozyaev pitejnyh zavedenij [A privileged apparatus-a control device for the sale of wine, through which you can destroy the annual large monetary shortfalls of the treasury and the shortfalls of the owners of drinking establishments]. Penza, Tip. V. N. Umnova, 1880. 29 p.

13. Mnenie Gosudarstvennogo soveta, udostoennoe vysochajshago Ego Imperatorskogo Velichestva, utverzhdeniya 26 oktyabrya 1860 goda, O glavnyh osnovaniya sistemy vzimaniya pitejnyh sborov v Rossii s 1 yanvarya 1863 goda [The opinion of the State Council, honored by the highest of His Imperial Majesty, approved on October 26, 1860, On the main foundations of the system of collecting drinking fees in Russia since January 1, 1863]. St. Petersburg, 1860. 59 p.

14. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. 37, op. 1, d. 21, l. 131.

15. Fridman M. I. Vinnaya monopoliya v Rossii [Wine monopoly in Russia]. St. Petersburg, Tip. "Pravda", 1916. 627 p.

16. Kratkij ocherk 50-letiya akciznoj sistemy vzimaniya naloga s krepkih napitkov i 50-letiya deyatel'nosti Uchrezhdenij, zaveduyushchih neokladnymi sborami [A brief outline of the 50th anniversary of the excise system of collecting taxes on spirits and the 50th anniversary of the activities of Institutions that manage non-taxable fees]. St. Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma, 1913. 295 p.

17. Nol'de E. F. Pitejnoe delo i akciznaya sistema [Drinking business and excise system]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1882, pt. 1. 40 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: gor046@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: gor046@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Оригинальная статья / Original article

УДК 93

Урбанизация как фактор диверсификации отечественного музыкального профессионального образования в 50–80-е годы XX века (на материалах Ульяновской области)

И. Н. Суетин¹ ✉, Р. А. Мухамедов¹

¹Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
площадь Ленина 4/5, г. Ульяновск 432071, Российская Федерация

✉ e-mail: piazzolla73@gmail.com

Резюме

Актуальность. Диверсификации профессионального образования, в частности музыкального, способствуют различные факторы: политические, экономические, демографические и др. К одному из социально-экономических факторов можно отнести процессы урбанизации. Изучение и использование исторического опыта диверсификации отечественного профессионально-музыкального образования в советский период в условиях урбанизации может способствовать разработке эффективной государственной стратегии развития системы подготовки музыкантов-специалистов на современном этапе.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей диверсификации музыкального профессионального образования в Ульяновской области в условиях отечественной урбанизации 1950–1980-х годов.

Задачи: проанализировать особенности диверсификации музыкального профессионального образования в Ульяновской области в 50–80-е годы XX века в условиях отечественной урбанизации.

Методология. В исследовании сделана попытка дать более полное освещение работ отечественных ученых, посвященных истории отечественной урбанизации и истории отечественного музыкального профессионального образования. Данная работа проводилась с применением научных методов, характерных для исторического исследования: нарративного, историко-генетического, сравнительного, типологического, структурного, системного.

Результаты. В работе доказан факт того, что в результате промышленно-экономического развития, увеличения численности населения, развития просвещения, культуры и образования в области возросла потребность в квалифицированных специалистах музыкального профиля. Удовлетворение данного запроса стало возможным с появлением двухуровневой системы подготовки кадров и диверсификацией содержания музыкального профессионального образования.

Вывод. Результаты исследования могут выступать базой для дальнейшего изучения проблемы развития системы отечественного профессионального музыкального образования в условиях урбанизации, что может способствовать разработке эффективной государственной стратегии по совершенствованию данной системы в Российской Федерации в XXI веке.

Ключевые слова: урбанизация; диверсификация образования; музыкальное профессиональное образование; Ульяновская область.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Суетин И. Н., Мухамедов Р. А. Урбанизация как фактор диверсификации отечественного музыкального профессионального образования в 50–80-е годы XX века (на материалах Ульяновской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 130–145.

Поступила в редакцию 11.02.2021

Принята к публикации 17.03.2021

Опубликована 26.04.2021

© Суетин И. Н., Мухамедов Р. А., 2021

Urbanization as a Factor in the Diversification of Domestic Musical Vocational Education in the 50–80s of the XX Century (Based on Materials from the Ulyanovsk Region)

Ilya N. Suetin¹ ✉, Rashit A. Mukhamedov¹

¹Ulyanovsk State Pedagogical University. I. N. Ulyanova
4/5 Lenin square, Ulyanovsk 432071, Russian Federation

✉ e-mail: piazzolla73@gmail.com

Abstract

Relevance. The diversification of vocational education, in particular music, is facilitated by various factors: political, economic, demographic, etc. One of the socio-economic factors is the process of urbanization. The study and use of the historical experience of diversification of domestic professional music education in the Soviet period in the context of urbanization can contribute to the development of an effective state strategy for the development of the system of training specialist musicians at the present stage.

The purpose of this article is to identify the features of the diversification of musical vocational education in the Ulyanovsk region in the context of domestic urbanization in the 1950s–1980s.

Objectives: analyzes the features of the diversification of musical vocational education in the Ulyanovsk region in the 50–80s of the XX century in the context of domestic urbanization.

Methodology. The study attempts to provide a more complete coverage of the works of domestic scientists dedicated to the history of domestic urbanization and the history of domestic musical professional education. This work was carried out using scientific methods characteristic of historical research: narrative, historical-genetic, comparative, typological, structural, systemic.

Results. The work proves the fact that as a result of industrial and economic development, an increase in the population, the development of education, culture and education, the need for qualified music specialists has increased in the region. The satisfaction of this request became possible with the emergence of a two-level system of personnel training and the diversification of the content of musical professional education.

Conclusion. The results of the study can serve as a basis for further study of the problem of the development of the system of domestic professional music education in the context of urbanization, which can contribute to the development of an effective state strategy for improving this system in the Russian Federation in the 21st century.

Key words: urbanization; diversification of education; musical vocational education; Ulyanovsk region.

Conflict of interest: The Authors declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Suetin I. N., Mukhamedov R. A. Urbanization as a Factor in the Diversification of Domestic Musical Vocational Education in the 50–80s of the XX Century (Based on Materials from the Ulyanovsk Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 130–145. (In Russ.)

Received 11.02.2021

Accepted 17.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

Для истории России XX столетие являлось периодом, с одной стороны, суровых испытаний, с другой – позитивного развития. Причиной этому являлись в том числе политические и социально-экономические преобразования. В числе факторов экономического развития государ-

ства в 1950–80-х гг. можно назвать процессы урбанизации.

В научной литературе термин «урбанизация» трактуется по-разному. Историк Л. Н. Мазур пишет: «Предпосылки урбанизации сельской местности складываются при условии возрастания роли города в жизни общества и не только как

административного, военного или культурного центра, но и как экономического организма» [1, с. 15].

Согласно концепции Ю. Л. Пивоварова, «урбанизация – это исторический процесс повышения роли городов и городского образа жизни в развитии общества, связанный с пространственной концентрацией деятельности в сравнительно немногочисленных ареалах и центрах преимущественного развития» [2, с. 5]. Исследователь уточняет, что в результате данного процесса происходит рост больших городов, урбанизированных районов, агломераций. Последствиями данных процессов автор считает модернизацию социально-бытовой инфраструктуры, повышение качества информационной осведомленности граждан, диверсификацию научного, культурного и образовательного потенциала населения.

Несколько иное определение приводит Э. В. Сайко: «Суть урбанизации – в территориальной концентрации человеческой жизнедеятельности (и условий ее обеспечения), ведущей к ее интенсификации и дифференциации вплоть до выделения городских ее видов, что обуславливает формирование новых форм и пространственных структур расселения, распространение городского образа жизни» [3, с. 153]. К важнейшим показателям процесса урбанизации автор относит рост численности городов, удельного веса городского населения, распространение городского образа жизни, повышение статуса города в общественном сознании [3, с. 153–154].

Итак, несложно заметить, что результатом урбанизации являются количественные и качественные изменения. К количественным можно отнести увеличение числа городов и численности населения, к качественным – трансформацию социальной структуры городов, изменение образа жизни и ментальности населения, диверсификацию культуры, просвещения и образования.

Развитые традиции музыкального искусства, культуры и образования России исторически признаны мировым сообществом. Имена и яркие достижения российских (советских) дирижеров, композиторов, вокалистов, инструменталистов и педагогов навсегда вписаны в историю мирового музыкально-культурного наследия. В настоящее время в российском музыкально-научном сообществе не прекращаются активные дискуссии о том, какой путь развития для системы подготовки профессиональных музыкантов в нашей стране является оптимальным. На этом фоне актуализируется стремление современных исследователей к изучению передового советского наследия в музыкально-культурной и музыкально-образовательной сферах, на основе анализа которого представляется возможным усовершенствовать современную отечественную систему музыкального профессионального образования.

Для установления факта влияния процесса отечественной урбанизации на диверсификацию профессионального музыкального образования в нашей стране в 1950–80-е гг. были изучены труды следующих российских историков: П. Л. Волка, Э. С. Демиденко, И. А. Каторгиной, Л. Н. Мазура, М. Н. Межевича, Ю. Л. Пивоварова, Э. В. Сайко, А. С. Сенявского, И. В. Юстус и др. Анализ опубликованных работ (диссертационных исследований, монографий, научных статей) показал, что данная тема до настоящего времени подробно не освещалась в отечественной науке. Данный факт указывает на необходимость и своевременность проведения подобного исследования, подтверждает актуальность данной проблематики.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей диверсификации музыкального профессионального образования в одной из областей Поволжья – Ульяновской области в условиях отечественной урбанизации 1950–80-х гг.

Методология

В исследовании сделана попытка дать более полное освещение работ отечественных ученых, посвященных истории отечественной урбанизации и истории отечественного музыкального профессионального образования. Данная работа проводилась с применением научных методов, характерных для исторического исследования: нарративного, историко-генетического, сравнительного, типологического, структурного, системного.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрение и анализ понятия «диверсификация профессионального образования» показал, что: во-первых, в результате данного процесса происходит трансформация структуры системы образования в сторону многоступенчатости

(несколько уровней); во-вторых, важным последствием этого процесса выступает эволюция образовательных организаций в сторону многофункциональности; в-третьих, расширяется ассортимент образовательных услуг, что приводит к трансформации программного обеспечения учебно-воспитательного процесса и др. [4]

Сопоставляя понятия «урбанизация» и «диверсификация профессионального образования» можно выделить общие закономерности данных процессов. Количественные изменения: в условиях роста численности населения и увеличения числа крупных и средних городов появляется запрос на массовость музыкального профессионального образования (рост числа учебных заведений, численности педагогических работников, обучающихся, выпускников).

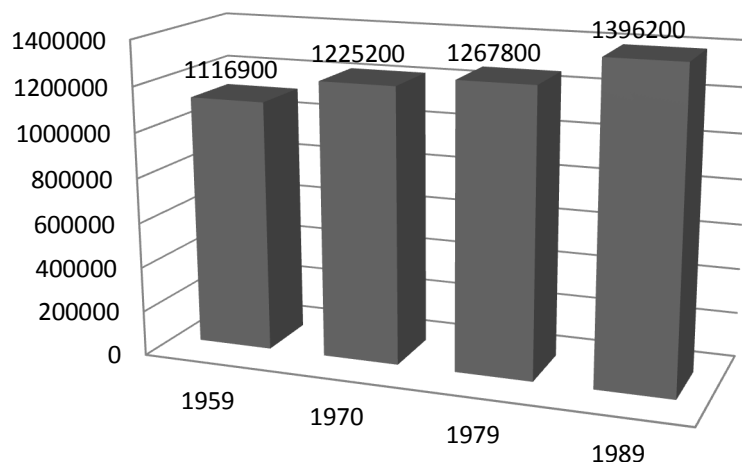

Рис. 1. Динамика роста численности населения Ульяновской области в 1959–1989 гг.

Fig. 1. Dynamics of population growth in the Ulyanovsk region in 1959–1989

Так, в периоды правления Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко, М. С. Горбачева значительно увеличилась численность населения СССР (согласно переписям 1959 и 1989 г. она возросла с 208826650 до 286730817 человек (на 37,3%)¹). Если

рассмотреть статистику по Ульяновской области (рис. 1) можно увидеть, что в 1959–1989 гг. она возросла на 25% [5].

Увеличилось также общее количество городов страны и число их жителей, что было вызвано активизацией процессов оттока населения из сельской местности. Только за 1959–1970 гг. из села в го-

¹ Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/>

ssp/rus70_reg2.php (дата обращения: 08.02.2021).

род переехало более 16000000 человек [6, с. 52]. В результате подобных процессов к 1989 г. доля городского населения страны составила 65,8%.

Если в 1955 г. в СССР насчитывалось 22 города с населением свыше 500000 человек¹, то в 1970 и 1987 гг. их число составило 33 и 55 соответственно, а к 1987 г. в стране было 23 города с населением более 1000000 человек [7, с. 78]. К концу 1980-х гг. в 300-х крупных и средних городах СССР (от 250 и более тысяч человек) проживало 60% городского населения [8, с. 85].

Динамику роста численности населения некоторых городов РСФСР в 1959–1989 гг. наглядно подтверждает статистика (табл. 1)². Можно отметить, что в г. Ульяновске в этот период число жителей увеличилось примерно втрое.

На этом фоне увеличивается численность музыкально-образовательных учреждений страны. Если к концу 1950-х гг. в СССР функционировало 816 детских музыкальных школ (ДМШ) [9, с. 179], 18 консерваторий (Азербайджанская, Белорусская, Горьковская, Ереванская, Казанская, Киевская, Латвийская, Ленинградская, Литовская, Львовская, Московская, Новосибирская, Одесская, Саратовская, Таллинская, Ташкентская, Тбилисская, Уральская), в подшефную зону каждой из которых входило не более 10 музыкальных училищ³, то к 1975 г. в стране насчитывались 5234 ДМШ, 253 суза музыкального профиля, 31 музыкальный вуз [10]. К 1988 г. в СССР насчитывалось более 8000 ДМШ и 28 средне-специальных му-

зыкальных школ, 250 музыкальных и 2 хоровых училища, более 20 училищ искусств, 22 консерватории, 3 музыкально-педагогических института, 8 институтов искусств [11, с. 361].

Подобные процессы происходили и в Ульяновской области. Известно, что в начале 1950-х гг. на данной территории функционировало всего 3 ДМШ. К 1963 г. подобных учреждений по области было уже 7, а к концу 1980-х гг. их насчитывалось 53 (10 из которых находились в областном центре) [12, с. 309–310]. В 1958–1969 гг. в Ульяновской области были открыты 3 образовательных учреждения по подготовке специалистов музыкального профиля среднего звена: Ульяновское музыкально-педагогическое училище, музыкальные училища в Ульяновске и Мелекессе [13, с. 223]. Таким образом, система музыкального профессионального образования области стала включать несколько уровней.

На этом фоне происходило численное увеличение обучающихся и выпускников музыкально-образовательных учреждений Ульяновской области, что подтверждает статистика по ДМШ (музыкальным отделениям детских школ искусств (ДШИ)) г. Ульяновска (рис. 2) [12, с. 141], Ульяновскому музыкальному училищу (рис. 3) [12, с. 190], Ульяновскому музыкально-педагогическому училищу (рис. 4) [12, с. 164].

Качественные изменения в музыкальном профессиональном образовании связаны с диверсификацией его содержания. Так, в результате урбанизационного процесса, трансформации социального состава населения городов, увеличения интеллектуального уровня граждан появляется запрос общества на более высокое качество музыкального просвещения, культуры и образования. Следствием этого выступает необходимость расширения ассортимента предоставляемых образовательных услуг, что сказывается на совершенствовании образовательных программ в сторону их большей вариативности и гибкости, усложнения методов и форм обучения.

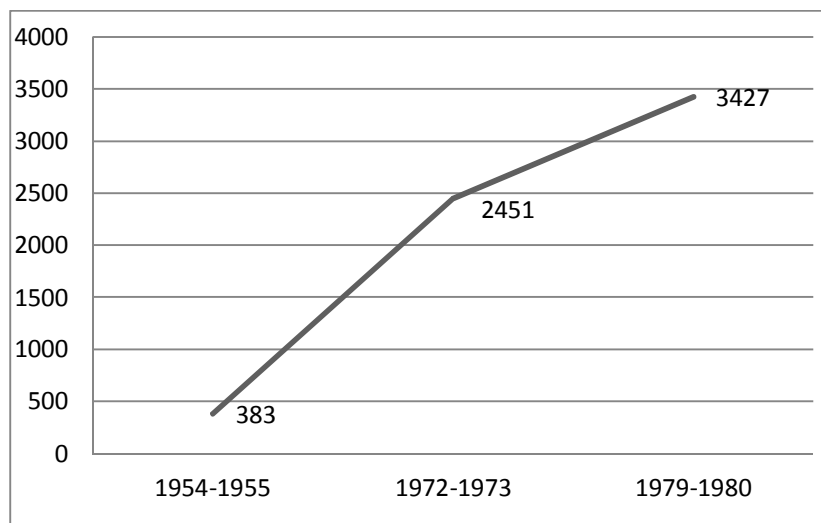
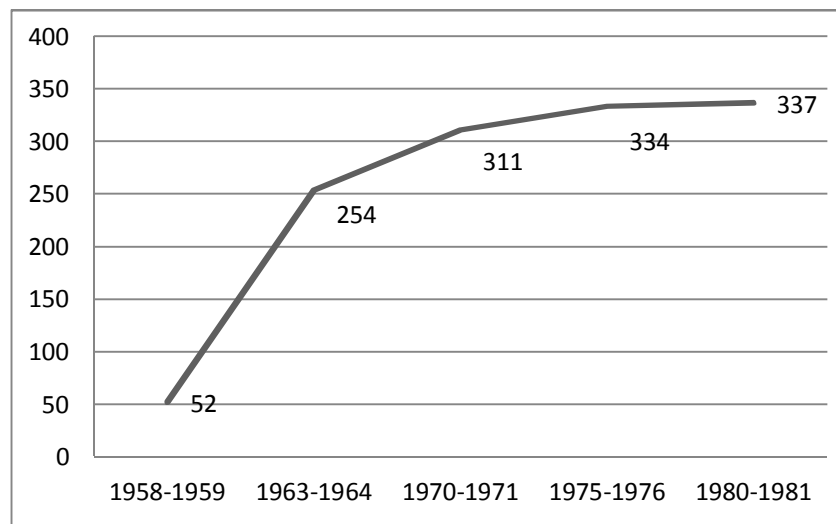
¹ О численности населения СССР. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/ar/xiv06.php> (дата обращения: 28.12.2020).

² Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg2.php (дата обращения: 28.12.2020).

³ Консерватория // Большая Советская Энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article063934.html> (дата обращения: 28.12.2020).

Таблица 1. Особенности изменения численности населения некоторых городов РСФСР (1959–1989 гг.)**Table 1.** Features of change in the population of some cities of the RSFSR (1959-1989 years)

Город / Town	Численность населения / Population size			
	1959	1970	1979	1989
Москва / Moscow	5045905	6941961	7830509	8769117
Ленинград / Leningrad	3321196	3949501	4588183	5023506
Горький / Gorky	941962	1170133	1344474	1438133
Куйбышев / Kuibyshev	1254460	1216233	1044849	806356
Ульяновск / Ulyanovsk	205942	351085	463964	625155

Рис. 2. Особенности изменения контингента обучающихся детских музыкальных школ и музыкальных отделений детских школ искусств г. Ульяновска в 1954–1980 гг.**Fig. 2.** Features of the change in the contingent of students of children's music schools and music departments of children's art schools in Ulyanovsk in 1954-1980**Рис. 3.** Особенности изменения контингента обучающихся Ульяновского музыкального училища в 1958-1981 гг.**Fig. 3.** Features of the change in the contingent of students of the Ulyanovsk School of Music in 1958-1981

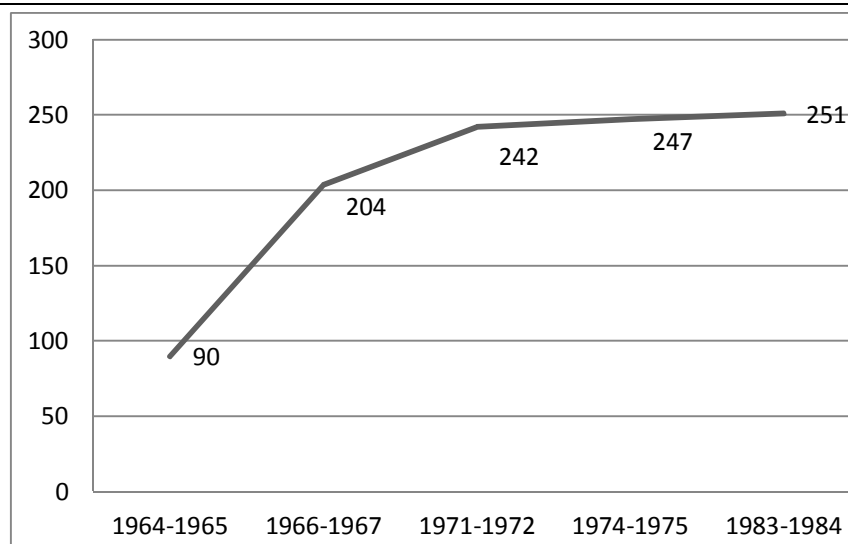

Рис. 4. Особенности изменения численности выпускников Ульяновского музыкально-педагогического училища в 1964–1984 гг.

Fig. 4. Features of the change in the number of graduates of the Ulyanovsk Music and Pedagogical School in 1964–1984

В исследовании А. С. Сенявского отмечается, что в 1950–80-е гг. в социальной структуре общества увеличивается доля интеллигенции, среди рабочего класса все чаще начинают встречаться люди с высоким уровнем образования [14]. Если рассмотреть статистику по Ульяновской области, можно обнару-

жить, что в конце 1950–60-х гг. произошло значительное увеличение рабочих и служащих по сравнению с колхозниками (табл. 2) [15, с. 110]. При этом государственная политика была направлена на то, чтобы к концу 1980-х гг. доля рабочих и служащих в городах составляла не менее 85% [16, с. 17].

Таблица 2. Особенности социального состава населения Ульяновской области в конце 1950-х – 1960-е гг.

Table 2. Features of the social composition of the population of the Ulyanovsk region late 1950s – 1960s

Год / Year	Рабочих и служащих, % / Workers and employees, %	Колхозников, % / Collective farmers, %
1959	63,7	36,3
1968	77,6	22,4

Закономерным являлось то, что трансформировался социальный состав обучающихся учебных заведений страны, в частности музыкального профиля. Подобную тенденцию в Ульяновской области подтверждает статистика по Ульяновскому музыкальному училищу в

1959–1988 гг. (рис. 5) [12, с. 66; 17, л. 3]. На нижеприведенной диаграмме отчетливо прослеживается тенденция постепенного уменьшения числа обучающихся из семей колхозников (сельских жителей) и увеличение их числа из среды служащих и рабочих (городских жителей).

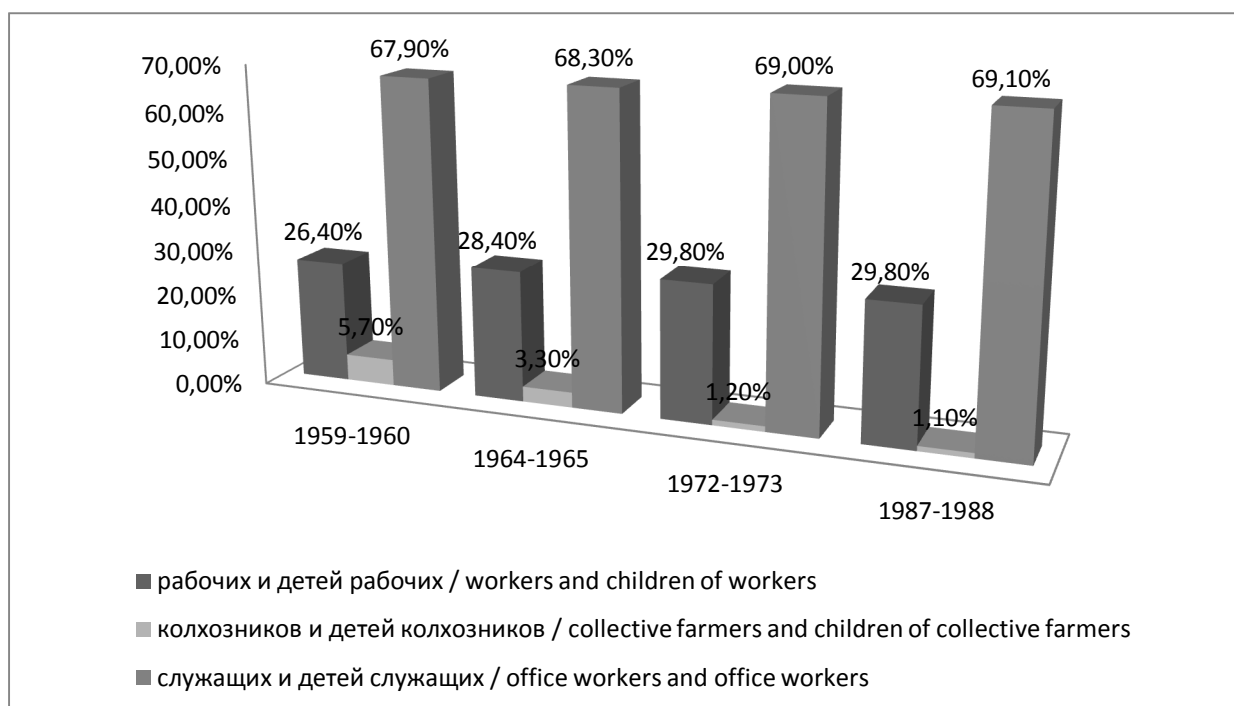

Рис. 5. Социальный состав обучающихся Ульяновского музыкального училища в 1959–1988 гг.

Fig. 5. The social composition of the students of the Ulyanovsk School of Music in 1959-1988

На этом фоне происходит развитие культуры, изменяется отношение общества к культуре, в том числе музыкальной. Не последнюю роль в этом процессе играло государство как распределитель социальных ресурсов. В 1950–80-х гг. значительно повысился уровень социального обслуживания населения страны – об этом свидетельствует диссертационное исследование А. А. Гуменюка [18]. К концу 1980-х гг. в РСФСР по ведомственным каналам распределялся значительный процент всех ресурсов, предназначенных для социального обслуживания граждан (40–90%). В городах эта цифра составляла в среднем более 60% [3, с. 160–161].

Значительное улучшение культурного обслуживания населения в 1950–80-х гг. происходило и в Ульяновской области. В этот период увеличилось число государственных учреждений культуры (в 1955 г. их насчитывалось 499, в 1968 г. – 901, в 1985 г. – 1330) [15, с. 102; 19, с. 156, 228]. Проводилась работа по

популяризации музыкального искусства. В апреле 1958 г. создается отделение Всероссийского хорового общества, что способствовало творческому становлению и развитию самодеятельных и профессиональных коллективов, установлению и укреплению тесных творческих связей, развитию культур советских народов [20]. В 1963 г. на базе Ульяновского музыкального училища был проведен первый региональный конкурс исполнителей на баяне и аккордеоне – «Конкурс молодых баянистов Поволжья». К концу 1980-х гг. данное мероприятие получило статус Всесоюзного конкурса, что позволило музыкантам Ульяновской области установить профессиональное сотрудничество с ведущими учебными заведениями всего СССР [21]. Постановлением Совета Министров РСФСР в 1968 г. на базе Ульяновской государственной филармонии был организован симфонический оркестр, а годом позже ему был присвоен статус государственного коллектива. В конце 1980-х гг.

из артистов данного коллектива в структуре филармонии был образован джазовый ансамбль «Волга-басс-квинтет», который впоследствии стал победителем многих международных конкурсов, а его участникам присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР».

В результате музыкально-культурного развития происходила диверсификация учебно-воспитательного процесса музыкально-образовательных учреждений Ульяновской области, чему способствовало обновление и усовершенствование программного обеспечения. В 1961 г. для ДМШ принимается новый учебный план. В результате была переориентирована направленность работы соответствующих учреждений. В частности, данный план предусматривал несколько дополнительных и актуальных дисциплин (читка нот с листа, аккомпанемент, ансамблевая игра и др.). Учебный план, утвержденный в 1967 г., вводил в учебный процесс факультативные занятия по дирижированию и хору. В 1973 г. Министерством культуры РСФСР было принято решение об открытии во всех ДМШ страны хоровых отделений, что потребовало создать принципиально новые учебные планы [22]. Согласно учебным планам создавались типовые программы («Виолончель», «Арфа», «Специальное фортепиано», «Музыкальная литература», «Сольфеджио», «Классы народных, духовых и ударных инструментов», «Класс ансамбля народных инструментов. Оркестровый класс», «Музыкальный инструмент (аккордеон)», «Сольное пение. Вокальный ансамбль» и др.), производилось упорядочение требований к подготовке учащихся. Все это отразилось на повышении качества знаний, дисциплине, успеваемости.

Учебная работа музыкальных училищ страны (в частности, в Ульяновской области) строилась на основе учебных планов, которые были утверждены на государственном уровне в 1962 г. В Ульяновском музыкальном училище осу-

ществлялась подготовка специалистов по семи направлениям: «Фортепиано», «Струнные инструменты», «Теория музыки», «Духовые и ударные инструменты», «Пение», «Народные инструменты», «Хоровое дирижирование» [23, д. 25, л. 1–7]. Все предметы в данных учебных планах делились на несколько циклов: цикл специальных дисциплин, исторический цикл, музыкально-теоретический цикл, практика. Обучение проводилось по двум формам: индивидуальные занятия и занятия по группам. В зависимости от специальности в учебных планах существовали особенности в прохождении предметов специального цикла, наблюдались отличия в количестве часов, отводимых на различные занятия.

В начале 1970-х гг. Министерством просвещения РСФСР были усовершенствованы учебные планы для музыкально-педагогических училищ страны. В частности, в 1972/1973 учебном году появилась новая специальность № 2009 «Музыкальное воспитание» [24, д. 45, л. 73]. Согласно данному направлению подготовки выпускник по окончании образовательного учреждения получал квалификацию «Учитель пения, музыкальный воспитатель» [24, д. 27, л. 41]. Впоследствии было произведено обновление программного обеспечения. Так, во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. были опубликованы новые программы по хороведению, дирижированию, анализу музыкальных произведений и др. Таким образом, была произведена строгая методическая регламентация, что способствовало упорядочению требований к подготовке специалистов соответствующего профиля.

Изучение архивных документов показало, что к числу наиболее важных направлений организации образовательной деятельности и учебного процесса учебных заведений музыкального профиля Ульяновской области в этот период относились: общественно-шефская, методическая и внеклассная работа; повы-

шение образовательного ценза и профессионализма преподавателей; непрерывная работа с контингентом обучающихся; наставничество в среде педагогических работников; сотрудничество с родителями несовершеннолетних обучающихся.

Важным направлением в работе преподавателей являлась методическая помощь учителям музыкальных и общеобразовательных школ. К примеру, в 1963 г. преподавателями Ульяновского музыкального училища на базе ДМШ области (Ульяновской, Барышской, Мелекесской, Инзенской, Сенгилеевской) проводились учебные занятия (курсы) с учителями музыки и пения средних общеобразовательных школ. Следует отметить, что согласно учебному плану на курсах изучалось несколько предметов: «Сольфеджио», «Хоровой класс», «Музыкальная грамота», «Методика детского музыкального воспитания», «Музыкальный инструмент». Основопологающей дисциплиной являлся хоровой класс, который был тесным образом увязан с освоением теоретических предметов – сольфеджио и музыкальной грамоты. Подразумевалось, что за период обучения слушатели овладеют базовыми хоровыми и вокальными навыками, основами дирижерской техники, методикой работы с ученическим хором. Дисциплина «Музыкальный инструмент» предусматривала освоение навыков игры на баяне, аккордеоне, домре, фортепиано и др. Кроме того, курсы включали лекции о творчестве выдающихся композиторов (зарубежных, русских, советских) и ознакомление с хоровым репертуаром начальной школы [24, д. 2, л. 103–109]. Подобная практика повышала методический уровень учителей пения и музыки общеобразовательных школ Ульяновской области.

Важным направлением учебно-воспитательного процесса являлась внеклассная работа с обучающимися. Например, по инициативе преподавателей отделения народных инструментов музыкального училища г. Ульяновска с 1963 г.

на базе суза был организован и проводился региональный (для учебных заведений Поволжья) конкурс исполнителей на баяне. Организацией данного мероприятия занимались начинающие преподаватели учебного заведения (Е. И. Колобов, В. И. Курюшин, В. Н. Бочкарев и др.). Данный конкурс способствовал профессиональному становлению многих исполнителей и педагогов, обмену опытом между преподавателями ведущих музыкальных учебных заведений [25, с. 402]. Конкурс молодых баянистов Поволжья регулярно проводился до конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Необходимым направлением в подготовке учащихся музыкальных училищ Ульяновской области являлась практика по получению навыков концертных выступлений. Отчеты о публичных выступлениях подтверждают высокий уровень подготовки будущих специалистов. К примеру, в декабре 1964 г. на базе областной филармонии состоялся открытый концерт, в котором приняли участие солисты, хор, оркестр русских народных инструментов Ульяновского музыкального училища. В репертуаре выступающих были произведения И. Баха, А. Вивальди, Ф. Листа, Н. Римского-Корсакова, Р. Глиэра, Н. Чайкина и др. [23, д. 36, л. 1]

Повышению качества образования способствовало совершенствование учебного процесса и воспитательных мероприятий. По данному направлению педагогическими коллективами музыкальных сузов Ульяновской области были достигнуты положительные результаты. Согласно плану учебно-воспитательной работы на первое полугодие 1965 г. музыкально-педагогического училища г. Ульяновска, деятельность коллектива учебного заведения была направлена на высококачественную подготовку молодых специалистов, совершенствование идейной направленности и научного уровня преподавания учебных дисциплин, улучшение воспитательной работы среди студентов (привитие любви к педагогиче-

ской профессии, воспитание коммунистического отношения к труду, создание актива обучающихся) [24, д. 5, л. 1]. Для улучшения качества учебно-воспитательного процесса регулярно проводились заседания методических комиссий и собрания при руководителе образовательной организации, на которых заслушивались и обсуждались отчеты о работе классных руководителей и преподавателей [24, д. 28, л. 5]. Подобный подход позволял обратить внимание на отдельные проблемы отделений училища.

В 1965/1966 учебном году Ульяновское музыкальное училище в рамках внеклассной работы уделяло внимание музыкальному просветительству населения города и области. Лекции-концерты с участием струнного и народного оркестров, хора учебного заведения регулярно проводились на промышленных предприятиях города [26, л. 39–41]. В декабре 1966 г. в рамках музыкального вторника в зале учебного заведения прошел концерт оркестра русских народных инструментов, в программу которого вошли как авторские сочинения (А. Хачатурян «Танец с саблями», Н. Чайкин «Праздничная увертюра», Г. Шендеров «Думка и частушка» и др.), так и обработки народных и популярных мелодий («Вечерний звон» в обработке А. Мосолова, А. Шалаев «На улице дождь» и др.) [23, д. 36, л. 37].

Преподавателями вокальной методической комиссии Ульяновского музыкально-педагогического училища в 1969/1970 учебном году в рамках методической работы были даны открытые уроки на актуальные темы: «Особенности развития голоса у девочек в переходном возрасте», «Развитие навыков художественного исполнения», «Методика проведения урока» и др. Основные усилия педагогов-вокалистов были направлены на постановку голоса и воспитание вокальной культуры у студентов. Кроме того, силами данной комиссии был инициирован и проведен конкурс на лучшее исполнение школьной песни под соб-

ственный аккомпанемент [24, д. 28, л. 14–15; д. 39, л. 10–11].

Теоретическая комиссия вышеназванного учебного заведения проводила политику подбора музыкального материала с учетом специфики музыкально-педагогического училища (массовая советская песня, музыка народов мира, школьный репертуар). На уроках преподаватели И. Д. Асанов (сольфеджио), И. М. Давидсон (теория музыки), Г. В. Давыдова (гармония), И. А. Каторгина (музыкальная литература), Б. А. Манаков (чтение с листа и инструментовка) использовали новые методы развития гармонического слуха. На основе данного опыта впоследствии была создана методическая разработка «Гармонический анализ на основе советской детской песни» (Г. В. Давыдова, Б. А. Манаков). Широкое распространение на уроках получило проведение семинаров на заданную тему: «По операм Джузеппе Верди», «Романтизм в искусстве», «Творчество Фредерика Шопена» и др. Помимо этого, педагогами внедрялся авторский способ проведения контрольного урока – сочинение по прослушанному произведению [24, д. 28, л. 16–17].

На отделении русских народных инструментов Ульяновского музыкально-педагогического училища учебный план включал проведение академических концертов и сдачу технических зачетов. Работа над техническими навыками включала несколько разделов: унисонная техника, техника игры двойными нотами (октавами, терциями, секстами) и др. Помимо основного инструмента (баян или аккордеон) учащиеся изучали дополнительный инструмент (домру), что позволяло стать участником оркестра русских народных инструментов и получить дополнительную концертную практику [24, д. 28, л. 10, 14]. Известно, что в 1971/1972 учебном году преподавателями отделения проводились открытые уроки, на которых обсуждались актуальные вопросы исполнительства на баяне и аккордеоне: «Развитие навыков владения мехом с ис-

пользованием различных штрихов», «Привитие навыков самостоятельной работы над пьесой», «Работа над художественным образом в музыкальном произведении», «Основы музыкально-исполнительской техники и метод ее совершенствования» и др. [24, л. 39, л. 12]

Внеклассная работа в музыкальном училище г. Димитровграда Ульяновской области в 1971/1972 учебном году включала регулярные собрания учащихся, на которых обсуждались вопросы на различные темы воспитательного характера. Преподаватели и учащиеся учебного заведения активно участвовали в общегородских мероприятиях, устраивали лекции-беседы и концерты [27, д. 68, л. 2]. Подобный подход, с одной стороны, способствовал профессиональному росту учащихся – будущих специалистов, с другой – повышал уровень музыкально-культурного развития населения города и области.

Одним из обязательных разделов обучения учащихся музыкальных сузов Ульяновской области являлась педагогическая практика. В Ульяновском музыкальном училище она осуществлялась на базе самого учебного заведения. Согласно документам образовательной организации за 1973/1974 учебный год, педагогической практикой были охвачены все исполнительские специальности (фортепиано, скрипка, виолончель, флейта, кларнет, труба, баян, аккордеон, домра) [23, д. 96, л. 7]. Педагогическая практика давала возможность учащимся Ульяновского музыкального училища использовать свою теоретическую подготовку в реальных рабочих условиях.

Широкое распространение в этот период получило наставничество. Так, например, в 1974 г. преподавателями Димитровградского музыкального училища Н. П. Трошкиной, В. П. Григорьевой и Л. И. Чубаревой в рамках методической работы посещался урок Н. О. Скороходова – преподавателя ДМШ №1 г. Димитровграда. Из отчета следует, что данное посещение имело положительные по-

следствия для педагога школы, который на протяжении всего урока следовал методическим установкам преподавателей училища. Занятие включало несколько разделов: развитие воображения (ученикам поручили задание сочинить мелодию), изучение нового материала (пение номеров с листа), запись музыкального диктанта. Последний раздел вызвал некоторые замечания со стороны преподавателей суза (педагог школы мало внимания уделил подготовительному этапу, анализу проигрываемой мелодии, особенностям структуры интонационного состава). По итогам урока Н. О. Скороходову были даны рекомендации обратить внимание на запоминание мелодий и более тщательный разбор диктанта [27, д. 89, л. 22–22 об.].

В 1980-х гг. в музыкальных сузах Ульяновской области существовала тенденция по созданию и апробации авторских программ, курсов, разработок. В качестве примера можно рассмотреть авторскую разработку Л. В. Кострюковой (преподаватель Ульяновского музыкально-педагогического училища) под названием «Преподавание методики музыкального воспитания в детском саду. Методика изучения темы «Игра на детских музыкальных инструментах». Вышenaзванный курс автор начал разрабатывать в 1983 г. В его основу был положен методический опыт исследователя-педагога Н. А. Ветлугиной (доктор педагогических наук) по обучению детей дошкольного возраста игре на музыкальных инструментах. Участие в данной работе принял также преподаватель педагогического училища № 1 г. Ульяновска Т. Н. Чесалина, которая использовала для проведения данного эксперимента собственный десятилетний опыт практической работы в качестве музыкального воспитателя детского сада № 134 г. Ульяновска [28]. На основе исследования в 1989 г. было опубликовано учебное пособие, состоящее из трех разделов: «Поэтапное формирование навыков игры на детских музыкальных инструментах», «Методика

проведения практических занятий по обучению детей игре на детских музыкальных инструментах», «Организация педагогической практики в курсе преподавания методики музыкального воспитания в детском саду» [29]. При реализации данного курса основной акцент делался на связь теоретического обучения с освоением практических навыков. Авторы рекомендовали слушателям применять разнообразные приемы и методы в работе с воспитанниками, учитывать индивидуальные и возрастные особенности детей, придерживаться принципам последовательности и системности в работе, производить поэтапное формирование знаний.

Выводы

Подведем итог. Исследованием установлено, что отечественная урбанизация 1950–80-х гг. оказала влияние на диверсификацию музыкального профессионального образования в Ульяновской области. Структурная диверсификация (создание сети музыкально-образовательных

учреждений различных уровней и ступеней, формирование многоуровневой системы подготовки специалистов музыкального профиля) произошла на фоне увеличения численности населения и концентрации людских ресурсов в крупных и средних городах. На содержательную диверсификацию (расширение номенклатуры специальностей (специализаций), усложнение методов и форм обучения, трансформация музыкального репертуара и др.) повлияли изменения социальной структуры населения городов, появление запроса граждан на более высокий уровень музыкального просвещения, образования и культуры.

Данное исследование не призвано охватить все аспекты научной проблемы, связанной диверсификацией отечественного профессионального музыкального образования в условиях процесса урбанизации, что создает перспективу для проведения исследований по многим направлениям данной темы в будущем.

Список литературы

1. Мазур Л. Н. Урбанизация российской деревни во второй половине XIX – XX веках // Уральский исторический вестник. 2008. № 2(19). С. 15–24.
2. Пивоваров Ю. Л. Урбанизация в современном мире: (Особенности пространственного развития). М.: Знание, 1982. 48 с.
3. Сайко Э. В. Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999. 284 с.
4. Педагогический словарь / [В. И. Загвязинский, А. Ф. Закирова, Т. А. Строкова и др.] ; под ред. В. И. Загвязинского, А. Ф. Закировой. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 352 с.
5. Ульяновская область в цифрах : крат. стат. сборник / Госкомстат России. Ульяновск: Ульяновск. облкомстат, 2000. 50 с.
6. Миграционная подвижность населения в СССР. М.: Статистика, 1974. 159 с.
7. Миграция населения в больших городах СССР и стран Восточной Европы. М.: Наука, 1990. 111 с.
8. Демиденко Э. С. Урбанизация: концепция и политика городского развития: монография. М.: Очаг, 1992. 332 с.
9. Аракелова А. О. О развитии начального музыкального образования в России // Проблемы музыкальной науки. 2012. № 1(10). С. 176–181.
10. Волк П. Л. Парадоксы музыкального образования в России: анализ системы с 30-х по 90-е гг. XX в. // Искусство и образование. 1999. № 2. С. 42–47.

11. Музыка: большой энцикл. слов / А. Абаджиев [и др.]; гл. ред. Г. В. Келдыш. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 671 с.
12. Суетин И. Н. Система музыкального профессионального образования в России в XX веке (на примере Симбирской губернии – Ульяновской области): дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2014. 310 с.
13. Юстус И. В., Суетин И. Н. Становление и развитие средней ступени музыкального профессионального образования в Симбирской губернии – Ульяновской области в конце XIX – середине XX века // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 8. С. 217–224.
14. Сенявский А. С. Урбанизация в России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 285 с.
15. Родина В. И. Ленина: экон.-стат. сб. / ЦСУ РСФСР ; Стат. упр. Ульян. обл. М.: Статистика, 1970. 183 с.
16. Межевич М. Н. Урбанизация и развитие городов в СССР. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1985. 256 с.
17. Отчет об учебно-воспитательной работе Ульяновского музыкального училища за 1987/1988 учебный год. Ульяновск, 1988. 15 л.
18. Гуменюк А. А. Социальная стратегия советского государства и практики повседневности населения российской провинции во второй половине 1950-х – середине 1980-х годов (на материалах Нижнего Поволжья): дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2019. 678 с.
19. Культура Симбирского – Ульяновского края: сб. док. и мат. / под ред. А. Г. Пашкина. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2014. 368 с.
20. Каторгина И. А. Музыкальная культура Симбирска-Ульяновска. XX век. Ульяновск: Изд-во Ульянов. гос. ун-та, 2005. 512 с.
21. Первый конкурс // Ульяновская правда. 1963. 11 апр.
22. Михайловская Н. Детские музыкальные школы семилетки (ДМШ) // Музыка и дети. М.: Сов. композитор, 1977. С. 72–83.
23. ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. Р-3114. Оп. 1.
24. ГАУО. Ф. Р-3708. Оп. 1.
25. Юстус И. В. История образования в Симбирской губернии – Ульяновской области. Ульяновск: Изд-во Ульянов. гос. ун-та, 2014. 530 с.
26. ГАУО. Ф. Р-3049. Оп. 3. Д. 18.
27. Димитровградский городской архив МУП. Ф. 22. Оп. 1.
28. Кострюкова Л. Интересный эксперимент // Ульяновская правда. 1983. 9 июня.
29. Будыхо В. П. Преподавание методики музыкального воспитания в детском саду. Ульяновск, 1989. 17 с.

References

1. Mazur L. N. Urbanizaciya rossijskoj derevni vo vtoroj polovine XIX – XX vekah [Urbanization of the Russian village in the second half of the XIX-XX centuries]. *Ural'skij istoricheskij vestnik = Ural Historical Bulletin*, 2008, no. 2(19), pp. 15–24.
2. Pivovarov Yu. L. Urbanizaciya v sovremennom mire: (Osobennosti prostranstvennogo razvitiya) [Urbanization in the modern world: (Features of spatial development)]. Moscow, Znanie Publ., 1982. 48 p.
3. Sajko E. V. Urbanizaciya v formirovanii sociokul'turnogo prostranstva [Urbanization in the formation of socio-cultural space]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 284 p.

4. Zagvyazinskij V. I., Zakirova A. F., Strokova T. A., eds. *Pedagogicheskij slovar'* [Pedagogical dictionary]; ed. by V. I. Zagvyazinskii, A. F. Zakirova. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 352 p.
5. Ul'yanskovskaya oblast' v cifrah. Krat. stat. sbornik [Ulyanovsk region in numbers. Krat. stat. collection]. Ul'yanskovsk, Ul'yanskovsk. oblkomstat, 2000. 50 p.
6. Migracionnaya podvizhnost' naseleniya v SSSR [Migration mobility of the population in the USSR]. Moscow, Statistika Publ., 1974. 159 p.
7. Migratsiya naseleniya v bol'shih gorodakh SSSR i stran Vostochnoj Evropy [Migration of the population in the big cities of the USSR and the countries of Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 111 p.
8. Demidenko E. S. Urbanizatsiya: koncepciya i politika gorodskogo razvitiya [Urbanization: the concept and policy of urban development]. Moscow, Ochag Publ., 1992. 332 p.
9. Arakelova A. O. O razvitii nachal'nogo muzykal'nogo obrazovaniya v Rossii [On the development of primary music education in Russia]. *Problemy muzykal'noj nauki = Problems of Music Science*, 2012, no. 1(10), pp. 176–181.
10. Volk P. L. Paradoksy muzykal'nogo obrazovaniya v Rossii: analiz sistemy s 30-h po 90-e gg. XX v. [Paradoxes of music education in Russia: analysis of the system from the 30s to the 90th of the XX century]. *Iskusstvo i obrazovanie = Art and Education*, 1999, no. 2, pp. 42–47.
11. Abadzhiev A., eds. Muzyka. Bol'shoj encikl. slov. [Music: the big encyclopedia words]; ed. by G. V. Keldysh. Moscow, Bol'shaya Ros. encikl. Publ., 1998. 671 p.
12. Suetin I. N. Sistema muzykal'nogo professional'nogo obrazovaniya v Rossii v XX veke (na primere Simbirskoj gubernii – Ul'yanskovskoj oblasti). Diss. kand. ped. nauk [The system of musical professional education in Russia in the XX century (on the example of the Simbirsk province-Ulyanovsk region). Diss. cand. ped. sci.]. Ul'yanskovsk, 2014. 310 p.
13. Yustus I. V., Suetin I. N. Stanovlenie i razvitie srednej stupeni muzykal'nogo professional'nogo obrazovaniya v Simbirskoj gubernii – Ul'yanskovskoj oblasti v konce XIX – seredine XX veka [Formation and development of the secondary stage of musical professional education in the Simbirsk province-Ulyanovsk region in the late XIX – mid XX century]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, 2011, no. 8, pp. 217–224.
14. Senyavskij A. S. Urbanizatsiya v Rossii v XX veke: Rol' v istoricheskom processe [Urbanization in Russia in the XX century: The role in the historical process]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 285 p.
15. Rodina V. I. Lenina. Ekon.-stat. sb. [Lenin. Ekon.- stat. sb.]. Moscow, Statistika Publ., 1970. 183 p.
16. Mezhevich M. N. Urbanizatsiya i razvitie gorodov v SSSR [Urbanisation and urban development in the USSR]. Leningrad, Publ. Nauka, Lenin. otd-nie, 1985. 256 p.
17. Otchet ob uchebno-vospitatel'noj rabote Ul'yanskovskogo muzykal'nogo uchilishcha za 1987/1988 uchebnyj god [Report on the educational work of the Ulyanovsk Music School for the 1987/1988 academic year]. Ul'yanskovsk, 1988. 15 p.
18. Gumenyuk A. A. Social'naya strategiya sovetskogo gosudarstva i praktiki povsednevnosti naseleniya rossijskoj provincii vo vtoroj polovine 1950-h – seredine 1980-h godov (na materialah Nizhnego Povolzh'ya). Diss. dokt. ist. nauk [The social strategy of the Soviet state and the practice of everyday life of the population of the Russian province in the second half of the 1950s – mid-1980s (based on the materials of the Lower Volga region). Diss. Dr. hist. sci.]. Saratov, 2019. 678 p.
19. Kul'tura Simbirskogo – Ul'yanskovskogo kraja [Culture of the Simbirsk-Ulyanovsk region]; ed. by A. G. Pashkin. Ul'yanskovsk, Korporatsiya tekhnologij prodvizheniya, 2014. 368 p.

20. Katorgina I. A. Muzykal'naya kul'tura Simbirsk-Ulyanovska. XX vek [Musical culture of Simbirsk-Ulyanovsk. XX century]. Ulyanovsk, Ulyanovsk st. Univ. Publ., 2005. 512 p.
21. Pervyj konkurs [The first contest]. *Ulyanovskaya pravda* = *Ulyanovsk Pravda*, 1963, 11 apr.
22. Mihajlovskaya N. Detskie muzykal'nye shkoly semiletki (DMSH) [Children's music schools of semiletki (DMSH)]. *Muzyka i deti* [Music and children]. Moscow, Sov. Kompozitor Publ., 1977, pp. 72–83.
23. GAUO (Gosudarstvennyj arhiv Ulyanovskoj oblasti) [State Archive of the Ulyanovsk region], f. R-3114, op. 1.
24. GAUO, f. R-3708, op. 1.
25. Yustus I. V. Istoriya obrazovaniya v Simbirskoj gubernii – Ulyanovskoj oblasti [History of education in the Simbirsk province-Ulyanovsk region]. Ulyanovsk, Ulyanovsk st. Univ., 2014. 530 p.
26. GAUO, f. R-3049, op. 3, d. 18.
27. Dimitrovgradskij gorodskoj arhiv MUP [Dimitrovgrad City Archive of the Municipal Unitary Enterprise], f. 22, op. 1.
28. Kostryukova L. Interesnyj eksperiment [An interesting experiment]. *Ulyanovskaya pravda* = *Ulyanovsk Pravda*, 1983, June 9.
29. Budyho V. P. Prepodavanie metodiki muzykal'nogo vospitaniya v detskom sadu [Teaching methods of musical education in kindergarten]. Ulyanovsk, 1989. 17 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Суетин Илья Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ экономики и правоведения, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация
e-mail: piazzolla73@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2792-9085
Researcher ID: AAH-1589-2020

Ilya N. Suetin, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Economics and Law, Ulyanovsk State Pedagogical University. I. N. Ulyanova, Ulyanovsk, Russian Federation
e-mail: piazzolla73@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2792-9085
Researcher ID: AAH-1589-2020

Мухамедов Рашит Алимович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация
e-mail: rasil56@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6181-3249

Rashit A. Mukhamedov, Doctor of Historical Sciences; Professor of the Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University. I. N. Ulyanova, Ulyanovsk, Russian Federation
e-mail: rasil56@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6181-3249

Оригинальная статья / Original article

УДК 796.332(470.323) «19/20»

**Становление и развитие футбола в Курской губернии
(конец XIX – начало XX века)****О. М. Цуканова, Г. Г. Карпова¹** ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail karpova.gelika@yandex.ru

Резюме

Актуальность научной статьи обусловлена тем, что футбол как ведущий вид спорта в нашей стране вызывает динамично растущий интерес у широких слоёв населения, имеет свои фанклубы. Кроме того, футбол весьма популярен в мире, о чём свидетельствуют постоянно проводимые соревнования мирового уровня.

Целью исторического исследования является изучение становления и развития футбольного движения в Курской губернии в конце XIX – начале XX века.

Задача научного поиска связана с изучением и анализом архивных и иных материалов, дающих возможность показать, с чего начинался футбол в Курской губернии и его развитие в начале XX века.

Методологической основой исследования послужили принципы историзма и объективности; такие научные методы, как историко-генетический, историко-сравнительный.

Результаты. Становление и развитие футбола в Курской губернии в конце XIX – начале XX века, несмотря на материальные и организационные трудности, динамично продвигалось вперёд. К 1911 году в городе Курске были сформированы четыре футбольные команды, именовавшиеся «херсонскими», «бородинскими», «сеймскими», «ямскими». Кроме этих команд, состоявших в основном из молодёжи (учащихся гимназий и реальных училищ города), в Курске были организованы две сильные футбольные команды служащих управления Московско-Киево-Воронежской железной дороги и городского банка, называемые соответственно «управленцами» и «банковцами». Футбольное движение динамично развивалось и в уездном городе Рыльске, где успешно выступала футбольная команда «Кружок Рыльских футболистов», проводя матчи не только губернского, но и международного масштаба.

Выводы. В конце XIX – начале XX века в Курской губернии динамично формировалось и развивалось футбольное движение, которое умело направляли талантливые спортсмены, преданные этому виду спорта, такие как Гайкович, Гуцин, Дёжкин, братья Дегтярёвы и другие. 1911 год можно считать годом рождения Курского футбола.

Ключевые слова: становление и развитие футбола; футбольные команды; спортивные общества; кружки; спортивные состязания.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Становление и развитие футбола в Курской губернии (конец XIX – начало XX века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 146–154.

Поступила в редакцию 05.02.2021

Принята к публикации 15.03.2021

Опубликована 26.04.2021

Formation and Development of Football in Kursk Province (Late XIX – Early XX Century)

Olga M. Tsukanova, Galina G. Karpova¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: karpova.gelika@yandex.ru

Abstract

The relevance of the scientific article is due to the fact that football as the leading sport in our country causes a dynamically growing interest among the general population, has its own funk clubs. In addition, football is very popular in the world, as evidenced by the constantly held world-class competitions.

The purpose of the historical research is to study the formation and development of the football movement in the Kursk province in the late XIX-early XX century.

The task of scientific research is connected with the study and analysis of archival and other materials that make it possible to show how football in the Kursk province began and its development at the beginning of the XX century.

The methodological basis of the study was the principles of historicism and objectivity; such scientific methods as historical-genetic, historical-comparative.

Results. The formation and development of football in the Kursk province in the late XIX-early XX century, despite the material and organizational difficulties, dynamically moved forward. By 1911, four football teams were formed in the city of Kursk, called "Kherson", "Borodino", "Seim", "Yamsky". In addition to these teams, which consisted mainly of young people (students of gymnasiums and real schools of the city), two strong football teams of employees of the management of the Moscow-Kiev-Voronezh railway and the city bank, called respectively "managers" and "bankers", were organized in Kursk. The football movement developed dynamically in the county town of Rylysk, where the football team "Circle of Rylysk football Players" successfully played, holding matches not only of the provincial, but also of the international scale.

Conclusions. At the end of the XIX – beginning of the XX century, the football movement was dynamically formed and developed in the Kursk province, which was skillfully directed by talented athletes devoted to this sport, such as Gaikovich, Gushchin, Dezhkin, the Degtyarev brothers and others. 1911 can be considered the year of the birth of Kursk football.

Keywords: formation and development of football; football teams; sports societies; clubs; sports competitions.

Conflict of interest: The Authors declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tsukanova O. M., Karpova G. G. Formation and Development of Football in Kursk Province (Late XIX – Early XX Century). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(2): 146–154. (In Russ.)

Received 05.02.2021

Accepted 15.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

Изучение истории становления отечественного футбола актуально и необходимо для дальнейшего развития этого вида спорта, столь любимого в современном российском социуме. Футбольное движение в конце XIX – начале XX в. связано с материальными и финансовыми трудностями, с отсутствием профессио-

нального тренерского состава и медицинского контроля. Тем не менее силами энтузиастов, любителей футбола, этот вид спорта занял достойное место не только на отечественных стадионах, но и на мировой арене.

Как всякий массовый вид спорта, футбол сегодня доступен разным возрастным категориям в плане личного

участия в игре и в качестве объекта преклонения перед его именитыми спортсменами мирового уровня. Были большие победы отечественного футбола, которые показали силу и мощь страны всему миру. Так, на Олимпийских играх 1956 и 1988 гг. сборная СССР по футболу выигрывала золотые медали, сражаясь с сильным противником (даже с Бразильской командой). Наши футболисты отдавали все силы тренировкам и выкладывались полностью во время соревнований, т. к. завоевывали победу не столько для себя лично, сколько для укрепления авторитета своей Родины. Чтобы вернуть былую славу отечественному футболу, современным спортсменам необходимо изучать уроки истории, осознавать значимость одержанных побед для поддержания статуса, в том числе и политического, своей страны. С материально-технической и медицинской точки зрения для успешности развития российского футбола нет препятствий: экономическая поддержка со стороны государственных структур постоянно растёт. Однако для победы важна не только финансовая сторона вопроса, но, прежде всего, личная мотивация каждого футболиста на достижение успеха всей команды, на завоевание и укрепление статуса российского футбола в мировом сообществе.

Методология

Согласно поставленной в исследовании задаче, связанной с изучением становления и развития футбола Курской губернии в конце XIX – начале XX в., авторы опирались на принципы историзма и объективности, которые позволили рассмотреть предмет изучения в развитии. В ходе исследования применены такие научные методы, как историко-генетический, позволяющий показать последовательность и закономерность изучаемых событий; историко-сравнительный метод, дающий возможность раскрыть, сопоставить, конкретизировать и

обобщить изучаемые общественно-исторические процессы.

Результаты и их обсуждение

В конце XIX – начале XX в. футбольное движение в Российской империи динамично развивалось, в первую очередь благодаря энтузиастам московских спортивных клубов и обществ, таких как клуб «Замоскворечье» (СКЗ), Сокольнический клуб лыжников (СКЛ), а позднее – Русскому гимнастическому обществу (РГО) и обществу «Спартак». Названные спортивные организации воспитали выдающихся игроков-футболистов: «сухого» вратаря Н. Соколова, защитника и полузащитника Ф. Селина, организаторов спортивного общества «Спартак» и сильнейших футболистов четверых братьев Старостиных и многих других. Следует отметить, что Н. П. Старостин сначала был одним из сильнейших нападающих «Спартака» и сборной СССР, а затем долгое время являлся тренером.

В конце XIX – начале XX в. футбольное движение активно развивалось и в Курской губернии. Многие молодые люди после окончания гимназии или реального училища уезжали в вузы Москвы, Петербурга, Харькова для получения высшего образования. Возвращаясь на каникулы в родной город, курская молодежь летом собиралась на полянах Цыганского бугра, на плацу за Херсонскими воротами, в других местах города, где можно было поиграть в мяч. Уже к 1910 г. плац за Херсонскими воротами стал любимым для молодежи и подростков, главным образом учащихся, проживающих в районе Херсонских ворот, на улицах Херсонской, Выгонной, Покровской, Богословской, Воротней, Вальной. Так начинался курский футбол [1].

В курских газетах впервые о футболе было напечатано в 1910 г.: «Вчера и третьего дня группа молодежи совершила спортивные прогулки в окрестностях города. Здесь на открытом воздухе молодежь тренировалась во французской

борьбе, беге, прыжках и игре в футбол. Здоровье, разумное развлечение собралось массу интересующихся и подобные прогулки решено устраивать чаще» [2]. Играли с азартом и интересом. Главными площадками являлись воинской плац за Херсонскими воротами (территория нынешней воинской части на площади Дзержинского), площадь Бородино-поле (нынешний парк тогда ещё не был засажен деревьями), близ Дворянского купалища на реке Сейм (местность, называемая Кулига, при впадении Тускари в Сейм), Ямской луг (стадион «Урожай» на Цыганском бугре). Отсюда возникли кружки и команды, именовавшиеся «херсонскими», «бородинскими», «сеймскими», «ямскими». В состав команд-кружков, кроме гимназистов и реалистов, входили служащие управления МКВжд, городского банка, студенты-каникуляристы. В связи с этим к любителям футбола добавились команды, именовавшиеся «управленцами» и «банковцами».

Положительную роль в развитии футбола Курской губернии сыграл преподаватель сокольской гимнастики чех Карл Францевич Боухал, опытный спортсмен и педагог, который осенью 1910 г. и весной 1911 г., проводя занятия с гимназистами, дал им общее представление об игре в футбол [2].

«30 апреля 1911 года гимназисты мужской гимназии совершили загородную прогулку в Знаменскую рощу. Здесь молодежь играла в футбол», – писала газета «Курская быль» [3]. Этот год стал годом становления футбола в Курске.

Позднее та же газета писала: «В настоящее время в нашем городе можно насчитать три команды футболистов. Первая команда образовалась по инициативе преподавателя гимнастики – сокола К. Ф. Боухала, которая состоит под управлением гимназиста Литвинова и временно играет во дворе мужской гимназии (впоследствии это “херсонцы”). Вторая футбольная команда организовалась по инициативе известного курского спортс-

мена Гайковича. Футболисты тренировались и играли в местности, называемой “Дворянское купалище”... По словам Гайковича, среди игроков было много недурных футболистов (впоследствии это “управленцы”). Третья сборная команда под управлением студентов братьев Дегтяревых играла в местности Бородино-поле за Московскими воротами... Три названные команды дали толчок к развитию этого вида спорта, и теперь служащие других учреждений (городского банка) думают последовать их примеру, обзавестись футболом. Быть может, названные кружки получают более правильную организацию, выработают устав» [2].

Летом 1911 г. с разрешения генерал-лейтенанта Волошинова, командира 44 пехотной дивизии, тренировки и игры в футбол были перенесены на военный плац за Херсонскими шпильями.

Было проведено собрание футболистов и вскоре гимназисты, реалисты и некоторые из студентов организовали «Первую футбольную команду» города Курска («ПФК»). Руководил тренировками и был ее капитаном студент Н. Ефимов. Закрепилось за командой и другое название – «Херсонская», а с 1912 г. название снова изменилось в «Курский кружок любителей спорта». В состав команды входили Г. Литвинов, Э. Руге, Н. Ефимов, И. Гапонцев, В. Костюк, М. Нагорский, В. Майер, Г. Гюк, Тарнавский, Е. Нассонов, М. Хрусталеv. Все эти молодые люди явились пионерами курского футбола [4].

«Курская газета» от 1912 г. так писала о «Первой футбольной команде»: «Главнейшим инициатором организации является Литвинов. В настоящее время членами “ПФК” в Курске состоят около тридцати человек, которые при вступлении в кружок подвергались баллотировке. В членский состав входят реалисты, гимназисты и студенты, т. е. вообще учащаяся молодежь. Благодаря энергичным хлопотам членов футбольной команды в распоряжении “ПФК” имеется прекрасное поле для игры в футбол,

находящееся за Херсонскими воротами, вблизи лагерей. Общее собрание членов утвердило его состав и форму для футболистов «ПФК». В настоящее время члены «ПФК» усиленно тренируются, т. к. на днях предполагается устройство футбольных матчей «Футболист»» [5].

Интересно, что члены «Первой футбольной команды» г. Курска имели свой устав. Однако этот устав никем не утверждался. Руководители команды и ее члены прекрасно знали, что учащиеся средних учебных заведений не могли принимать участие в публичных выступлениях, состязаниях, матчах.

Второй курской командой футболистов была команда служащих Управления Московско-Киево-Воронежской железной дороги – одного из крупнейших учреждений города.

Молодые служащие управления дороги давно уже боролись за организацию спортивного общества железнодорожников. Но власти города, учитывая силу и мощь железнодорожников в революции 1905 г., страшились любой их организации, поэтому они не давали разрешения на организацию легального спортивного кружка железнодорожников [1].

Осенью 1910 г. Министерство путей сообщения (МПС) разослало начальникам железных дорог, в том числе и Московско-Киево-Воронежской железной дороги, циркуляр, «рекомендующий всячески содействовать созданию среди железнодорожных служащих гимнастических обществ... и принять все меры к тому, чтобы железнодорожные служащие, мужчины и женщины, образовали гимнастические общества, спортивные и соколиные организации» [6].

Несмотря на эти указания, требующие их исполнения, руководство дороги ничего не предпринимало к выполнению циркуляра МПС, основываясь, очевидно, на указаниях жандармского железнодорожного управления, поэтому курские железнодорожники вплоть до Октябрьской революции не имели даже офици-

ально оформленной футбольной команды как в Управлении дороги, так и в Курском железнодорожном узле с большим количеством рабочих.

«Дикая» же команда футболистов-управленцев организовалась по инициативе одного из старейших деятелей физической культуры среди железнодорожников Б. Ф. Гайковича. Сам он в футбол не играл, но был активным организатором и болельщиком команды [1].

Ведущая роль в команде принадлежала Петру Никаноровичу Дёжкину, большому любителю футбола, игравшему с увлечением, несмотря на недостаток зрения. П. Н. Дёжкин пользовался симпатиями и уважением футболистов-управленцев. Капитаном был избран Михаил Ворона, разносторонний спортсмен: велосипедист и конькобежец-фигурист. В советское время М. Ф. Ворона был авторитетным и беспристрастным судьей футбольных матчей, велогонок, лыжных соревнований. Команда МКВЖД играла на лугу близ «Дворянского купалища». Для тренировок поле огораживалось флажками. Ворота также заменяли флажки. Футбольные матчи на этом поле не проводились. Форма команды управленцев представляла собой красно-черные полосатые футболки и белые трусы. Пионерами футбольной команды управленцев были Петр Дёжкин, М. Ф. Ворона, Нестерович, Гладилин, Бредихин, Форостьянов, Л. Рышков, Кузнецов, П. Байкузов [1].

Третья курская футбольная команда «Бородино» состояла из гимназистов, реалистов и студентов, проживавших в районе Московских ворот и игравших в футбол на площади «Бородино-поле», где поначалу располагался циклодром (трек) общества велосипедистов (с 1895 по 1898 г.). В 1910 г. все постройки были снесены, а на поляне внутри трека было устроено футбольное поле [2]. Для тренировок и матчей устанавливались переносные ворота, без сеток. «Бородинцы» имели свою форму: черные с белым полосатые фут-

болки, белые трусы. Организовали команду, как и «Курский кружок любителей спорта» («ККЛС»), братья Вячеслав и Дмитрий Дегтяревы. В составе значились такие участники, как Б. Соловьев, Сергей Аршинов, братья Кузьмины, братья Платоновы и другие спортсмены, составившие основное ядро. Капитаном команды был избран Вячеслав Дегтярев. Состав «бородинцев» с годами менялся, но всегда оставался дружным, сплоченным коллективом.

1911 г. стал футбольным годом. 17 июля 1911 г. на Бородино-поле состоялся матч между «Первой футбольной командой» под руководством Литвинова и Ефимова и командой братьев Дегтяревых. Матч прошел очень оживленно. Присутствовала посторонняя публика. Матч окончился со счётом 1:1, т. е. вничью.

Летом и осенью 1911 г. было проведено несколько игр с участием курских команд. Эти игры выявили, что лучшими являлись «бородинцы». Однако официальных игр на первенство Курска не проводилось, как не было и футбольной лиги.

Таким образом, можно считать, что 1911 г. явился важной вехой в становлении курского футбола; организовались три «настоящие» команды. Футбол получил популярность и среди обывателей города – первых болельщиков, которые с интересом встретили эту игру [2].

С нетерпением ждали спортсмены прихода весны и лета. Следующим шагом развития футбола в Курске стал розыгрыш первого официального первенства города, состоявшийся в 1912 г. Матчи проходили очень живо, публики в эти дни приходило много, трибуны заполнялись до отказа. Футбольная тактика и действия игроков были тогда еще весьма примитивны, лишь некоторые лидеры команд умели играть в пас и разыгрывать хоть какие-нибудь комбинации [5; 7]. В 1912 г. сильными футбольными коман-

дами в Курске считались «Бородино» и «ККЛС».

Футбольные традиции рождались вместе с расширением состязаний и увеличением количества команд. Капитаны того времени были самыми авторитетными игроками и выбирались тайным голосованием. Кроме того, они являлись ещё и тренерами, давали указания, как играть, вели тренировки, выбирали состав на ту или иную игру, решали вопросы о судействе в матчах, т. е. кого пригласить в качестве судьи. Капитаны организовывали подготовку футбольного поля к предстоящему матчу, разрешали ряд даже хозяйственных вопросов.

«Большие трудности тогдашнего футбольного движения были связаны с инвентарем» [2]. Футбольные ворота изготавливались на средства, собранные для этой цели на собраниях игроков. Долгое время на воротах отсутствовала специальная сетка (впервые сетки появились в 1916 г.). Форма игроков (обувь, гетры, футболки и трусы) по большей части изготавливалась в местных пошивочных и сапожных мастерских. Цены на фабричную форму были очень высоки и не всем по карману. К тому же купить ее можно было только в крупных городах: Москве, Харькове, Киеве, Санкт-Петербурге [6]. Основной футбольный снаряд (мяч) был предметом очень дорогим – 5-6 рублей, сумма по тем временам немалая [8]. Деньги на мячи собирались игроками вскладчину. Позже умелые сапожники из специальной каучуковой камеры научились выкраивать кожаные заготовки и шить приемлемые для игры в футбол сферы со шнуровкой.

Плац военного лагеря за Херсонскими воротами в вечерние часы являлся местом тренировок и матчей футболистов – «херсонцев» и «Кружка любителей спорта». Преданные спорту: братья Гушины, братья Аникеевы, Николенко, Краснопольский, братья Буцинские и другие – организовали товарищеский кружок, где могла заниматься футболом местная мо-

лодѣжь, будущая смена «херсонцев». Капитаном команды избрали А. Гущина. Позже кружку удалось приобрести вскладчину подержанный мяч. Во время тренировок этот мяч лопался по швам, иногда случался разрыв камеры. Игра прекращалась, здесь же происходил ремонт покрышки, а если нужно, то и камеры. Новый мяч стоил дорого, денег на его покупку не было. Ежедневные тренировки, зачастую дважды в день утром и вечером, привели к тому, что подрастающее поколение неплохо освоило технику владения мячом (удары, обводка, пасы). Зачастую в футбол играли, не считаясь со временем, пока не надоест или не стемнеет, без отдыха и перемены ворот в игре.

В целом в 1912 г. в Курской губернии существовало несколько спортивных обществ и кружков, где особой любовью пользовался футбол.

Футбол был популярен не только в губернском городе Курске, но и в уездных городах Курской губернии. Так в городе Рыльске организовали общество под названием «Рыльский лаун-теннис-клуб» (РЛ-ТК), устав которого был утвержден 5 июня 1912 г. Это спортивное общество занималось преимущественно гимнастикой и спортивной игрой в футбол. «Рыльск и его окрестности позволяли наслаждаться физической культурой. И жители знали цену всему тому раздолью и потехе в виде физических упражнений» [1].

В начале 1912 г. после долгих переговоров с местными спортсменами удалось объединиться в одну организацию. Решено было первое время культивировать преимущественно футбол. Общество получило название «Кружка рыльских футболистов». Кружок состоял из двух команд: в одну, основную, вошли жители города Рыльска, в другую – приезжие, осевшие здесь на жительство. Кружок не имел официального, легального статуса и денежных средств, поэтому расходы по переезду по железной дороге, питание, экипировка являлись весьма затрудни-

тельны для футболистов. Не было и меценатов, покровителей спорта, которые согласились бы субсидировать поездки команды.

Со временем благодаря усиленной тренировке «Кружок рыльских футболистов», состоявший в основном из студентов, гимназистов, реалистов, стал довольно сыгранной командой и даже отважился на междугородные соревнования. Так, в Рыльске состоялся матч кружка со сборной командой города Суджи Курской губернии. В конце июля «Кружок рыльских футболистов» «...пригласил к себе на состязание команду «Курского клуба любителей спорта». Постепенно Рыльский кружок стал расширять круг своей деятельности, заниматься «другими видами спорта, устраивать у себя ещё несколько междугородних матчей» [9].

Футбол в уездном Рыльске динамично развивался. Газета «Курская быль» писала, что «22 июня 1914 года на поле “Рыльского лаун-теннис-клуба” состоялся футбольный матч между первыми командами “РЛ-ТК” и кружка “Волна”. Матч закончился в пользу “РЛ – ТК” со счетом 3:0. В составе команды “РЛ-ТК” выступали: вратарь – Шпаков, беки – Н. Ренфельд и В. Соколов, хавбеки – В. Ренфельд, Л. Левицкий, С. Марков, форварды – А. Каменев, И. Иевлев, П. Левитский, С. Дерюгин, К. Дерюгин.

За кружок “Волна” выступали игроки: вратарь – Бондарь, беки – Квашнин, Лепетнев, хавбеки – Вознесенский, Л. Лукашев, Ренков, форварды – Малышев, Галкин, Л. Дерюгин, Кажевников, Юрьев» [10; 11].

За короткий период времени в Рыльске свое развитие получили отдельные виды спорта, такие как лаун-теннис, футбол, легкая атлетика, плавание. В городе начало спортивному движению положил «Лаун-теннис-клуб».

Так было до 1914 г. В августе 1914 г. разразилась Первая мировая война, разрушившая мирную жизнь страны и за-

глушившая ростки спортивной жизни в Курской губернии.

Выводы

Проведённый нами анализ архивных и иных документов, связанных со становлением и развитием футбола Курской губернии в конце XIX – начале XX в., позволил сделать следующие выводы.

Годом официального рождения футбола в Курской губернии можно считать 1911 г., т. к. именно в данный исторический отрезок времени любительские футбольные игры учащейся молодёжи города Курска постепенно преобразовались в организованные матчи сформированных команд и кружков, именовавшихся «херсонскими», «бородинскими», «сеймскими», «ямскими». В состав команд-кружков, кроме гимназистов и реалистов, входили служащие управления МКВжд, городского банка, студенты-каникуляристы. Таким образом, к любителям футбола добавились команды, именовавшиеся «управленцами» и «банковцами». К 1912 г. в Курской губернии существовало не-

сколько обществ и кружков, где особой популярностью пользовался футбол.

Ведущая роль в становлении и развитии футбола в Курской губернии принадлежит таким талантливым организаторам-спортсменам, как А. Гушин, Гайкович, Литвинов, братья В. и Д. Дегтярёвы, П. Н. Дёжкин, Н. Ефимов. Именно они сумели сформировать, сплотить и обучить игре первые футбольные команды Курска.

Трудности спортсменов-футболистов возникали в связи с острой нехваткой и дороговизной специального футбольного инвентаря. Но местные умельцы выручали футболистов, изготавливая форму игроков и мячи-сферы в пошивочных и сапожных мастерских.

Большой вклад в становление и развитие футбольного движения в Курской губернии принадлежит «Рыльскому лаунтеннис-клубу», на базе которого организовался «Кружок рыльских футболистов». Его участники устраивали на своей площадке не только матчи местных игроков, но и приглашали иногородние команды, а также провели несколько международных матчей.

Список литературы

1. Бугров Ю. А. История спорта Курского края. Книга 1 // Библиотека Бугрова. Курск? 2015. 202 с.
2. Василиади И. Футбол Соловьёного края. История, люди, события. Курск: Изд-во «Хорошие новости», 2007. 319 с.
3. Курская быль. 1911. 30 апреля.
4. Ключков А. В. Физкультура и спорт в Курске за 40 лет (Очерки по истории развития физической культуры и спорта за 1917–1957 гг.). Курск: Курское кн. изд-во, 1958. 71 с.
5. Курская газета. 1912. № 26.
6. Столбов В. В. История физической культуры. М.: Физкультура и спорт, 1983. 288 с.
7. Курская быль. 1914. № 11.
8. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Финансовое положение в физкультурно-спортивной работе в 1919–1929 годах (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 6. С. 269–277.
9. К спорту. 1912. № 34.
10. Курская быль. № 143. 1914.
11. Футболист. 1914. № 27.

References

1. Bugrov Yu. A. Istoriya sporta Kurskogo kraya. Kniga 1 [History of sports in the Kursk Region. Book 1]. Biblioteka Bugrova [Bugrov Library]. Kursk, 2015. 202 p.
2. Vasiliadi I. Futbol Solov'inogo kraya. Istoriya, lyudi, sobytiya [Football of the Nightingale region. History, people, events]. Kursk, Horoshie novosti Publ., 2007. 319 p.
3. *Kurskaya byl' = Kursk byl*, 1911, April 30.
4. Klochkov A. V. Fizkul'tura i sport v Kurske za 40 let (Ocherki po istorii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta za 1917–1957 gg.) [Physical culture and sports in Kursk for 40 years (Essays on the history of the development of physical culture and sports for 1917-1957)]. Kursk, Kurskoe kn. izd-vo, 1958. 71 p.
5. *Kurskaya gazeta = Kurs Newspaper*, 1912, no. 26.
6. Stolbov V. V. Istoriya fizicheskoy kul'tury [History of physical culture]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1983. 288 p.
7. *Kurskaya byl' = Kursk byl*, 1914, no. 11.
8. Cukanova O. M., Karpova G. G. Finansovoe polozhenie v fizkul'turno-sportivnoj rabote v 1919–1929 godah (na primere Kurskoj gubernii) [Financial situation in physical culture and sports work in 1919-1929 (on the example of the Kursk province)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 6, pp. 269–277.
9. *K sportu = To sports*, 1912, no. 34.
10. *Kurskaya byl' = Kursk byl*, 1914, no. 143.
11. *Futbolist = Football player*, 1914, no. 27.

Информация об авторах / Information about the Authors

Цуканова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Olga M. Tsukanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Карпова Галина Гельевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8957-9551

Galina G. Karpova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8957-9551

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

**М. М. Сперанский и его мировоззрение: штрихи к портрету
государственного деятеля****О. В. Козлова¹, Д. Н. Христенко** ✉

¹ Ярославский государственный медицинский университет
ул. Чкалова 6, г. Ярославль 150054, Российская Федерация

✉ e-mail: khristenko1983@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время представляется актуальным рассмотрение истории формирования российского законодательства. Остается без однозначной оценки проблема возникновения либеральных идей в России. Осмысление М. М. Сперанским прав и свобод граждан имеет большое значение для современной эпохи.

Цель – показать отличие взглядов М. М. Сперанского от западноевропейской либеральной доктрины.

Задачи: проанализировать дискуссию относительно проблемы появления либеральных идей в России; определить концепцию Сперанского как доктрину консервативного либерализма; выявить гуманистическую направленность его концепции.

Методология. Методологической основой статьи является диалектический метод, системный анализ, культурологический и феноменологический подходы, позволяющие оценить вклад и значение концепции М. М. Сперанского в развитие российской общественной мысли.

Результаты. Показано, что М. М. Сперанский ввел в систему либерализма гуманистическую традицию. Впервые представлены мысли Сперанского по поводу высшей свободы. Именно высшие идеалы и смирение определяют самую высокую степень свободы. И эта свобода возможна только на основе воли и разума. Такие категории, как стремление к добру, истина и «совершенное право», составляющие основу воли человека, и определяют высшую свободу гражданина. Отсюда берет начало и учение Сперанского о добре, являющееся теоретическим фундаментом его политической философии.

Выводы. В результате исследования установлены отличия российского либерализма от западноевропейского: 1) определение гуманистической основы либерализма, которую М. М. Сперанский раскрыл через разработку всеобъемлющей религиозно-философской концепции свободы; 2) источником определения свободы в российской либеральной традиции становится «мистическое чувство» и безосновные начала познания: поиск «непостижимого»; именно этот вектор познавательной деятельности детерминирует формирование либеральных идей в России; 3) отличительной чертой российского либерализма представляется консервативность взглядов его основных идеологов, что позволяет определить российский либерализм как консервативный либерализм; 4) подведение морально-этической основы под либеральную доктрину.

Ключевые слова: свобода; либерализм; государство; реформы; монархия; человек; гражданин; общество.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Козлова О. В., Христенко Д. Н. М. М. Сперанский и его мировоззрение: штрихи к портрету государственного деятеля // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 155–165.

Поступила в редакцию 30.01.2021

Принята к публикации 11.03.2021

Опубликована 26.04.2021

© Козлова О. В., Христенко Д. Н., 2021

M. M. Speransky and his Worldview: Touches to the Portrait of a Statesman

Olga V. Kozlova¹, Dmitrii N. Khristenko ✉

¹Yaroslavl State Medical University

Chkalova str. 6, Yaroslavl 150054, Russian Federation

✉ e-mail: khristenko1983@mail.ru

Abstract

Relevance. In modern conditions, it seems relevant to consider the history of the formation of Russian legislation. Now the question of the historical roots of liberalism is debatable. The problem of the birth of liberal ideas in Russia now remains without an unambiguous assessment. A study of Speransky's views is necessary to distinguish between Russian and European liberalism. M. Speransky's understanding of the rights and freedoms of citizens is also important for the modern era.

The purpose of this work is to show the difference of Speransky's views from the European liberal doctrine.

The objectives of the study are to analyze the discussion on the problem of the emergence of liberal ideas in Russia; define Speransky's concept as a doctrine of conservative liberalism; to reveal the humanistic orientation of his concept.

Methodology. The methodological basis of the article is the dialectical method, system analysis, culturological and phenomenological approaches, which make it possible to assess the contribution and significance of Speransky's concept to the development of Russian social thought.

Results. It is shown that M.M. Speransky introduced the humanistic tradition into the system of liberalism. For the first time, Speransky's thoughts about the "Highest Liberty" are presented. Striving for good, truth, perfect law is the basis of human will, they make this Highest Liberty real. This is the origin of Speransky's doctrine of good, which is the theoretical foundation of his concept.

Conclusions. The study established the differences between Russian liberalism and European: 1) defining the humanistic basis of liberalism; 2) The source of the definition of Liberty in the Russian liberal tradition is the "mystical feeling" and the baseless principles of cognition: the search for the "incomprehensible" conditions for the movement of activity from necessity to liberty; 3) defined Russian liberalism as conservative liberalism; 4) Speransky summed up the moral and ethical foundations for the liberal doctrine.

Keywords: liberty; liberalism; state; reforms; monarchy; person; citizen; society.

Conflict of interest: The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kozlova O. V., Khristenko D. N. M. M. Speransky and his Worldview: Touches to the Portrait of a Statesman. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 155–165. (In Russ.)

Received 30.01.2021

Accepted 11.03.2021

Published 20.04.2021

Введение

В современном мире особое значение приобретает исторический опыт прошлых эпох. Зарождение либерализма на рубеже XVII–XVIII вв. в нашей стране было связано с активизацией мыслительного процесса передовых деятелей страны, которые желали процветания своей Родине. В это время складывается особое понимание роли и значения государ-

ственных институтов, влияющих на развитие российского общества. Особенность формирования либеральной мысли в России заключалась в ее отличном от европейских государств историческом пути. Либерализм в Европе традиционно имел более значительную социальную поддержку, чем в нашей стране. Более устойчивые политические основания либеральной идеологии на Западе, карди-

нально отличавшиеся от отечественной действительности, вызывали острую рефлексию наиболее прогрессивных деятелей нашей страны.

В отличие от Европы для российской монархии было изначально характерно преобладание роли государства в системе определения и формирования законодательства и внутреннего устройства страны. Исходя из этого, история становления либеральной мысли в Российской империи всегда была связана с контролем со стороны государства. Дополнительными ослабляющими факторами отечественной либеральной традиции являлись: во-первых, крепостное право; во-вторых, статус общины, цементирующей консервативные ценности; в-третьих, незначительный вес буржуазии в социальной структуре общества.

Методология

Методологической основой исследования выступают принципы историко-философского системно-структурного анализа, культурологический и феноменологический подходы. В данном исследовании эти принципы составляют подвижное единство, подчиняются законам адекватного раскрытия процесса формирования либеральных идей в русской общественной мысли. Это означает, что относительно мыслителей России XIX в. определение специфики их воззрений возможно не только через призму «национального фактора», но и через аспекты общего, интернационального процесса.

В этом плане важно обратить внимание на тот факт, что диалектика свободы создает условия для понимания источника и направления человеческого прогресса. Более того, через анализ этой диалектики возникает возможность выявления роли субъективного фактора в развитии человеческого общества.

Результаты и их обсуждение

Феномен либеральной традиции, сформировавшейся на русской почве, вызывает в научной среде дискуссию. За-

служивает внимания историографический обзор К. И. Шрейдера [1, с. 177–187], однако он начинает рассмотрение историографии только с 1950-х гг. А. Д. Никотин видит первые ростки отечественного либерализма даже ранее петровских преобразований. По его мнению, С. Полоцкого, Ю. Крижанича, В. Н. Татищева можно назвать первыми либералами, которые прикрывались теологическим мировоззрением [2, с. 40–41]. Наоборот, П. С. Шкуринов относит появление либеральных идей ко времени Петра I, при этом указывая, что именно в эту эпоху наметился переход общества к капитализму [3].

В свою очередь Н. С. Розов рассуждает об увлечении «европейством» в период Петра I, которое дает толчок развитию либерализма [4, с. 26]. Это же мнение разделяет Т. Г. Масарик, отмечая, что Россия явилась убежищем либеральных идей в данную эпоху [5, с. 24].

Либерализация европейского общества, с одной стороны, и сохраняющийся деспотизм самодержавия в России – с другой, приводит Е. А. Шаскольскую к мысли об отставании нашей страны от государств Европы на цивилизационном уровне. Она рассматривает реформы XVII в. как проявление реализации династией Романовых планов достижения паритетных основ развития России в либеральном направлении [6, с. 145].

В этом контексте С. А. Ланцов пытается развенчать мнения, ищущие общие основания у процессов либерализации и модернизации общества. Он обращает внимание и на отрицательные явления модернизации, тяготеющей к тоталитаризму [7, с. 100–107].

В. О. Ключевский относит появление реформаторских идей к правлению Алексея Михайловича, подчеркивая своеобразие российской истории, где имела место неразрывность планов преобразований с военно-политическими, финансовыми и социальными проблемами [8, с. 453]. Иной позиции придерживался В. В. Леонтович, который писал о тождественности россий-

ского и европейского либерализма, связанной со слепым копированием западноевропейских образцов [9, с. 47].

В свою очередь Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская ставят во главу угла просвещенный абсолютизм Екатерины II, считая именно абсолютизм источником либеральных идей [10, с. 126]. Аналогичное мнение высказывают А. К. Голиков и С. Л. Гоготов, которые также делают акцент на прогрессивности взглядов Екатерины II [11, с. 15–23].

Новый этап в историографии начинается с книги А. Ф. Замалеева и И. Д. Осипова «Русская политология: обзор основных направлений». В ней доказывается, что либеральная традиция берет свое начало не ранее царствования Александра I. Ведущую роль, по их мнению, сыграл в это время М. М. Сперанский, который связывал социальные преобразования со свободой и нравственностью человека [12, с. 127–128].

В силу этого необходимо обратить особое внимание на личность М. М. Сперанского как ведущего государственного деятеля. Не случайно великий русский поэт А. С. Пушкин назвал его «гением Блага» [13, с. 182].

Разработав в начале XIX в. проекты реформ государственного управления, М. М. Сперанский способствовал возникновению нового принципа осуществления полномочий императора, выдвинув идею разделения государственной системы на три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. При этом предложения М. М. Сперанского, как подчеркивают исследователи, всегда строились с учетом исторического опыта своей страны, внимания к обычаям и нравам народа [14, с. 119].

Реформы Сперанского охватывали главные вопросы, которые находились в центре внимания образованного общества. Среди них можно выделить: во-первых, тему улучшения социального порядка в рамках существующей монархической системы (А. Г. Воронцов [15],

В. Ф. Малиновский [16]); во-вторых, критику взглядов французских просветителей, включая и Монтескье, о республике как наилучшей форме правления; однако обосновывая важность «реформ сверху», М. М. Сперанский отмечал, что только при правлении монарха может быть снижена опасность кровопролитных внутренних смутений [17, с. 42]; в-третьих, необходимость разработки стройного законодательства для Российской империи; в-четвертых, важность прав и свобод населения как гарантия от скатывания Отечества к деспотизму.

Выдвижение личности М. М. Сперанского как ведущего мыслителя начала XIX в. в России фиксировалось и иностранцами, которые восхищались им как самой прогрессивной личностью при императорском дворе. И не случайно ведь взгляды Сперанского формировались под влиянием французских просветителей (Монтескье, Вольтера, Дидро). Некоторое влияние на Сперанского оказали немецкие философы: Шеллинг, Кант, Фихте. Это привлекало к нему внимание ведущих европейских общественных деятелей. Так, известный швейцарский писатель Этьенн Дюмон, издатель трудов Иеремии Бенета, специально встречался со Сперанским, обсуждая необходимость модернизации страны и исправления русских законов [18, с. 125].

Необходимо отметить, что М. М. Сперанский особенно подчеркивал рационалистические особенности государства, понимая под этим, что монарх на основе рационального мышления способен к благожелательному переустройству государственного аппарата. Исходя из этого, вытекает убеждение Сперанского в возможности «реформ сверху». Д. П. Рунич отмечал, что, пытаясь реализовать свои идеи управления государством, Сперанский активно привлекал, фактически наполнил ключевые министерства учеными людьми [19, с. 353–354].

Взгляды М. М. Сперанского на чело- века и общество наиболее актуальны для

нашего времени. Мыслитель рассматривал «человека вообще» не изолированно, а с учетом всей совокупности связей и отношений. Мыслитель говорит о предназначении человека жить среди людей, о разуме, который ограничит силу страстей: «...часто мы приходим к сердцу через ум, а к уму через сердце... говорить уму можно без посредства сердца» [20, с. 11]. Человек, по убеждению мыслителя, не есть «существо установленное», но «находящееся в прогрессе». Как существо природное он должен производить, потреблять, воспроизводить себя. Как существо духовное – стремиться к обузданию страстей, т. е. к свободе: «часто страсть начинается потрясением ума, и отсюда перемещается в сердце, яко единственное свое вместилище» [20, с. 13]. Самая высокая свобода – власть над собой. Естественная свобода – свобода падения, способность углубляться в зверское состояние: «...ваша вина, что не умели дать сердцу его никакого потрясения... В дали, во мраке, поставьте чудовище, грызущее собственное чрево, изрыгающее из себя с желчью яд, окруженное досадами, раскаянием, муками... Заставьте только смотреть... и чье сердце не вострепещет при сем виде, назовите его смело жестоким» [20, с. 12–13]. Исходя из этого, мы видим, что исходным толчком движения познания от несвободы к свободе в русской философской традиции является мистическое чувство. Как существо телесное, человек всегда раб своих желаний. «Счастлив, кто знает характер своей страсти, и умеет так избирать свои предметы, что всегда она находит в них свое естественное место без принуждения и натяжки...» [20, с. 29]. Свободен человек лишь как духовное существо, выбирая долг помочь другому человеку ценой свободы: «...способность поставить себя на место других, есть, может быть, и истинным началом всех наших нравственных добродетелей» [20, с. 29].

Для европейской либеральной общественной мысли процесс взаимопревращения несвободы в свободу предполагает деятельность человеческого разума, посредством которого реализуется процесс познания. Движение познания, исходным моментом которого является мистическое чувство, для европейской общественной мысли Ж. Бодрийяр назвал «фатальной стратегией»: «Мы достигнем изощренных форм радикализации скрытых качеств и будем бороться с общенностью¹ ее же оружием. Более истинному, чем истина, мы противопоставим более ложное, чем ложь. Мы не будем противопоставлять прекрасное и безобразное, мы отыщем более безобразное, чем сама безобразность: чудовищное. Мы не будем противопоставлять явное тайному, мы отыщем более тайное, чем сама тайна: непостижимое» [21, с. 8].

Важнейшей работой, где наиболее полно изложены социально-политические взгляды мыслителя, является произведение «Еще нечто о свободе и рабстве» (1802) [22, с. 83–85]. В этой работе реформатор задается вопросом о границах свободы подданных в государстве. М. М. Сперанский не хотел для подданных своей Родины никаких стеснений свободы и выступал за расширение свободы выбора: как в общественной, так и в частной жизни. Человек, по его мнению, не имеет права обвинять других людей за свои неблагоприятные поступки. А любое стеснение индивидуальной свободы мыслилось им только в плане законодательного ограничения. Именно закон должен трансформироваться в сознании человека в нравственный принцип, в продукт свободы; восприниматься подданным, и как обычай, и как предание [22, с. 83–85]. В этой связи реформирование Государственного совета представлялось мысли-

¹ Общенность в работах Ж. Бодрийяра означает не только «непристойный» или «неприличный»: он обыгрывает в этом термине еще и слово «сцена», т. е. отсутствие сцены, неуместность.

телю источником расширения не только полномочий высшего класса дворянства, но и тем «священным Граалем» законодательной свободы для подданных, который сделает их жизнь лучше. Поэтому нельзя согласиться с мнением Л. Ф. Писарьковой, которая пишет о том, что при реализации планов Сперанского относительно деятельности Государственного Совета могла бы образоваться пропасть между деятельностью Совета до и после реформы 1810 г. [23, с. 129]

Переходя к рассмотрению проблемы ответственности человека, реформатор указывает на то, что ответственность есть обратная сторона «свободы выбора» – прежде всего нравственных и политических ценностей [22, с. 83–85]. Будучи в ссылке в Пензе, мыслитель размышлял о последовательности расширения свобод в государстве. На первое место он ставил политическую свободу (участие всех классов населения в работе законодательной власти), затем должна следовать гражданская свобода – освобождение крестьян [24, с. 341–345], а реализация свободы связывалась им с законодательной основой.

Однако мыслитель пытался ввести и моральные основы, разграничивающие права различных категорий подданных. Народ рабочий, ремесленники, домашние слуги, поденщики не обладают достаточным разумом, чтобы участвовать в законодательных органах [25, с. 188]. Нация, отмечал М. М. Сперанский, должна претерпевать незаметные изменения, поэтому он отрицал стремительное реформирование законодательства, а призывал к постепенности и последовательности проведения преобразований и считал, что новая законодательная система должна возводиться на основе закона, на «столпах разума» и в тени существующего управленческого аппарата [26, с. 66]. Именно независимое положение в обществе всех сословных групп и определяло, по его мнению, гражданскую свободу, которая составляет «первое и неотъемле-

мое достояние всякого человека, входящего в состав общества» [25, с. 179].

Далее М. М. Сперанский обосновывает категории политического и гражданского рабства. При политическом рабстве законом для всех подданных является воля одного. Гражданское рабство представляется реформатором в виде социального порядка, где один класс зависит от другого. «Права гражданские должны быть основаны на правах политических, точно так же, как и закон гражданский не может быть тверд без закона политического» [25, с. 148].

Крепостничество реформатор осуждал всегда, считая его несовместимым с цивилизованной государственностью, поэтому Сперанский категорически отрицал принуждение к труду, которое является следствием произвола. «...Возможность действовать по произволу обращает к закону, а единообразное движение по направлению закона дает государю удобность наблюдать за исполнением его, видеть и направлять отступления», – говорил он [27, с. 68–69]. А. И. Христофоров в этой связи показывает, что для государства, в понимании Сперанского, имущественное расслоение среди крестьянства является естественным и полезным процессом [28, с. 30–31].

Примечательными являются и мысли Сперанского по поводу высшей свободы. Именно высшие идеалы и смирение определяют самую высокую степень свободы. И эта свобода возможна только на основе воли и разума. Такие категории как стремление к добру, истина и «совершенное право», составляющие основу воли человека, и определяют высшую свободу гражданина. Отсюда берет начало и учение Сперанского о добре, являющееся теоретическим фундаментом его политической философии. Концепция добра как раз и обобщает его представления о нравственности. К нравственным качествам человека мыслитель относит способность к раскаянию, искренность, терпеливость, бесстрашие, самооблада-

ние, обязательность и способность совершать жертвования. Свобода личности проявляется через осуществление выбора между добром и злом на основе понимания добра как абсолютной ценности и цели существования индивида. «Нравственность каждого деяния есть не что иное, как направление его в ту или другую сторону, и мера склонения воли к добру совершенному» [29, с. 780].

Осуществление свободы происходит через реализацию промежуточной «ценности – пользы», которую устанавливает разум. Критерием промежуточной ценности является способ реализации человеком добра, приводящий к духовному совершенствованию. Следовательно, Сперанский выделяет три вида свободы: 1) «свобода совершенная, от принуждения физического», 2) «свобода от побуждений чувственных посредством разума», 3) «третий вид свободы есть свобода от побуждений самого разума» [29, с. 781]. Однако абсолютная свобода предполагает и наличие определенных пределов для личности в процессе трансформации окружающего мира. Эти пределы представлены мыслителем в виде молитвы, искоренения самолюбия, подчинения телесности духовному началу, самосовершенствования, ответственности человека за свои действия. Осознание этих пределов гражданином и есть, согласно концепции реформатора, определение нравственного закона и политического законодательства.

Выводы

Подводя итоги, необходимо констатировать, что М. М. Сперанский ввел в систему либерализма гуманистическую традицию отечественной общественной мысли. Абстрактно-всеобщие формулы европейского либерализма: о свободе совести, независимости суда, презумпции невиновности, незыблемости частной собственности – были для него лишь отправной точкой размышлений. Это первое, основное отличие европейского ли-

берализма от доктрины Сперанского. Вкладом М. М. Сперанского является определение нравственной основы либерализма, которую он раскрыл через разработку всеобъемлющей религиозно-философской концепции свободы.

В российской традиции развития либеральной общественной мысли большое значение имеет поиск источников определения свободы. И таким источником становится «мистическое чувство» и базисные начала познания: поиск «непостижимого». Именно этот вектор познавательной деятельности детерминирует формирование либеральных идей в России и различные формы преодоления не-свободы мыслящим человеком, а также является вторым существенным отличием доктрины Сперанского от европейской либеральной концепции.

Третьей отличительной чертой российского либерализма явилась тенденция эволюции российского либерализма, которая начинается с консервативной тенденции и заканчивается радикальными выпадами. Именно представителем консервативного либерализма, или его еще принято называть «христианский либерализм», и является М. М. Сперанский. Не случайно доктрина консервативного либерализма дает возможность реформаторам балансировать на грани консерватизма и либерализма, при этом твердо отстаивать устои самодержавия. Несомненно, путь постепенных реформ и взгляды Сперанского убеждают нас в этом.

Четвертым отличием российского консервативного либерализма является подведение морально-этической основы под либеральную доктрину. И это показывает консерватизм самой сущности российского либерализма эпохи М. М. Сперанского, т. к. сама мораль есть самый консервативный институт человеческого общества. Моральные установки незыблемы, как и самодержавие.

При рассмотрении концепции Сперанского возникают условия, позволяю-

щие выявить новые, дотоле не входящие в оборот философские характеристики содержания категории свободы. При подобном подходе категория свободы, прежде всего, выступает как средство выявления новых гуманистических оснований либеральной доктрины. Использование подобного подхода является специфическим способом раскрытия содер-

жания консервативных аспектов либерализма, позитивное выявление которых в силу тех или иных причин не находит глубокого исследования. Гуманистические основы, выраженные через категорию справедливости и исконно русское понимание правды, и определяют личностное измерение консервативного либерализма М. М. Сперанского.

Список литературы

1. Шрейдер К. И. Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии // Российская история. 2010. № 4. С. 177–187.
2. Никотин А. Д. Либерализм и реформаторство в России: Взаимодействие парадигмы и практики: дис. ... канд. полит. наук. Волгоград, 1999. 200 с.
3. Шкуринов П. С. Философия в России XVIII века. М.: Высш. шк., 1992. 256 с.
4. Розов Н. С. Национальная идея как императив разума // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 13–28.
5. Масарик Т. Г. Либерализм (из книги «Россия и Европа») // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 118–131.
6. Шаскольская Е. А. История России IX–XX вв. СПб.: Образование – культура, 1995. 370 с.
7. Ланцов С. А. Тоталитаризм как форма модернизации России: генезис и результаты // Сфинкс. Петербургский философский журнал. 1994. № 2. С. 100–117.
8. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: в трех книгах. Книга вторая. М.: Мысль, 1995. 592 с.
9. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1917. М.: Русский путь, 1995. 548 с.
10. Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Идеиные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 124–135.
11. Голиков А. К., Гоготов С. Л. Личность, собственность, государство в социально-философской и политической концепции раннего русского либерализма второй половины XIX в. // Клио. 1997. № 3. С. 15–23.
12. Замалеев А. Ф., Осипов И. Д. Русская политология: обзор основных направлений. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 208 с.
13. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. X. 443 с.
14. Мезин С. А. Петр I, Лейбниц и Сперанский // Российская история. 2011. № 1. С. 115–120.
15. Воронцов А. Г. Записка о России нынешнего века, представленная императору Александру Павловичу по вступлении в должность государственного канцлера // Архив князя Воронцова. Т. 29. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1883. С. 451–470.
16. Малиновский В. Ф. Размышления о преобразении государственного устройства России // Избранные общественно-политические сочинения. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 170 с.
17. Сперанский М. М. О коренных законах государства // Сперанский М. М. Проекты и записки. М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1961. С. 28–55.

18. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. // *Голос минувшего*. 1913. № 4. С. 124–145.
19. Из записок Д. П. Рунича // *Русская старина*. 1901. № 1. С. 47–77.
20. Сперанский М. М. Правила высшего красноречия. СПб.: И. Ветринский, 1844. 216 с.
21. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 319 с.
22. Сперанский М. М. Еще нечто о свободе и рабстве // Сперанский М. М. Проекты и записки. М.-Л.: Изд-во Акад. наук, 1961. С. 83–85.
23. Писарькова Л. Ф. Непременный или государственный совет был в России в 1801–1809? // *Российская история*. 2008. № 5. С. 128–130.
24. Сперанский М. М. В Пензе // *Русская старина*. 1902. Т. 112, вып. 10–12. С. 341–345.
25. Сперанский М. М. Введение к Уложению государственных законов // Сперанский М. М. Проекты и записки. М.-Л.: Изд-во Акад. наук, 1961. С. 143–221.
26. Размышление о государственном устройстве империи // Сперанский М. М. Проекты и записки. М.-Л.: Изд-во Акад. наук, 1961. С. 56–67.
27. Примечания о Сенате // Сперанский М. М. Проекты и записки. М.-Л.: Изд-во Акад. наук, 1961. С. 67–75.
28. Христофоров И. А. От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства // *Российская история*. 2011. № 4. С. 27–43.
29. Сперанский М. М. Воля // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1878. СПб.: Изд. Императорской публичной б-ки, 1872. С. 779–790.

References

1. Shreider K. I. Rannii russkii liberalizm v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii [Early Russian liberalism in Russian and foreign historiography]. *Rossiiskaya istoriya = Russian history*, 2010, no. 4, pp. 177–187.
2. Nikotin A. D. Liberalizm i reformatorstvo v Rossii: Vzaimodeistvie paradigmy i praktiki. Diss. kand. polit. nauk. [Liberalism and Reformism in Russia: Interaction of Paradigm and Practice. Diss. cand. polit. sci.]. Volgograd, 1999. 200 p.
3. Shkurinov P. S. Filosofiya v Rossii XVIII veka [Philosophy in Russia in the 18th century]. Moscow, Vyshaya shkola Publ., 1992. 256 p.
4. Rozov N. S. Natsional'naya ideya kak imperativ razuma [The national idea as an imperative of reason]. *Voprosy filosofii = Philosophy questions*, 1997, no. 10, pp. 13–28.
5. Masarik T. G. Liberalizm (iz knigi «Rossiya i Evropa») [Liberalism (from the book "Russia and Europe")]. *Voprosy filosofii = Philosophy questions*, 1997, no. 10, pp. 118–131.
6. Shaskol'skaya E. A. Istoriya Rossii IX–XX vv. [History of Russia IX–XX centuries]. St. Petersburg, Obrazovanie - kull'tura Publ., 1995. 370 p.
7. Lantsov S. A. Totalitarizm kak forma modernizatsii Rossii: genezis i rezul'taty [Totalitarianism as a form of Russia's modernization: genesis and results]. *Sfinks. Peterburgskii filosofskii zhurnal = Sphinx. Petersburg philosophical journal*, 1994, no. 2, pp. 100–117.
8. Klyuchevskii V. O. Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii v trekh knigakh. Kniga vtoraya. [Russian history. A complete course of lectures in three books. Book two]. Moscow, Mysl' Publ., 1995. 592 p.

9. Leontovich V. V. *Istoriya liberalizma v Rossii. 1762–1917* [The history of liberalism in Russia. 1762–1917]. Moscow, Russkii put' Publ., 1995. 445 p.
10. Novikova L. I., Sizemskaya I. N. Ideinye istoki russkogo liberalizma [Ideological origins of Russian liberalism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*, 1993, no. 3, pp. 124–135.
11. Golikov A. K., Gogotov S. L. Lichnost', sobstvennost', gosudarstvo v sotsial'no-filosofskoi i politicheskoi kontseptsii rannego russkogo liberalizma vtoroi poloviny XIX v. [Personality, property, state in the socio-philosophical and political concept of early Russian liberalism in the second half of the 19th century]. *Klio = Clio*, 1997, no. 3, pp. 15–23.
12. Zamaleev A. F., Osipov I. D. *Russkaya politologiya: obzor osnovnykh napravlenii* [Russian political science: an overview of the main directions]. St. Petersburg, St. Petersburg univ. Publ., 1994. 208 p.
13. Pushkin A. S. *Sobr. Soch* [Collected works]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1977, vol. X. 443 p.
14. Mezin S. A. Petr I, Leibnits i Speranskii [Leibniz and Speransky]. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, 2011, no. 1, pp. 115–120.
15. Vorontsov A. G. Zapiska o Rossii nyneshnego veka, predstavlenaya imperatoru Aleksandru Pavlovichu po vstuplenii v dolzhnost' gosudarstvennogo kantslera [Note about Russia of the current century, presented to Emperor Alexander Pavlovich upon assuming the office of State Chancellor]. *Arkhiv knyazei Vorontsovykh = Archive of the Vorontsov Princes*. Moscow, Tip. A. I. Mamontova, 1883, pp. 451–470.
16. Malinovskii V. F. Razmyshleniya o preobrazhenii gosudarstvennogo ustroystva Rossii [Reflections on the transformation of the state structure of Russia]. *Izbrannye obshchestvenno-politicheskie sochineniya* [Selected socio-political writings]. Moscow, Acad. sci. Publ., 1958. 170 p.
17. Speranskii M. M. O korennykh zakonakh gosudarstva [On the fundamental laws of the state]. *Proekty i zapiski* [Projects and notes]. Moscow, Leningrad, Akad. nauk Publ., 1961, pp. 28–55.
18. Dnevnik Et'ena Dyumona ob ego priezde v Rossiyu v 1803 g. [Diary of Etienne Dumont about his arrival in Russia in 1803]. *Golos minuvshogo = Voice of the past*, 1913, no. 4, pp. 124–145.
19. Iz zapisok D. P. Runicha [From the notes of D. P. Runich]. *Russkaya starina = Russian Antiquity*, 1901, no. 1, pp. 47–77.
20. Speranskiy M. M. *Pravila vysshego krasnorechiya* [The rules of supreme eloquence]. St. Petersburg, I. Vetrinskii Publ., 1844. 216 p.
21. Bodriyar Zh. Fatal'nye strategii [Fatal strategies]. Moscow, Gruppya Kompanii "RIPOL klassik" / "Pangloss", 2019. 319 p.
22. Speranskiy M. M. Eshche nechto o svobode i rabstve [Something else about freedom and slavery]. *Proekty i zapiski* [Projects and notes]. Moscow, Leningrad, Akad. nauk Publ., 1961, pp. 83–85.
23. Pisar'kova L. F. Nepremennyi ili gosudarstvennyi sovet byl v Rossii v 1801–1809? [An indispensable or state council was in Russia in 1801–1809?]. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, 2008, no. 5, pp. 128–130.
24. Speranskiy M. M. v Penze [In Penza]. *Russkaya starina = Russian Antiquity*, 1902, vol. 112, is. 10–12, pp. 341–345.
25. Speranskiy M. M. *Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov* [Introduction to the Code of State laws]. *Proekty i zapiski* [Drafts and notes]. Moscow, Leningrad, Akad. nauk Publ., 1961, pp. 143–221.

26. Razmyshlenie o gosudarstvennom ustrojstve imperii [Reflection on the state structure of the empire]. *Proekty i zapiski* [Projects and notes]. Moscow, Leningrad, Akad. nauk Publ., 1961, pp. 56–67.

27. Primechaniya o Senate [Notes on the Senate]. *Proekty i zapiski* [Drafts and notes]. Moscow, Leningrad, Akad. nauk Publ., 1961, pp. 67–75.

28. Hristoforov I. A. Ot Speranskogo do Stolypina: krest'yanskaya reforma i problema zemleustrojstva [From Speransky to Stolypin: peasant reform and the problem of land management]. *Rossiyskaya istoriya = Russian History*, 2011, no. 4, pp. 27–43

29. Speranskij M. M. Volya [Volition]. V pamyat' grafa Mihaila Mihajlovicha Speranskogo. 1772–1878 [In memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1878]. St. Petersburg, Izd. Imperatorskoj publichnoj b-ki, 1872, pp. 779–790.

Информация об авторах / Information about the Authors

Козлова Ольга Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Российская Федерация
e-mail: Ol_v_k@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9999-2948

Olga V. Kozlova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy Department, Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russian Federation
e-mail: Ol_v_k@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9999-2948

Христенко Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Российская Федерация
e-mail: khristenko1983@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6221-8991

Dmitrii N. Khristenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy Department, Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russian Federation
e-mail: khristenko1983@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6221-8991

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.9

**Развитие трамвайной сети в областных центрах РСФСР
в 1965–1985 годах (на примере города Курска)****Д. М. Носов¹** ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Резюме

Актуальность. В настоящее время в городе Курске идут активные обсуждения сохранения городской трамвайной сети. В городе есть как противники трамвая, так и его ярые защитники. У обеих сторон достаточно весомые аргументы как в пользу сохранения этого важного внутригородского транспортного средства, так и резонные доводы о его ликвидации. Для ситуации, которая имела место быть в Курске в 1965–1985 годах, такой вопрос вообще не стоял: трамвай был важнейшим внутригородским средством передвижения. Во многом то положение, в котором находится курская трамвайная сеть в настоящее время, это результат ее эволюции и развития в исследуемые годы.

Цель – раскрыть основные этапы развития трамвайной сети города Курска в 1965–1985 годах.

Задачи: на основе изучения нескольких групп исторических источников показать, каким образом менялось отношение партийно-государственных органов власти к трамваю; проанализировать основные изменения в трамвайной сети, произошедшие в изучаемый период; выявить ключевые тенденции развития трамвая в Курске в 1965–1985 годах.

Методология. При написании работы автор опирался на основополагающие методы исторической науки (принципы историзма и объективности), а также на ряд конкретно-исторических и общенаучных методов (аналитический, сравнительно-исторический и пр.).

Результаты. На основе многоаспектного анализа обширного массива архивных источников удалось проследить основные этапы развития курского трамвая в 1965–1985 годах на пике его развития, когда трамвай был важнейшим видом городского транспорта.

Вывод. Опираясь на уже имеющийся в отечественной исторической науке историографический опыт, можно сделать вывод, что в 1960–1980-е годы трамвай переживал пик своего развития в городах РСФСР, и Курск в данном ряду не был исключением. Во многом существующие в настоящее время проблемы в развитии трамвайной сети города – это результат ошибок и просчетов, допущенных в исследованный период.

Ключевые слова: Курск; трамвай; трамвайная сеть; электротранспорт; пассажиропоток; общественный транспорт.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Носов Д. М. Развитие трамвайной сети в областных центрах РСФСР в 1965–1985 годах (на примере города Курска) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 166–174.

Поступила в редакцию 08.02.2021

Принята к публикации 12.03.2021

Опубликована 26.04.2021

© Носов Д. М., 2021

Development of the Tram Network in the Regional Centers of the RSFSR in 1965–1985 (on the Example of the City of Kursk)

Dmitry M. Nosov¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Abstract

Relevance. Currently, the city of Kursk is actively discussing the preservation of the city tram network. The city has both opponents of the tram and its ardent defenders. Both sides have quite weighty arguments both in favor of preserving this important intra-city vehicle, and reasonable arguments for its liquidation. For the situation that took place in Kursk in 1965–1985, this question did not arise at all: the tram was the most important means of transportation within the city. To a large extent, the current position of the Kursk tram network is the result of its evolution and development in the years under study.

The purpose. To reveal the main stages of the development of the tram network of the city of Kursk in 1965–1985.

Objectives: based on the study of several groups of historical sources, show how the attitude of the party and state authorities to the tram has changed; analyze the main changes in the tram network that occurred during the period under study; to identify key trends in the development of trams in Kursk in 1965–1985.

Methodology. When writing the work, the author relied on the fundamental methods of historical science (the principles of historicism and objectivity), as well as on a number of specific historical and general scientific methods (analytical, comparative historical, etc.).

Results. On the basis of a multifaceted analysis of an extensive array of archival sources, it was possible to trace the main stages of the development of the Kursk tram in 1965–1985. At the peak of its development, when the tram was the most important form of urban transport.

Conclusin. Based on the historiographic experience already available in Russian historical science, it can be concluded that in the 1960s–1980s. the tram was experiencing the peak of its development in the cities of the RSFSR, and Kursk was no exception in this row. In many ways, the current problems in the development of the city's tram network are the result of mistakes and miscalculations made during the period under study.

Keywords: Kursk; tram; tram network; electric transport; passenger traffic; public transport.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Nosov D. M. Development of the Tram Network in the Regional Centers of the RSFSR in 1965–1985 (on the Example of the City of Kursk). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 166–174. (In Russ.)

Received 08.02.2021

Accepted 12.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

Эволюция трамвайного движения в России и за рубежом как наиболее экологичного вида электрического транспорта в современных условиях вызывает интерес специалистов, общественников и исследователей-историков [1, с. 612]. Курская трамвайная сеть является старейшей

в городе сетью общественного транспорта [2, с. 135–143]. Своими корнями она уходит в конец XIX века и за почти 123 года своего существования претерпела немало изменений. В последние годы идут активные споры о ее дальнейшей судьбе, но в настоящее время областные власти все же склоняются к решению о сохранении этого важного транспортного

средства для города Курска¹. Отчасти современное состояние трамвайной сети – это наследие, оставленное от периода его наиболее интенсивного развития (1960–80-е гг.). Именно разбору основных направлений развития этого важнейшего для городской среды вида транспорта в обозначенный выше период и посвящена настоящая работа.

Методология

Комплекс научных методов и принципов, использованных нами при написании настоящей работы, позволил решить все поставленные задачи. Помимо использования традиционных методологических принципов (объективность и принцип историзма) нами активно привлекался как общенаучный (аналитический метод, индуктивно-дедуктивный), так и специально-исторический инструментарий (сравнительно-исторический метод).

Результаты и их обсуждение

К началу исследуемого периода трамвайная сеть города была наиболее развитой сетью общественного транспорта города Курска. Итоги финансовой деятельности управления трамвая за 1964 г. вполне подтверждают настоящий тезис. При этом в ее развитии сохранялись определенные проблемы: план пассажироперевозок был выполнен только на 98,9%, из-за чего городской бюджет недополучил 81,0 тыс. рублей; имелись многочисленные факты поломок подвижного состава, которые привели к вынужденным простоям; управление не в должной мере следило за состоянием остановок и пр. [3, д. 751, л. 70–72] Подобные тенденции были свойственны и для многих других городов, в которых развивалась трамвайная сеть: Воронеже

[4, с. 147–148; 5, с. 368], Ульяновске [6, с. 129–135], Новосибирске [7, с. 89].

Тем не менее на начало 1965 г. курская трамвайная сеть имела 58,6 км трамвайных путей, 5 преобразовательных подстанций мощностью 6,6 тыс. кВт и 136 единиц подвижного состава, из которых 46 двухосных пассажирских вагонов, 75 четырехосных и 15 спецвагонов, и функционировало одно трамвайное депо (Северное, ул. Карла Маркса, 6) и строилось еще одно (Южное, район КЗТЗ). Только за четыре месяца 1965 г. общий пробег вагонов составил 2 431,7 тыс. вагонокилометров, а пассажиропоток составил 22 039 тыс. пассажиров. При этом в городе функционировало пять трамвайных маршрутов, связывавших основные районы и промышленные предприятия областного центра:

- маршрут № 1 «Хлебзавод – Автостанция», ежедневно на маршруте курсировали 8 вагонов с интервалом в 6 минут;
- маршрут № 2 «Железнодорожный вокзал – Автостанция», на маршрут подавались по 12 вагонов в день с интервалом движения в 6 минут;
- маршрут № 3 «Хлебзавод – пос. Волокно», ежедневно на маршруте работали 12 вагонов, интервал – 12 минут;
- маршрут № 4 «пос. Волокно – КЗТЗ», 8 вагонов на маршруте ежедневно, интервал – 12 минут;
- маршрут № 5 «ул. Верхняя Луговая – пос. Волокно», ежедневно по маршруту курсировал 41 вагон с интервалом в 6 минут.

Еще 20 вагонов находились в резерве и выпускались на маршруты в часы-пик и в ночное время: режим работы различных маршрутов курского трамвая – с 4 часов утра до 2 часов 15 минут ночи следующего дня. В общегородской системе общественного транспорта, состоящей из трамваев и автобусов, на первые приходилось 71,4% пассажиропотока города [3, д. 769, л. 15–17].

Как мы можем видеть, самые востребованные маршруты проходили через

¹ Роман Старовойт определил судьбу курского трамвая. Kursktv.ru. URL: <https://kursktv.ru/38988> (дата обращения: 02.02.2021).

наиболее оживленные, «деловые» районы города (ул. Ленина, Центральный рынок, ул. Дзержинского), а также соединяли крупнейшие предприятия и вокзалы, тем самым формируя основные транспортные артерии областного центра. Именно на обслуживание пассажиропотока между важнейшими узловыми точками и было направлено дальнейшее развитие трамвайной сети города.

Так, для улучшения обслуживания жителей района КЗТЗ в июле 1965 г. было открыто Южное трамвайное депо, которое значительно облегчило обслуживание трамвайных маршрутов, проходящих через район КЗТЗ.

Для улучшения транспортного обслуживания жителей бывших Казацкой и Пушкарной слобод города Курска в 1965–1967 гг. была построена новая трамвайная линия, которая связала Северное трамвайное депо и Северный рынок с трамвайным кольцом, расположенным на пересечении ул. Запольной и ул. Верхней Луговой. Строительство этой линии существенно разгрузило центр города и улучшило транспортное снабжение двух крупных жилых районов, хотя его строительство было существенным образом затянато [3, д. 769, л. 90; д. 800, л. 218–219]. Неоднократно Курский горисполком отмечал в своих решениях о необходимости ускорения строительства этой линии: его темпы существенно тормозил тот факт, что новая линия пролегла через жилые кварталы ул. 1-й Пушкарной, и многие дома необходимо было снести, а людей расселить [3, д. 823, л. 265–266; д. 824, л. 90–91]. Но несмотря на эти трудности 3 ноября 1967 г. движение трамваев по новой линии было начато [3, д. 824, л. 321–322].

Ввод в эксплуатацию новой трамвайной линии привел к некоторым изменениям в существующей трамвайной сети: был упразднен маршрут № 3 «Хлебзавод – пос. Волокно», проходивший по ул. Ленина; вместо него был создан новый маршрут № 3 «Северный рынок –

пос. Волокно», который стал закольцованным: пос. Волокно – ул. Верхняя Луговая – ул. Ленина – пос. Волокно. Также вводился маршрут № 6 «Северный рынок – пос. Волокно», движение по которому осуществлялось в обратном направлении маршрута № 3: пос. Волокно – ул. Ленина – ул. Верхняя Луговая – пос. Волокно [3, д. 824, л. 305–306]. Это позволило существенно увеличить количество вагонов, курсирующих между центром города и районом пос. Волокно, где располагалось несколько крупных промышленных предприятий города.

Ввод в эксплуатацию новых путей позволил к концу 1967 г. увеличить протяженность трамвайных путей до 64-х км, т. е. за три года длина трамвайных путей в городе была увеличена на 8,5% [3, д. 840, л. 48]. Тем не менее не была решена главная проблема: центр города был по-прежнему серьезно загружен. Поэтому уже в марте 1968 г. по Решению Совета Министров РСФСР от 5 марта 1968 г. № 143 в городе Курске было запланировано построить за 1969–1970 гг. 8,5 км новых трамвайных путей. Новые трассы должны были пролегать по следующим маршрутам:

1) по ул. Верхней Луговой от ул. Запольной до ул. Пучковки и от ул. Верхней Луговой по ул. Бурцевке до ул. 50 лет Октября;

2) продлить существующий путь от ул. 3-й Заводской (ныне ул. Заводская [8, с. 76]) до ул. Конорева [3, д. 862, л. 178–179].

Но менее чем через месяц проект строительства новых путей был пересмотрен: от строительства линии по ул. Верхней Луговой от ул. Запольной до ул. Пучковки и от ул. Верхней Луговой по ул. Бурцевке до ул. 50 лет Октября отказались. Вместо этого было предложено проложить пути от ул. Верхней Луговой по ул. Сороковой (ныне ул. Бойцов 9-й дивизии [8, с. 49]) до ул. 50 лет Октября с прокладкой маршрута по ней до ул. Пучковки в одну сторону и до Южной авто-

станции в другую с продлением линии по ул. Энгельса до ул. 1-й Подшипниковой (ныне ул. Сумская) [3, д. 862, л. 283; 8, с. 159]. Однако ни один из этих проектов так и не был воплощен в жизнь, хотя каждый из них мог серьезно изменить значение курского трамвая как в исследуемый период, так и в настоящее время.

Между тем уже в октябре 1970 г. было принято решение Курского горисполкома о строительстве трамвайных путей не по ул. 50 лет Октября в сторону ул. Дзержинского от ул. Бойцов 9-й дивизии, а через второстепенные дороги частного сектора: от Южной автостанции на ул. Энгельса, по ул. Беговой, затем по ул. Глинице (ныне ул. Пирогова [8, с. 132]), по 10-му Суворовскому пер., затем по пер. Глинице (ныне пер. Пирогова [8, с. 132]), далее по 4-му и 3-му Суворовским переулкам до ул. Бойцов 9-й дивизии. Для реализации этого проекта городские власти должны были частично снести ряд жилых домов частного сектора [3, д. 950, л. 207]. Но уже в феврале 1971 г. было решено продлить на 450 м трамвайные пути по 1-му Аэродромному пер. до пересечения с ул. Аэродромной с последующим выходом на ул. 50 лет Октября и строительством поворотного кольца в районе главного корпуса Курского политехнического института (ныне Юго-Западный государственный университет) [3, д. 970, л. 200]. В конечном итоге этот проект и был реализован за небольшими изменениями: трамвайная линия была продлена до конца 10-го Суворовского переулка, затем на протяжении 370 м она была проложена по ул. Суворовской с последующим продлением по 3-му Суворовскому пер. Затем, в связи со строительством нового автовокзала по ул. 50 лет Октября, трамвайная линия была доведена до вокзала, соединив, тем самым, два крупнейших вокзала города (железнодорожный и автобусный) трамвайной линией.

К сожалению, найти документы, обосновывающие строительство трам-

вайной линии в Северо-Западный микрорайон по второстепенным дорогам, а не по основной транспортной магистрали, нам найти не удалось, поэтому говорить о действительных причинах принятия этого решения не представляется возможным.

20 августа 1971 г. было принято решение Курского горисполкома о начале строительства трамвайного депо в заводской части города на ул. 2-я Рабочая и, следовательно, продления туда трамвайных путей [3, д. 978, л. 113–114]. К этому моменту трамвайный парк города насчитывал уже 150 вагонов и существующие два депо не справлялись с таким количеством подвижного состава [3, д. 998, л. 10]. Однако его строительство было сильно затянато: земельный участок за трамвайно-троллейбусным управлением был закреплен только в 1979 г. [3, д. 1343, л. 189] и к 1985 г. строительство трамвайной линии в заводскую часть города так и не было завершено.

Помимо строительства новых трамвайных линий к началу 1970-х гг. добавилась еще одна проблема: сильный износ уже имеющихся путей, особенно на оживленных участках (ул. Дзержинского, ул. Ленина, ул. Верхняя Луговая). Это привело к тому, что городские власти были вынуждены несколько изменить движение некоторых маршрутов. Так, маршрут № 3 перестал двигаться по кольцу: теперь трамваи двигались от пос. Волокно через площадь Добролюбова по ул. Ленина к Хлебзаводу и возвращались также по ул. Ленина. Трамваи маршрута № 6 также начинали движение от пос. Волокно через площадь Добролюбова по ул. Верхней Луговой и Красный Октябрь до Хлебзавода и в обратном направлении движение осуществлялось по той же линии [3, д. 945, л. 135]. Также был начат капитальный ремонт отдельных участков путей: только за 1971 г. и четыре месяца 1972 г. отремонтированы 10,6 км путей, а на 5,6 км одиночного пути произведен текущий ремонт [3, д. 1020, л. 98], но тем

не менее в городе еще по меньшей мере 24,0 км путей требовали капитального ремонта.

В целом в изучаемые годы городские власти весьма ответственно подошли к данной работе: за достаточно короткий промежуток времени были отремонтированы пути на множестве участков: от Фабричного переулка до райТЭЦ в Промышленном районе города; по ул. Перекальского и Карла Маркса в Ленинском районе и др. [3, д. 1062, л. 85–90; д. 1101, л. 257–260; д. 1103, л. 115–118].

Серьезные изменения в работе трамваев начали происходить начиная с января 1973 г. Согласно решению исполнительного комитета Курского городского Совета депутатов трудящихся от 21 июля 1972 г. № 320 с января 1973 г. прекращалось движение по причине реконструкции ул. Ленина части самого первого трамвайного маршрута города: от площади Перекальского до Центрального рынка [3, д. 1023, л. 98]. Теперь основная трамвайная магистраль уходила из исторического центра города на ул. Красный Октябрь и Верхнюю Луговую.

В связи с серьезными изменениями в движении трамваев и расширением сети в целом к концу 1970-х – середине 1980-х гг. маршрутная сеть серьезно изменилась:

- маршрут № 1 «Хлебзавод – железнодорожный вокзал» ходил только в выходные дни, на маршрут выпускали три вагона с интервалами в 12 минут (к 1985 г. маршрут был отменен);

- маршрут № 2 «Железнодорожный вокзал – Курский политехнический институт», ежедневно на нем работали по 19 вагонов с интервалами в 6 минут (к 1985 г. был продлен от института до автовокзала);

- маршрут № 3 «Курский политехнический институт – пос. Волокно», как и маршрут № 2, обслуживался 19-ю вагонами с интервалами движения в 6 минут (к 1985 г. был продлен от института до автовокзала);

- маршрут № 4 «Железнодорожный вокзал – ул. Малышева» обслуживали 20 вагонов с интервалом в 12 минут;

- на маршрут № 5 «ул. Запольная – пос. Волокно» ежедневно выходили 26 вагонов с интервалом в 6 минут;

- движение по маршрутам № 6 «Пл. Добролюбова – КЗТЗ» и № 7 «Пл. Добролюбова – пос. Волокно» осуществлялось только в будние дни, на маршруты выпускали по 4 вагона с интервалами в 12 минут (к 1985 г. маршрут № 6 стал курсировать между ул. Малышева и пл. Добролюбова каждый день, а маршрут № 7 от пл. Дзержинского до пос. Волокно ходил по-прежнему только в будние дни);

- маршрут № 8 «ул. Запольная – КЗТЗ» обслуживали 4 вагона с интервалами в 12 минут (к 1985 г. трамваи по маршруту ходили уже между Московской площадью и ул. Малышева и только в будние дни) [3, д. 1336, л. 86; д. 1592, л. 257].

Как можно видеть, количество трамвайных маршрутов за два десятилетия не только увеличилось, но и появились маршруты, которые функционировали только в будние или выходные дни. В то же время трамвайные линии были выведены из исторического центра города, что отразилось на объемах перевозок: так, за годы XI пятилетки (1981–1985 гг.) курским трамваем было перевезено 274,003 млн пассажиров, а автобусами – 500,0 млн [3, д. 1625, л. 78]. На наш взгляд, это связано именно с уводом трамваев от двух важнейших магистралей города – ул. Ленина и ул. 50 лет Октября.

Однако стоит отметить один примечательный факт: даже несмотря на то, что трамвай на протяжении практически всего исследуемого в настоящей работе периода был основным видом внутригородского транспорта, для города он оставался убыточным. Среднегодовой убыток от эксплуатации трамваев составлял 302,0 тыс. рублей. При этом большая их

часть приходилась на маршруты, обслуживающие промышленные предприятия, удаленные от основных линий и работающие в ночные смены, в связи с чем исполком Курского горсовета своим решением от 8 сентября 1972 г. № 374 обязал 17 предприятий города компенсировать убытки трамвайно-троллейбусному управлению города [3, д. 1024, л. 56–58]. К 1978 г. этот список был расширен до 21-го предприятия [3, д. 1277, л. 92–94]. Но при этом на протяжении всего исследуемого в нашей работе периода отмечалась особая значимость этого вида транспорта для города, т. к. именно трамваем соединялись ключевые узловые точки города (крупнейшие промышленные предприятия и вокзалы).

В настоящее время узловые точки города Курска, существовавшие в 1960–80-е гг. (в первую очередь районы крупных заводов: КЗТЗ, Волокно, ГПЗ-20, Аккумуляторный и др.), практически утратили свою важность: большая часть крупнейших промышленных предприятий города либо прекратила свое существование, либо значительно сократила производственные мощности. Основная масса жителей города работает в его центре. В то же время появились совершенно новые густонаселенные жилые микрорайоны города: ул. Клыкова, проспект Дериглазова, которые оказались вдалеке от трамвайных маршрутов, а старые микрорайоны постепенно начали терять свою привлекательность. Поэтому, решая проблему сохранения и развития трамвайной

сети, параллельно необходимо решить еще две: восстановление «привлекательности» (деловой в первую очередь) старых промышленных районов города, куда уже проложены трамвайные маршруты, а также продление действующих трамвайных путей до новых спальных районов [9]. Именно учет этих двух факторов позволил в начале 2000-х гг. «реанимировать» трамвай Санкт-Петербурга [10, с. 739].

Выводы

Развитие трамвайной сети в период с середины 1960-х до середины 1980-х гг., как для Курска, так и для большинства областных центров РСФСР и зарубежных крупных городов, было одной из приоритетных задач в связи с тем, что именно трамвайное сообщение соединяло между собой все ключевые промышленные предприятия и вокзалы городов. Особенно это было характерно для Курска, трамвайное сообщение которого в эти годы переживало пик своего развития. Между тем именно в эти годы наметились тенденции в развитии трамвая, которые отчетливо видны на курских материалах, но были характерны и для других городов России. Важнейшая из них: перевод трамвайных путей с центральных улиц городов на второстепенные. Именно данный фактор во многом обусловил текущие проблемы трамвайного сообщения для города Курска, которые в современной ситуации имеют долгосрочные негативные перспективы.

Список литературы

1. Эйхлер Л. В., Дрожняк А. И. Анализ ситуации на электротранспорте и опыт использования трамваев в России и за рубежом // Образование. Транспорт. Инновации. Строительство: сборник научных трудов национальной научно-практической конференции. Омск: СибАДИ, 2018. С. 610–613.
2. Шпаков И. В. История строительства и функционирования системы городского трамвая Курска в дореволюционный период // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 3 (20). С. 135–143.
3. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-770. Оп. 8.

4. Чудотворцев И. Г. История появления и уничтожения воронежского трамвая. Реквием // Научно-исследовательские публикации. 2019. № 1–4. С. 143–154.
5. Филоненко Н. В., Черникова В. В. Из истории воронежского электрического трамвая // Проблемы совершенствования машин, оборудования и технологий в агропромышленном комплексе: материалы научно-практической конференции. Воронеж: Воронеж. гос. аграрный ун-т им. Императора Петра I, 2019. С. 367–369.
6. Горшенин А. В. К вопросу о становлении трамвайного движения в г. Ульяновске // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 129–135.
7. Соболев А. В. История новосибирского трамвая в советский период // История повседневности Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Бийск: Алтайский гос. гуманитар.-пед. ун-т им. В. М. Шукшина, 2018. С. 88–90.
8. Административно-территориальное деление и улицы города Курска: справочное издание / ред. кол.: В. Л. Богданов (гл. ред.) [и др.]. Курск: ИП Афанасьева Е. А., 2018. 76 с.
9. Кравченко Е. А., Сорокин Д. С. Роль и развитие трамвайного транспорта в Российской Федерации // Научные труды КубГТУ. 2016. № 3. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/857>. (дата обращения: 15.01.2021).
10. Семенова И. В. Петербургский трамвай. Перезагрузка // Аллея науки. 2020. Т. 1, № 1 (40). С. 734–741.

References

1. Ejhler L. V., Drozhnyak A. I. [Analysis of the situation on electric transport and the experience of using trams in Russia and abroad]. *Obrazovanie. Transport. Innovacii. Stroitel'stvo: sbornik nauchnykh trudov nacional'noi nauchnoi-prakticheskoi konferentsii* [Education. Transport. Innovation. Construction. Collection of scientific works of national scientific-practical conference]. Omsk, SibADI Publ., 2018, pp. 610–613. (In Russ.)
2. Shpakov I. V. Istoriya stroitel'stva i funkcionirovaniya sistemy gorodskogo tramvaya Kurska v dorevolucionnyj period [The history of the construction and operation of the Kursk city tram system in the pre-revolutionary period]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2016, no. 3 (20), pp. 135–143
3. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk Region], f. R-770, op. 8.
4. Chudotvorcev I. G. Istoriya poyavleniya i unichtozheniya voronezhskogo tramvaya. Rekviem [The history of the appearance and destruction of the Voronezh tram. Requiem]. *Nauchno-issledovatel'skie publikacii = Research publications*, 2019, no. 1–4, pp. 143–154.
5. Filonenko N. V., Chernikova V. V. [From the history of the Voronezh electric tram]. *Problemy sovershenstvovaniya mashin, oborudovaniya i tekhnologij v agropromyshlennom komplekse. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of improving machines, equipment and technologies in the agro-industrial complex. Materials of scientific-practical conference]. Voronezh, Voronezh. St. Agricultural Univ. named Emperor Peter the Great Publ., 2019, pp. 367–369.
6. Gorshenin A. V. K voprosu o stanovlenii tramvajnogo dvizheniya v g. Ul'yanovske [On the issue of the formation of tram traffic in Ulyanovsk]. *Samarskij nauchnyj vestnik = Samara Scientific Bulletin*, 2017, vol. 6, no. 1 (18), pp. 129–135.

7. Sobolev A. V. [History of the Novosibirsk tram in the Soviet period]. *Istoriya povsednevnosti Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh regionov kak forma civilizacionnoj identichnosti Evrazii. Materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii* [The history of everyday life in Western Siberia and adjacent regions as a form of civilizational identity of Eurasia. Materials of All-Russia. with international participation of scientific conference]. Biysk, Altai St. Humanitarian-ped. Univ. them. V. M. Shukshina Publ., 2018, pp. 88–90. (In Russ.)
8. Administrativno-territorial'noe delenie i ulicy goroda Kurska [Administrative divisions and streets of the city of Kursk]; ed. by V. L. Bogdanov, eds. Kursk, IP Afanas'ev E. A., 2018, 76 p.
9. Kravchenko E. A., Sorokin D. S. Rol' i razvitie tramvajnogo transporta v Rossijskoj Federacii [The role and development of tram transport in the Russian Federation]. *Nauchnye Trudy KubGTU = Scientific works of KubGTU*, 2016, no. 3. Available at: <http://ntk.kubstu.ru/file/857>. (accessed 15.01.2021)
10. Semenova I. V. Peterburgskij tramvaj. Perezagruzka [Petersburg tram. Reboot]. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2020, vol. 1, no. 1(40), pp. 734–741.

Информация об авторе / Information about the Author

Носов Дмитрий Михайлович, младший научный сотрудник кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Dmitry M. Nosov, Junior Researcher of the Department of History and Socio-Cultural Services, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94 (571.53)

**Приобщение жителей Иркутской губернии к искусству
Обществом распространения народного образования
и народных развлечений (1900–1908)**

В. В. Ткачев¹ ✉

¹ Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность статьи состоит в изучении процесса приобщения жителей Иркутской губернии к искусству в 1900–1908 годах. На настоящий момент исследователями подробно не изучена деятельность Общества распространения народного образования и народных развлечений в приобщении жителей Иркутской губернии к искусству в 1900–1908 годах, не проведён анализ учредительных и сопроводительных документов организации, которые входят в состав Государственного архива Иркутской области. Более подробный анализ и изучение обширного круга источников даёт возможность представить процесс приобщения жителей Иркутской губернии к искусству в 1900–1908 годах.

Цель работы заключается в том, чтобы представить процесс приобщения жителей Иркутской губернии к искусству Обществом распространения народного образования и народных развлечений (1900–1908).

Задачами данной работы являются: на основе документов Государственного архива Иркутской области представить деятельность Общества распространения народного образования и народных развлечений в приобщении жителей Иркутской губернии к искусству; определить трудности и результаты этого процесса.

Методология. Статья опирается на принципы историзма, системности, а также научной объективности. Используется историко-генетический и проблемно-хронологический методы.

Результаты. В исследовании по материалам Государственного архива Иркутской области представлена история деятельности Общества распространения народного образования и народных развлечений в приобщении жителей Иркутской губернии к искусству в 1900–1908 годы. Статья показала то, что через исторические источники возможно понять, как происходил данный процесс.

Выводы. Общество распространения народного образования и народных развлечений поддерживало развитие художественной жизни в Иркутской губернии. Подробное изучение и анализ материалов из фонда Государственного архива Иркутской области, где сохранились записи активных участников общественных мероприятий, доказали то, что организация активно участвовала в процессе приобщения жителей Иркутской губернии к искусству в 1900–1908 годах.

Ключевые слова: История Сибири; Байкальская Сибирь; Иркутская губерния; городская культура; городское общество; художественная жизнь; общественное мнение.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ткачев В. В. Приобщение жителей Иркутской губернии к искусству Обществом распространения народного образования и народных развлечений (1900–1908) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 175–182.

Поступила в редакцию 01.02.2021

Принята к публикации 10.03.2021

Опубликована 26.04.2021

© Ткачев В. В., 2021

The Introduction of the Inhabitants of the Irkutsk Province to Art by the Society for the Dissemination of Public Education and Folk Entertainment (1900–1908)

Vitaliy V. Tkachev¹ ✉

¹Irkutsk State University,
1 K. Marx str., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

The relevance of the article lies in the study of the process of introducing the inhabitants of the Irkutsk province to art in 1900–1908. At the moment, researchers have not studied in detail the activities of the Society for the Spread of Public Education and Popular Entertainment in introducing the inhabitants of the Irkutsk province to art in 1900–1908, and have not analyzed the constituent and accompanying documents of the organization, which are part of the State Archives of the Irkutsk Region. A more detailed analysis and study of a wide range of sources makes it possible to imagine the process of introducing the inhabitants of the Irkutsk province to art in 1900–1908.

The purpose of the work is to present the process of introducing the inhabitants of the Irkutsk province to art by the Society for the dissemination of public education and folk entertainment (1900–1908).

The objectives of this work are: on the basis of the documents of the State Archives of the Irkutsk region to present the activities of the Society for the dissemination of public education and folk entertainment in introducing the inhabitants of the Irkutsk province to art; identify the difficulties and results of this process.

Methodology. The article is based on the principles of historicism, consistency, and scientific objectivity. Historical-genetic and problem-chronological methods are used.

Results. The study based on the materials of the State Archives of the Irkutsk Region presents the history of the activities of the Society for the Dissemination of Public Education and Popular Entertainment in introducing the inhabitants of the Irkutsk province to art in 1900–1908. The article showed that through historical sources it is possible to understand how this process took place.

Conclusions. The society for the dissemination of public education and folk entertainment supported the development of artistic life in the Irkutsk province. A detailed study and analysis of materials from the collection of the State Archives of the Irkutsk Region, where records of active participants in public events have been preserved, proved that the organization actively participated in the process of introducing the inhabitants of the Irkutsk province to art in 1900–1908.

Keywords: History of Siberia; Baikal Siberia; Irkutsk province; urban culture; urban society; artistic life; public opinion.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tkachev V. V. The Introduction of the Inhabitants of the Irkutsk Province to Art by the Society for the Dissemination of Public Education and Folk Entertainment (1900–1908). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 175–182. (In Russ.)

Received 01.02.2021

Accepted 10.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

По многим наблюдениям современных исследователей в 1900–1908 гг. в Иркутской губернии отмечается активный рост интереса общественности к ху-

дожественным мероприятиям. Основными формами данного процесса являлись: выставки, лекции, встречи с разными представителями культуры, занятия и экскурсии. Эффективность мероприятий возможно наблюдать через динамику по-

сещаемости, отзывам и активным обсуждениям посетителей. Благодаря обширным данным можно проследить процесс изменения общественного мнения, предпочтений к тому или иному направлению художественной школы.

В организации и проведении разных событий занимались общественные творческие объединения. Большой вклад в приобщение жителей Иркутской губернии к искусству внесло Общество распространения народного образования и народных развлечений, которое существовало с 1900 по 1908 г. (далее – ОРНОиНР). Оно организовывало художественные выставки, публичные лекции по искусству, экскурсии и встречи с известными представителями творческой интеллигенции. Также ОРНОиНР поддерживало выставки-продажи, в которых участвовали многие известные коллекционеры. Горожане могли познакомиться с творчеством художников и приобрести лучшие живописные полотна того времени.

Коллекционеры отмечали то, что художники являлись главными движущими силами культурных процессов. Мастера воспринимались как носители культуры, определённых взглядов, исследователи региона, реставраторы и педагоги. Жители городов уважительно относились к творческим людям, обращались к ним за советами, заказывали портреты и пейзажи для своих домов, помогали в приобретении необходимых материалов. Художники много времени уделяли совершенствованию своего образования. Учебные заведения проводили дополнительные занятия, а лучших учеников отправляли знакомиться с центральными художественными школами Российской империи.

Методология

Исследование основано на принципе историзма, что даёт возможность представить объективные выводы. Использование системного подхода позволяет

провести анализ обширного круга источников фонда ОРНОиНР и изучить подробно процесс приобщения жителей Иркутской губернии к искусству в 1900–1908 гг. Историко-генетический метод направлен на раскрытие причинно-следственных связей и закономерностей осуществления процесса приобщения жителей Иркутской губернии к искусству. Проблемно-хронологический метод даёт возможность исследовать изменение форм, масштабов и результатов деятельности ОРНОиНР в зависимости от содержания отдельных периодов существования организации.

В исследовании используются материалы фонда ОРНОиНР, который входит в состав Государственного архива Иркутской области (ГАИО. Ф. 197. Оп. 1–20). В состав фонда входят учредительные и сопроводительные документы: устав, акты и протоколы заседания собраний, отчёты и сметы, письма и переписка, источники периодической печати, афиши и приглашения билеты на мероприятия и т. д.

Историю развития взглядов жителей Иркутской губернии на художественную жизнь в начале XX в., художественное пространство региона изучали исследователи разных научных направлений. Отдельные сюжеты из истории ОРНОиНР были представлены в научных трудах А. Д. Фатьянова, Ю. П. Лыхина, П. Д. Муратова, В. Ф. Чиркова, Л. В. Кошмана и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6] Первые работы по данной проблеме изложены настоящим автором в предыдущих исследованиях [7].

Если рассматривать историографию проблемы, то можно заметить, что она насчитывает не одно десятилетие. Ещё в 1920-е гг. к проблеме народного искусства Байкальского региона обращался основоположник иркутской школы печатной графики, заслуженный деятель искусства и историк Б. И. Лебединский.

В 1950–80-е гг. важный вклад в исследование места и роли художников начала XX в. в формирование социокультурного городского пространства

Сибири внёс иркутский искусствовед, член Союза художников СССР В. В. Фалинский. Этот историк искусства и педагог немало внимания уделял и сугубо историческим вопросам, что позволило ему занять видное место среди байкальских краеведов. В своих работах В. В. Фалинский, в частности, создал портреты многих творческих людей Иркутского края, начиная с первых профессиональных художников XX столетия, подвизавшихся в Прибайкалье, Ильина и Климова. Интересны также его заметки о полотнах художников, о направлениях в живописи, в том числе в агитмассовом искусстве.

В 1960-е гг. историю художественной жизни Иркутской губернии, деятельность и творчество художников изучали также известный сибирский искусствовед А. Д. Фатьянов и Т. Г. Драница. В 1970-е гг. их научные труды продолжили В. П. Буторина и П. Д. Муратов.

Большой интерес к истории Сибири начала XX в., включая развитие культуры и живописи, пришелся на 1990-е гг. Одной из первых стала книга упоминавшегося А. Д. Фатьянова, в которой читатель найдет сведения о коллекциях живописи в сибирских музеях, галереях, о творчестве разных художников. Кроме того, в Иркутске стали публиковать источники о жизни региона, в ряду которых наиболее интересной стала летопись местного краеведа Н. С. Романова [8].

В 2000-е гг. труды по истории изобразительного искусства в Иркутской губернии публиковал Ю. П. Лыхин. В ряду его трудов о культурной жизни региона в контексте исследования выделяется книга «Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX в.)», опубликованная в 2002 г. В этой работе Ю. П. Лыхин подробно описывает разные события художественной жизни Иркутской губернии, раскрывает их историческое значение, подчёркивает важность участия художников в просветительских выставках [9].

Сегодня в среде историков, искусствоведов и культурологов сохраняется интерес к художественному творчеству жителей Иркутской губернии, поиску ими новых форм творческого выражения. Параллельно, как показывает знакомство с трудами современных исследователей, в их работах отчетливо просматривается некоторое возвращение к подходам при изучении проблем культуры и творчества, которые демонстрировал В. В. Фалинский, а именно стремление вписать вопросы истории культуры и деятельности отдельных мастеров в более широкий контекст – в формирование и развитие самобытного социо-культурного городского пространства Иркутской губернии [10].

Краткий историографический обзор показывает, что в изучении жизни и творчества художников, деятельности объединений мастеров, формирования художественных коллекций в Иркутской губернии накоплен значительный опыт. Однако, как показывает анализ этих трудов, их авторы недостаточно используют исторические источники. В полной степени не представлена история ОРНОиНР, участие организации в процессе приобретения жителей Иркутской губернии к искусству в 1900–1908 гг. Частично восполнить обозначившуюся проблему призвана настоящая работа.

Результаты и их обсуждение

Жители Иркутской губернии стремились объединить свои усилия для организации доступных просветительских мероприятий. Количество подобных событий в городах было недостаточно, чтобы доступно объяснить сложные явления. Большинство событий проводились для определённого круга людей. Приглашались состоятельные гости, представители губернской и городской власти. Посещение было платным. Денежные средства поступали от известных горожан, коллекционеров, которые направлялись на развитие творческих объединений.

В 1900–1908 гг. города Иркутской губернии (Иркутск, Нижнеудинск, Киренск, Балаганск, Верхолениск, Илимск, Бодайбо) становятся центрами развития культурных процессов, образования, общественной мысли, художественной жизни. Горожане участвуют в общественных мероприятиях, приобщаются к искусству западных и местных мастеров. Они знакомятся с природными, культурными богатствами Российской империи. Городское общество интересовалось предметами искусства. Многие собирали, пополняли коллекции живописи и организовывали выставки для жителей. Таким образом, происходило приобщение горожан к искусству.

ОРНОиНР было создано 6 июня 1900 г., когда был принят устав организации и определена первая программа развития. Учредителями Общества являлись В. И. Вагин и В. А. Николаев. В состав объединения на 1 сентября 1901 г. входило 225 человек. Об истории создания Общества позднее писали в отчете: «Стремление содействовать делу народного образования свойственно каждому правильно развитому уму, поэтому мысль образовать Общество, где бы эти отдельные стремления могли быть осуществлены реально, не может считаться принадлежащей одному лицу, – это общая мысль интеллигенции нашего времени».

Общественная творческая организация изучала состояние дел в сфере образования, культурной среде Иркутской губернии. Члены объединения участвовали в экспедициях по всей территории региона и проводили опрос местного населения, составляли анкеты. В результате анализа документов было определено то, что общество нуждается в доступных библиотеках, лекциях, музеях, чтобы приобщить жителей к культурным традициям России. Для этого создавались библиотеки, школы, организовывались лекции. Так было предложено на заседании ОРНОиНР магистром богословия

Иоанном Дроздовым прочитать несколько лекций по истории искусства для иркутян и других жителей Иркутской губернии.

В отчетных документах отмечается также то, что не хватало финансовых средств, преподавателей для проведения просветительских мероприятий: «Воскресная школа Общества распространения народного образования при училище им. Н. В. Сукачевой, как нам стало известно, прекратила на время свою деятельность из-за недостатка преподавателей. Продолжительная остановка в симпатичном и полезном деле насаждения просвещения в наиболее нуждающейся части населения города была бы крайне прискорбна, и нужно думать, что лица, сочувствующие делу, не применят отозвать и предложить на общественную пользу свои труды по преподаванию» [11].

Другим направлением, которым занималось ОРНОиНР, являлось художественное образование и просвещение. В отчете, хранящемся в Государственном архиве Иркутской области, за 1900–1901 гг. сообщается: «Почин к открытию рисовальной школы был положен художником Н. И. Верхотуровым и учителем рисования М. А. Рутченко, исходатайствовавшими уже разрешение г. Губернатора. Желая придать большую прочность предприятию, они обратились к обществу, чтобы школа была открыта от его имени и с некоторой гарантией предстоящих издержек» [12, д. 3, л. 4].

Рисовальная школа Н. И. Верхотуровым была открыта 20 декабря 1900 г. и существовала четыре месяца. Труд по заведыванию школой и наибольшая часть труда по преподаванию выпала на долю Н. И. Верхотурова. От совета для содействия школы был назначен А. В. Адрианов. В течение существования первой городской общественной школы рисования было истрачено 95 руб. 80 коп. [12, д. 4, л. 6]

Для художественной интеллигенции было важно, что городское общество

поддержало создание школы. Как отмечал сам Н. И. Верхотуров при выступлении на заседании собрания ОРНОиНР: «Главным мотивом для этого предложения была надежда на большую обеспеченность будущего школы при условии открытия Обществом, а не частными лицами, а также надежды на некоторую материальную поддержку» [12, д. 4, л. 6].

В городском обществе в данный период существовало мнение о том, что необходимо проводить культурные мероприятия, рассказывать другим о творчестве мастеров, художественных школах и т. д. Жители стремились проводить своё свободное время в процессе чтения книг, газет, журналов. Также горожане участвовали в праздничных, юбилейных событиях, которые носили образовательный характер.

Николай Иванович участвовал в работе рисовальной школы, которая была создана по инициативе ОРНОиНР [12, д. 5, л. 12]. Художнику удалось доказать то, что для городского общества необходимо создавать новые учебные заведения. В результате активной работы были подготовлены новые специалисты, которые продолжили создавать живописные полотна в регионе [12, д. 7, л. 28].

Деятельность Н. И. Верхотурова освещали многие сибирские газеты. Данные материалы периодической печати активно используют в своих исследованиях многие историки в качестве иллюстрации исторических событий, их подтверждения. В то же самое время более глубокий анализ газет не проводится. Используя комплексный метод, возможно просмотреть разные стороны событий. Так можно определить мнения участников процесса, самого автора статьи. Появляется возможность определить ценностные ориентиры городского общества того времени, предпочтения в искусстве.

Занятия в иркутской рисовальной школе начались 18 декабря 1900 г. Было принято на курсы 34 человека из разных городов Байкальской Сибири (Иркутской

губернии и Забайкальской области) [12, д. 13, л. 13]. В рисовальной школе проводили занятия Н. В. Денисов, М. А. Рутченко, Н. И. Лыткин, Л. А. Венюков, Н. И. Верхотуров, В. Ф. Попов, Иоанн Дроздов [12, д. 17, л. 10].

Таким образом, в 1900–1908 гг. городское общество стремилось создать благоприятные условия для развития художественной интеллигенции. Благодаря деятельности известных общественных деятелей была создана основа для художественного образования – рисовальная школа Н. И. Верхотурова, которая стала центром для сосредоточения особого художественного направления. Также поддерживались и мероприятия, которые проводило ОРНОиНР в период своего существования в 1900–1908 гг.

Выводы

Таким образом, ОРНОиНР активно участвовало в процессе приобщения жителей Иркутской губернии к искусству в 1900–1908 гг. Членами ОРНОиНР организовывались постоянно концерты, музыкальные вечера, балы, детские площадки и другие развлекательные мероприятия, которые были направлены на то, чтобы поднять уровень образованности жителей, познакомить всех с новыми достижениями в искусстве, направлениями в живописи, культурными традициями России. Совместно с Обществом сибирских передвижных выставок финансировали участие сибирских мастеров, коллекционеров в первых выставках-продажах.

В результате проведения подробного анализа широкого круга источников из фонда ОРНОиНР Государственного архива Иркутской области можно сделать вывод о том, что организация активно участвовала в процессе приобщения жителей Иркутской губернии в 1900–1908 гг. В результате проведения художественных выставок, лекций, экскурсий, занятий происходило расширение кругозора знаний, формировалось представление о ху-

дожественном пространстве региона. В просветительской деятельности участвовали общественные творческие организации, отдельные мастера и общественные деятели, сибирское купечество.

Воспоминания членов ОРНОиНР показывают нам то, что сибирские мастера выражали свои взгляды через произведения искусства: портреты, городские пейзажи и т. д. Многие проблемы творческие люди поднимали на встречах с местной властью и на общественных собраниях. Художники стремились улучшить своё

положение в обществе. Они создавали творческие объединения, старались определиться с местом показа своих живописных работ, выступали за создание городских галерей и музеев, за улучшение сферы художественного образования. Одним из способов реализации своих собственных идей мастера видели в участии в собраниях ОРНОиНР. Художники участвовали в дискуссиях о том, чтобы организовывать и проводить мероприятия для жителей Иркутской губернии.

Список литературы

1. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1967. С. 12–13.
2. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. С. 19–20.
3. Муратов П. Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х годов. Л.: Художник РСФСР, 1974. С. 14–16.
4. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. С. 36–37.
5. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель: в 2-х т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. С. 81–82.
6. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. С. 348–349.
7. Ткачев В. В. Представления жителей Иркутской губернии о художественной жизни в региональной периодической печати первой четверти XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 6. С. 251–258.
8. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1994. С. 12–15.
9. Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год): библ. словарь. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2000. С. 122–126.
10. Шахеров В. П. Социально-демографические характеристики городского населения Иркутской губернии // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков: коллективная монография. Иркутск: Оттиск, 2019. С. 132–181.
11. Иркутская хроника // Восточное обозрение. 1909. № 3404. С. 2.
12. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 197. Оп. 1.

References

1. Fat'yanov A. D. Sud'ba sokrovishch [The fate of treasures]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1967, pp. 12–13.

2. Fat'yanov A. D. Hudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1995, pp. 19–20.
3. Muratov P. D. Hudozhestvennaya zhizn' Sibiri 1920-h godov [Artistic life in Siberia in the 1920s]. Leningrad, Hudozhnik RSFSR Publ., 1974, pp. 14–16.
4. Lyhin Yu. P. Hudozhestvennaya zhizn' Irkutsk (pervaya chetvert' XX veka) [Artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XX century)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2002, pp. 36–37.
5. Chirkov V. F. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv. [Fine arts of Siberia of the XVII – early XXI centuries]. Tobol'sk, Obshchestvennyj blagotvoritel'nyj fond "Vozrozhdenie Tobol'ska", 2014, pp. 81–82.
6. Koshman L. V. Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: social'nye i kul'turnye aspekty [City and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 348–349.
7. Tkachev V. V. Predstavleniya zhitelej Irkutskoj gubernii o hudozhestvennoj zhizni v regional'noj periodicheskoy pechati pervoj chetverti XX veka [Representations of residents of the Irkutsk province about the artistic life in the regional periodical press of the first quarter of the XX century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 6, pp. 251–258.
8. Romanov N. S. Letopis' goroda Irkutsk za 1902–1924 gg [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskie kn. izd-vo, 1994, pp. 12–15.
9. Lyhin Yu. P., Kryuchkova T. A. Ikonopiscy, mastera i hudozhniki Irkutsk (XVII vek – 1917 god) [Icon painters, masters and artists of Irkutsk (XVII century – 1917)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2000, pp. 122–126.
10. Shaherov V. P. Social'no-demograficheskie harakteristiki gorodskogo naseleniya Irkutskoj gubernii [Socio-demographic characteristics of the urban population of the Irkutsk province]. *Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialah gorodov Irkutskoj gubernii XIX – nachala XX vekov* [State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX – early XX centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019, pp. 132–181.
11. Irkutskaya khronika [Irkutsk Chronicle]. *Vostochnoye obozreniye* = *Eastern Review*, 1909. no. 3404, pp. 2.
12. GAIО (Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti) [State Archives of the Irkutsk Region], f. 197, op. 1, d. 2, l. 10.

Информация об авторе / Information About the Author

Ткачев Виталий Викторович, аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Tkachev V. Vitaliy, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

**«Первый народный военный министр» А. И. Гучков
и «культ борцов за свободу» весной 1917 года**Т. А. Хвалин¹ ✉

¹Государственный академический университет гуманитарных наук
Мароновский пер. 29, г. Москва 119049, Российская Федерация

✉ e-mail: khvalin1@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Несмотря на все увеличивающийся интерес к изучению политической культуры России в 1917 году со стороны ученых и значимую роль А. И. Гучкова во время первого этапа развития революции, до сих пор ни его образ, ни его «сценарий власти» так и не стали предметом изучения историков. При этом их реконструкция может пролить свет на целый ряд дискуссионных вопросов, связанных с деятельностью А. И. Гучкова на посту военного министра.

Цель – определить, играло ли роль в легитимации власти А. И. Гучкова над военным министерством Временного правительства понятие «гражданственности» и как был связан А. И. Гучков с набиравшим популярность весной 1917 года «культом борцов за свободу».

Задачи: изучить публикации прессы первых пореволюционных месяцев и выделить систему аргументации, позволявшую сторонникам А. И. Гучкова причислять его к «борцам за свободу», а также проанализировать использовавшиеся формы обращения к первому военному министру Временного правительства.

Методология. Контент-анализ, компаративный метод и метод сравнительного анализа источников дали возможность выделить из большого массива газетных и архивных материалов информацию, связанную с рассматриваемыми в данной статье культурными феноменами.

Результаты. Проведенный анализ исторических источников позволяет утверждать, что номинация «гражданин военный министр» и аналогичные ей применялись по отношению к А. И. Гучкову не только в печати, но и в поступавших на его имя приветствиях, телеграммах и обращениях.

Выводы. Симпатизанты А. И. Гучкова фрагментарно использовали для приобщения военного министра к «культу борцов за свободу» факты из его политического прошлого, акцентируя внимание на конфликтах, а не на сотрудничестве Александра Ивановича с царской властью в дореволюционный период. Проводившаяся аналогия между прошлым буров и настоящим России добавляла «правой» интерпретации данного «культа» патристические черты, смещавшие фокус внимания с пафоса социальной борьбы на международное противостояние.

Ключевые слова: Февральская революция; Временное правительство; военное министерство; легитимация власти; политическая культура; военно-промышленные комитеты.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Хвалин Т. А. «Первый народный военный министр» А. И. Гучков и «культ борцов за свободу» весной 1917 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 183–193.

Поступила в редакцию 17.02.2021

Принята к публикации 19.03.2021

Опубликована 26.04.2021

© Хвалин Т. А., 2021

“First People War Minister” A. I. Guchkov and “Cult of Freedom Fighters” (Spring of 1917)

Tikhon A. Khvalin¹ ✉

¹State Academic University for the Humanities
26 Maronovskiy pereulok, Moscow 119049, Russian Federation

✉ e-mail: khvalin1@yandex.ru

Abstract

Relevance. Despite the increasing interest in the study of the political culture of Russia in 1917 on the part of scientists and the significant role of A. I. Guchkov during the first stage of the development of the revolution, so far neither his image, nor his “scenario of power” have yet become a subject of study by historians. Moreover, their reconstruction could shed light on a number of controversial issues related to the activities of A. I. Guchkov as Minister of War.

The purpose of the work is to determine whether the notion of ‘civic spirit’ played a role in the legitimation of Alexander I. Guchkov’s power of the Minister of War in the Provisional Government and how he was linked to the ‘cult of freedom fighters’ that was gaining popularity in spring 1917.

Objectives: Having studied the press publications of the first post-revolutionary months, highlight the system of argumentation that allowed the supporters of A. I. Guchkov, to rank him among the “freedom fighters”, as well as to analyze the forms of appeal used to the first minister of war of the Provisional Government.

Methodology. Content analysis and the method of comparative analysis of sources made it possible to single out information related to the cultural phenomena considered in this article from a large array of newspaper and archival materials.

Results. The analysis of historical sources allows us to assert that the epithet “citizen-minister of war” and similar ones were used in relation to A. I. Guchkov not only in the press, but also in greetings, telegrams and appeals sent to him.

Conclusion. A. I. Guchkov the sympathizers, fragmentarily used facts from the political past of A. I. Guchkov, focusing on conflicts, and not on the cooperation of Alexander Ivanovich with the tsarist government in the pre-revolutionary period. The analogy that was drawn between the past of the Boers and the present of Russia added to the “right” interpretation of this “cult” patriotic features that shifted the focus of attention from the pathos of social struggle to international confrontation.

Keywords: revolution of February 1917; provisional government; ministry of war; legitimation of authority; political culture; war industry committees.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Khvalin T. A. “First People War Minister” A. I. Guchkov and “Cult of Freedom Fighters” (Spring of 1917). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(2): 183–193. (In Russ.)

Received 17.02.2021

Accepted 19.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

В последние годы среди историков Великой российской революции и Гражданской войны наблюдается повышенный интерес к сюжетам, связанным с политической культурой [1; 2; 3; 4]. Помимо продолжающегося углубленного изучения фактической стороны разнообразных политических, социальных и эко-

номических процессов исследователи данного периода все чаще обращаются к таким темам, как бытовавшие слухи и фобии [5; 6; 7], образы конкретных исторических деятелей [8; 9; 10], а также многочисленных «врагов» и «других» [11; 12; 13].

Работе А. И. Гучкова на посту военного министра в историографии даются

нередко диаметрально противоположные оценки. Одни авторы уверены в том, что своими действиями первый военный министр Временного правительства лишь способствовал дальнейшему разложению русской армии [14, с. 84; 15, с. 196–201; 16, с. 230], другие верят в искреннюю, но неудачную попытку А. И. Гучкова противодействовать этим негативным тенденциям [17, с. 55–56; 18, с. 120]. Но формирование образа первого военного министра Временного правительства и его преломление в сознании современников пока остаются комплексно неизученными. Решение этой научной задачи определенно позволит по-новому взглянуть на роль А. И. Гучкова в происходивших весной 1917 года политических и культурных трансформациях.

Методология

При написании данной статьи чаще всего применялся метод сравнительного анализа источников, при этом основным критерием для нас была достоверность. Так как одним из важнейших использованных источников в настоящей работе являются материалы периодической печати, необходимо было перепроверять информацию, которая случайно, а иногда и намеренно искажалась в периодике различных политических направлений. Также в данной работе применялся контент-анализ и компаративный метод, который был необходим при анализе схожих по своей структуре документов, содержание которых могло незначительно отличаться лексически, однако серьезно расходиться по смыслу (резолуции, приветствия, приказы и т. д.).

Результаты и их обсуждение

Исследователи уже писали о важности понятия гражданственности для образов М. В. Родзянко [19, с. 76–81] и особенно А. Ф. Керенского в 1917 году [20]. Как заметил Б. И. Колоницкий, в первые пореволюционные месяцы А. Ф. Керенский был отнюдь не единственным, кого

восторженные почитатели именовали «министром-гражданином», «Великим гражданином», «первым гражданином» и т. д. [20, с. 137]

Проведенный нами анализ источников показал, что идея «гражданственности» занимала определенное место и в образе военного министра А. И. Гучкова весной 1917 г. Многочисленные телеграммы, обращения и приветствия, адресованные А. И. Гучкову, позволяют проследить различные формы обращения к военному и морскому министру [21]. Б. И. Колоницкий уже указывал на эклектику из старых и новых форм обращения к власти имущим в первые месяцы революции [9, с. 152]. Действительно, одни обращались к А. И. Гучкову более официально и привычно «господин министр» [22], а другие, как, например, команды пополнения Уральского казачьего войска, называли А. И. Гучкова «первым гражданином – военным министром» [23]. В Одессе «министром-гражданином» именовали Александра Ивановича даже представители местного совета рабочих депутатов [24].

В 16 номере журнала «Искры» от 30 апреля 1917 г. цитировалось приветствие «первых маршевых рот республиканской армии» А. И. Гучкову: «Первые свободные роты граждан-солдат демократической России, выступившие из Одессы на фронт и не имеющие возможности лично засвидетельствовать в лице вашем преданность родине и Временному правительству, приветствуют вас как первого гражданина военного министра и заявляют, что мы, солдаты-республиканцы, будем отстаивать завоеванную нами свободу от германского кулака до последней капли крови» [25]. В этой заметке показательно соединились революционная и патриотическая фразеология, которую использовал и сам военный министр в своих речах и приказах [26–29]. Подобно тому, как к А. И. Гучкову многие симпатизанты обращались как к «министру-гражданину», «первому военному

министру-гражданину» и т. д., он сам в воззваниях обращался к гражданам-рабочим [30], гражданам-офицерам [31] и гражданам-солдатам [32].

Другими относительно часто встречавшимися в прессе и документах хвалебными номинациями по отношению к А. И. Гучкову были «народный военный министр» [33; 34] и «первый народный военный министр» [35]. Опубликованные в газетах резолюции, приветственные телеграммы и другие обращения становились примером для составления новых аналогичных документов [8, с. 23]. Тем самым с помощью прессы были быстро созданы новые революционные шаблоны, в том числе и «титулования» министров Временного правительства.

После ухода в отставку А. И. Гучков получил телеграммы со словами сожаления, поддержки и даже просьбами вернуться на покинутый пост от частных лиц, общественных организаций и отдельных воинских частей [36, л. 3, 5, 10, 12, 17, 34]. Эти телеграммы позволяют нам увидеть, как именно симпатизировавшие А. И. Гучкову люди представляли себе его и какими словами описывали первого военного министра Временного правительства. Практически все полученные в начале мая телеграммы, сохранившиеся в личном фонде А. И. Гучкова в ГАРФе, характеризовали его, в первую очередь, как «пламенного патриота», «истинного сына Родины», «лучшего сына свободной России» [36, л. 5, 9, 15]. Второй важной номинацией, применявшейся в этих документах по отношению к Александру Ивановичу, было слово «гражданин». Офицеры и солдаты 5-й батареи 4 сибирской стрелковой артиллерийской бригады называли А. И. Гучкова «лучшим гражданином» [36, л. 4], Временный комитет союза офицеров армии и флота «первым министром гражданином свободной России» [36, л. 13], а военно-промышленники именовали «первым народным военно-морским министром» [36, л. 33]. Некоторые авторы «сочувствен-

ных» телеграмм причисляли А. И. Гучкова к числу «лучших русских людей» [36, л. 1].

Пусть не так часто и широко, как политики социалистического лагеря, но и А. И. Гучков включался в число «борцов за свободу» [37], именовался в печати «испытанным борцом» [38]. Как справедливо отметил Б. И. Колоницкий, сразу после Февральской революции происходила определенная борьба за этот «культ»: «...если социалисты, прославляя своих “борцов за свободу”, подчеркивали их участие в борьбе за социальное освобождение (“борцы за свободу трудового народа”), то либералы стремились соединить риторику освободительного движения и язык патриотической пропаганды военного времени» [8, с. 110].

Иногда в несоциалистической прессе «борцами за свободу», особенно в канун торжественного заседания представителей всех четырех Государственных Дум, состоявшегося 27 апреля, называли всех некогда оппозиционных депутатов. Тем самым в число «борцов за свободу» А. И. Гучков включался еще и на правах «думца» [39]. Применительно к А. И. Гучкову существовал и характерный только для него аргумент, позволявший сторонникам и подчиненным причислять военного министра к «борцам за свободу», периодически они интерпретировали участие Александра Ивановича в англо-бурской войне на стороне африканеров как «*борьбу за свободу буров*» [40; 41].

Например, 30 марта в Минском городском театре, где собрались представители местного Совета, общественных организаций, солдаты и офицеры, А. И. Гучков и его давний знакомый, на тот момент командующий Западным фронтом генерал В. И. Гурко, поочередно «представляли» друг друга публике. В. И. Гурко напомнил присутствующим о том, что А. И. Гучков «*боролся за свободу буров*», а военный министр, в свою очередь, актуализировал тот факт, что генерал В. И. Гурко был председателем «Общества военной мощи России», которое за-

крыл бывший царский военный министр В. А. Сухомлинов [40]. Уже в эмиграции В. И. Гурко вспоминал, что и его самого, и А. И. Гучкова в минском театре встречали и провожали восторженно, патриотические речи министра и командующего Западным фронтом были покрыты громкими аплодисментами [41, с. 340].

Но А. И. Гучков, как и его сменщик на посту военного министра А. Ф. Керенский [8, с. 112], не только пассивно получал политические очки за счет признания себя хотя бы частью российского общества в качестве «борца за свободу», но и сам косвенно приложил руку к утверждению и официальному санкционированию данного «культа». Александр Иванович посетил торжественную церемонию похорон «борцов за свободу» на Марсовом поле вместе с Л. Г. Корниловым. Как официальный руководитель обновленной «революционной» армии А. И. Гучков символически признал новый «культ», встав на колени перед могилами погибших и перекрестившись [2, с. 50]. Всего в церемонии участвовало около 800 тысяч человек, а самым часто повторяющимся текстом на транспарантах и плакатах, которые несли участники торжественных похорон, были первые слова из знаменитой революционной песни «Вы жертвою пали...». Память погибших в «борьбе за свободу» почитали на своих собраниях и военно-промышленные комитеты [42], а военный министр, не разрывавший своих связей с ЦВПК, отменил в день похорон все учебные занятия, дабы все желающие военнослужащие смогли посетить торжественную церемонию [43].

Один из самых популярных иллюстрированных журналов России – «Нива» по горячим следам опубликовал на своих страницах фотографии с похорон жертв революции на Марсовом поле. На одной из них А. И. Гучков был запечатлен у братской могилы вместе с председателем Государственной Думы М. В. Родзянко, а на другой, по версии «Нивы», – вместе с

членами Петроградского Совета под знаменем, нарисованным учениками Академии художеств. На полотнище был изображен Прометей, сбросивший цепи, у ног которого лежали символы царской власти: орел и корона [44; 45]. Подобные снимки, очевидно, должны были подчеркнуть достигнутый хрупкий союз между Временным правительством и Петроградским Советом, который на тот момент еще не был поколеблен «нотой Милюкова» [46]. «Издательство художественных открытых писем Я. В. Штейнберга» даже выпускало открытки, на которых А. И. Гучков был изображен вместе с М. В. Родзянко у могилы «борцов за свободу» [47].

Как минимум, очень созвучной с «культом борцов за свободу» была так называемая «борьба за армию» А. И. Гучкова – один из важнейших элементов его политической биографии весной 1917 г., который часто упоминался не только дружественной военному министру прессой, но и им самим в публичных выступлениях [48; 49; 50]. К этой «борьбе» обычно относили работу А. И. Гучкова в думской комиссии по обороне и его отдельные выступления в стенах III Думы, прежде всего, знаменитую речь о негативной роли великих князей в управлении русской армией [51]. Особенно к месту пришелся в новых политических реалиях давний конфликт А. И. Гучкова с бывшим военным министром В. А. Сухомлиновым и знаменитое «дело Мясоедова», одним из главных действующих лиц которого был Александр Иванович [52]. Более или менее публично противостоять царской бюрократии приходилось А. И. Гучкову и в качестве главы ЦВПК, деятельность которого активно освещалась в прессе [53, с. 14–15] и во многом позволила бывшему лидеру октябристов реанимировать свою политическую карьеру после поражения на выборах в IV Государственную Думу в 1912 г.

Выводы

Официальная и «буржуазная» печать, хоть и не так часто, как в случае с А. Ф. Керенским, но применяла по отношению к военному министру А. И. Гучкову номинации, связанные с понятиями «гражданин» и «народ». Солдаты и рабочие использовали их в приветствиях, обращенных к министру, как и те люди, организации и воинские части, которые сожалели об уходе Александра Ивановича с поста военного министра в начале мая 1917 г. Определенным своеобразием по сравнению с другими министрами Временного правительства обладало взаимодействие А. И. Гучкова с «культом бор-

цов за свободу». Он не только способствовал организации похорон жертв революции и посетил торжественную церемонию на Марсовом поле. Сторонники причисляли А. И. Гучкова к «борцам за свободу», апеллируя к его оппозиционному прошлому «думца», а также помощи бурам в их борьбе за национальную свободу. Пафосом «борьбы» против старого режима была проникнута и постоянно актуализируемая весной 1917 г. самим А. И. Гучковым и его симпатизантами история противостояния Александра Ивановича с В. А. Сухомлиновым и С. Н. Мясоедовым, олицетворявшими в себе все недостатки свергнутой царской бюрократии.

Список литературы

1. Филиппова Т. А. Братание идеи со штыком. Политико-культурные смыслы Великой российской революции // Российская история. 2017. № 2. С. 78–92.
2. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.
3. Колоницкий Б. И. Антимонархическая революция 1917 года и начало формирования культа вождя народа // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2017. № 6. С. 35–53.
4. Колоницкий Б. И. Культурная гегемония социалистов в российской революции 1917 года // Неприкосновенный запас. 2017. № 6 (116). С. 72–87.
5. Аксёнов В. Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 17–32.
6. Аксенов В. Б. «Черное авто» как символ революционного насилия в 1917 г.: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 112–141.
7. Румянцев А. Г. «Полицейские пулемёты» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды: сборник научных статей. СПб.: ООО «ЭлекСис», 2015. С. 38–54.
8. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛЮ, 2010. 664 с.
9. Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» март-июнь 1917 года. М.: НЛЮ, 2017. 520 с.
10. Аксенов В. Б. Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 2. С. 455–472.
11. Аксенов В. Б. «Враги России» в журнальной карикатуре // Российская история. 2016. № 5. С. 216–222.
12. Филиппова Т. А., Баратов П. Н. «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. 271 с.

13. Филиппова Т. А. «Враг внутренний» – «враг внешний». Образы революции 1917 г. в русской сатирической журналистике // Российская история. 2015. № 6. С. 90–98.
14. Нефедов С. А. О Февральской революции и «Заговоре Гучкова» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 2/1. С. 15–19.
15. Кузнецов Д. А. Реформа русской армии (март-апрель 1917 г.) А. И. Гучков // Российская цивилизация: история и современность: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 11. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2001. С. 79–85.
16. Жебровский С. С. Высший командный состав русской армии весной 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 2. С. 196–201.
17. Гальперина Б. Д. Февральская революция и права солдат. Опыт источниковедческого исследования // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 55–71.
18. Федюк В. П. Керенский. М.: Молодая гвардия, 2009. 405 с.
19. Гавроева Е. С. Письма во власть: рабочие и М. В. Родзянко (март 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сборник научных статей / редколл.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2015. С. 76–81.
20. Колоницкий Б. И. А. Ф. Керенский как «первый гражданин» // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып. 2. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарного ун-та, 2010. С. 134–149.
21. Заявление пограничников // Русский инвалид. 1917. № 91. С. 6.
22. Голос армии // Вечернее время. 1917. № 1789. С. 3.
23. Защитники свободы // Русский инвалид. 1917. № 91. С. 6.
24. Пребывание в Одессе А. И. Гучкова // Армейский вестник. 1917. № 507. С. 2.
25. Гражданин военный министр // Искры. 1917. № 16. С. 120–121.
26. Приказ по морскому министерству // Русское слово. 1917. № 51. С. 1.
27. Воззвание Временного правительства // Русская воля. 1917. № 8. С. 5.
28. Граждане и воины // Русский инвалид. 1917. № 84. С. 4.
29. Приказ по армии и флоту // Русский инвалид. 1917. № 84. С. 4.
30. Воззвание Временного правительства к рабочим на фронте // Армейский вестник. 1917. № 505. С. 2.
31. Воззвание военного министра // Армейский вестник. 1917. № 505. С. 1.
32. Воззвание военного министра к солдатам действующей армии // Армейский вестник. 1917. № 505. С. 1.
33. Клерже Г. На главном русском фронте // Русский инвалид. 1917. № 67. С. 1.
34. Сочувствие А. И. Гучкову // Новое время. 1917. № 14757. С. 3.
35. А. И. Гучков в Риге // Трудовая копейка. 1917. № 58. С. 5.
36. ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1217.
37. Первый совет министров // Новое время. 1917. № 14720. С. 6.
38. Деятели в-пр. к-тов в составе временного правительства // Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1917. № 208. С. 1.
39. Ксюнин Ал. Борьба за свободную Россию // Вечернее время. 1917. № 1806. С. 1.
40. А. И. Гучков на фронте // Петроградский листок. 1917. № 78. С. 3.
41. Гурко В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М.: Центрполиграф, 2007. 399 с.
42. Московский областной съезд военно-промышленных комитетов // Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1917. № 209. С. 2.

43. Приказ военного министра // Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1917. № 209. С. 2.
44. Всенародные похороны жертв борьбы за свободу // Нива. 1917. № 14. С. 206.
45. У братской могилы на Марсовом поле // Нива. 1917. № 14. С. 211.
46. А. И. Гучков – военный министр Временного правительства. URL: <https://goscatalog.ru/portal/#/collections?id=5533022> (дата обращения: 20.08.2020).
47. Грандиозные похороны жертв Революции. Открытое письмо. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011235752/ (дата обращения: 20.08.2020).
48. Севастопольцы у А. И. Гучкова // Новое время. 1917. № 14728. С. 2.
49. Делегация Черноморского флота // Петроградский листок. 1917. № 64. С. 3.
50. А. И. Гучков в киевском исполнительном комитете // Петроградский листок. 1917. № 84. С. 4.
51. А. И. Гучков. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике 1908-1917. Пг.: Новое время, 1917. 130 с.
52. Fuller W. C. *The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia*. Cornell University Press, 2006, 304 p.
53. Ливен Д. Война, революция и империя // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост.: О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XXII: 1917 год. М.: Модест Колеров, 2017. С. 7–35.

References

1. Filippova T. A. Bratanie idei so shtykom. Politiko-kul'turnye smysly Velikoy rossiyskoy revolyutsii [Marriage of an idea with a bayonet: Political and cultural meanings of the Great Russian Revolution]. *Rossiyskaya Istoriya = Russian History*, 2017, no. 2, pp. 78–92.
2. Kolonitskii B. I. Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniiu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revolyutsii 1917 goda [Symbols of power and the struggle for power: On the study of the political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2012. 320 p.
3. Kolonitskii B. I. Antimonarkhicheskaya revolyutsiya 1917 goda i nachalo formirovaniya kul'ta vozhdya naroda [The anti-monarchical revolution of 1917 and the beginning of the formation of the cult of the leader of the people]. *Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova = Historical research. Journal of the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University*, 2017, no. 6, pp. 35–53.
4. Kolonitskii B. I. Kul'turnaya gegemoniya socialistov v rossijskoj revolyucii 1917 goda [The cultural hegemony of the socialists in the Russian revolution of 1917]. *Neprikosnovennyj zapas = Emergency ration*, 2017, no. 6, pp. 72–87.
5. Aksenov V. B. Revolyutsiya i nasilie v voobrazhenii sovremennikov: slukhi i emotsii "medovogo mesyatsa" 1917 g. [Revolution and violence in contemporaries' imagination: rumors and emotions of the "honeymoon" of 1917]. *Rossiyskaya Istoriya = Russian History*, 2017 no. 2, pp. 17–32.
6. Aksenov V. B. "Chernoe avto" kak simvol revolyutsionnogo nasiliya v 1917 g.: fobiya, mifologema, emotsional'nyy stimul ["The Black Car" as a Symbol of Revolutionary Violence in 1917: Phobia, Mytheme, Emotional Stimulus"]. *Antropologicheskij forum = Forum for Anthropology*, 2017, no. 32, pp. 112–142.

7. Rumyancev A. G. ["Police machine guns" in February 1917: myth or reality?]. *Revoluciya 1917 goda v Rossii: Novy'e podxody i vzglyady. Sbornik nauchny'x statej = The Revolution of 1917 in Russia: New approaches and views: a collection of scientific articles*. St. Petersburg, E'lekSis Publ., 2015, pp. 38–54. (In Russ.)
8. Kolonitskii B. I. "Tragicheskaya e'rotika": obrazy' imperatorskoj sem'i v gody' Pervoj mirovoj vojny' ["Tragic Erotica": Images of the Imperial Family during the First World War]. Moscow, NLO Publ., 2010, 664 p.
9. Kolonitsky B. I. "Tovarish Kerensii": antimonarkhicheskaya revolyutsia i formirovanie kul'ta "vozhdya naroda" (mart-iyun 1917 goda ["Comrade Kerensky": antimonarchic revolution and the formation of the "Father of nations" cult (March–June of 1917)]. Moscow, NLO Publ., 2017. 520 p.
10. Aksenov V. B. Obrazy Lenina v vizual'noy satire i prichiny krakha antibol'shevistskoj propagandy [Lenin's Images in Visual Satire and the Collapse of Anti-Bolshevik Propaganda]. *Quaestio Rossica*, 2020, no. 8(2), pp. 455–472.
11. Aksenov V. B. "Vragi Rossii" v zhurnal'noy karikature ["The enemies of Russia" in journals' cartoons]. *Rossiyskaya Istoriya = Russian History*, 2016, no. 5, pp. 216–222.
12. Baratov P. N., Filippova T. A. "Vragi Rossii". Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoj zhurnal'noi satire epokhi Pervoi mirovoj vojny ["Enemies of Russia". Images and Rhetoric of Enmity in Russian Magazine Satire of the First World War Era]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2014. 271 p.
13. Filippova T. A. "Vrag vnutrennij" – "vrag vneshnij". Obrazy revolyutsii 1917 g. v russkoj satiricheskoi zhurnalistike ["Internal Enemy" – "External Enemy". Images of the 1917 Revolution in Russian Satirical Journalism]. *Rossiyskaya Istoriya = Russian History*, 2015, no. 6, pp. 90–98.
14. Nefedov S. A. O Fevral'skoj revolyucii i "Zagovore Guchkova" [About the February revolution and the "Guchkov conspiracy"]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social-Educational Idea*, 2017, vol. 9 (2/1), pp. 15–19.
15. Kuznecov D. A. [Reform of the Russian army (March–April 1917) A. I. Guchkov]. *Rossiyskaya civilizaciya: istoriya i sovremennost. Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Russian Civilization: history and modernity: interuniversity collection of scientific papers]. Voronezh, Voronezh St. Ped. Univ. Publ., 2001, vol. 11, pp. 79–85. (In Russ.)
16. Zhebrovsky S. S. Vysshiy komandnyy sostav russkoj armii vesnoy 1917 g. [The high officer personnel of the Russian army in the spring 1917]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Vestnik of Saint-Petersburg University. History*. 2007, vol. 2, no. 2, pp. 196–201.
17. Galperina B. D. Fevral'skaya revolyuciya i prava soldat. Opyt istochnikovedcheskogo issledovaniya [The February Revolution and the Rights of the Soldier. Experience of source research]. *Voprosy istorii = History issues*, 2000, no. 10, pp. 55–71.
18. Fedyuk V. P. Kerenskij [Kerensky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009. 405 p.
19. Gavroeva E. S. [Letters to power: workers and M. V. Rodzianko (March 1917)]. *Revoluciya 1917 goda v Rossii: novy'e podxody i vzglyady. Sbornik nauchnykh statej* [The Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views. Collection of scientific articles]; ed. by A. B. Nikolaev, D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov. St. Petersburg, E'lekSis Publ., 2015, pp. 76–82. (In Russ.)
20. Kolonitskii B. I. A. F. Kerenskij kak "pervyj grazhdanin" [A. F. Kerensky as "the first citizen"]. *Fakty i znaki. Issledovaniya po semiotike istorii = Facts and signs. Studies in the semiotics of history*, 2010, no. 2, pp. 134–149.

21. Zayavlenie pogranichnikov [Border guards statement]. *Russkij invalid* = *Russian invalid*, 1917, no. 91, p. 6.
22. Golos armii [Army voice]. *Vechnoe vremya* = *Evening time*, 1917, no. 1789, p. 3.
23. Zashhitniki svobody [Defenders of freedom]. *Russkij invalid* = *Russian invalid*, 1917, no. 91, p. 6.
24. Prebyvanie v Odesse A. I. Guchkova [A. I. Guchkov in Odessa]. *Armejskij vestnik* = *Army bulletin*, 1917, no. 507, p. 2.
25. Grazhdanin voennyj ministr [Citizen Minister of War]. *Iskry* = *Sparks*, 1917, no. 16, pp. 120–121.
26. Prikaz po morskemu ministerstvu [Order for the Marine Ministry]. *Russkoe slovo* = *Russian word*, 1917, no. 51, p. 1.
27. Vozzvanie Vremennogo pravitel'stva [Appeal of the Provisional Government]. *Russkaya volya* = *Russian freedom*, 1917, no. 8, p. 5.
28. Grazhdane i voiny [Citizens and Warriors]. *Russkij invalid* = *Russian invalid*, 1917, no. 84, p. 4.
29. Prikaz po armii i flout [Order for the army and navy]. *Russkij invalid* = *Russian invalid*, 1917, no. 84, p. 4.
30. Vozzvanie Vremennogo pravitel'stva k rabochim na fronte [Proclamation of the Provisional Government to the workers at the front]. *Armejskij vestnik* = *Army bulletin*, 1917, no. 505, p. 2.
31. Vozzvanie voennogo ministra [Proclamation of the Minister of War]. *Armejskij vestnik* = *Army bulletin*, 1917, no. 505, p. 1.
32. Vozzvanie voennogo ministra k soldatam dejstvuyushhej armii [Proclamation of the Minister of War to the soldiers of the army]. *Armejskij vestnik* = *Army bulletin*, 1917, no. 505, p. 1.
33. Klerzhe G. Na glavnom russkom fronte [On the main Russian front]. *Russkij invalid* = *Russian invalid*, 1917, no. 67, p. 1.
34. Sochuvstvie A. I. Guchkovu [Empathy for A. I. Guchkov]. *Novoe vremya* = *New time*, 1917, no. 14757, p. 3.
35. A. I. Guchkov v Rige [A. I. Guchkov in Riga]. *Trudovaya kopejka* = *Labor penny*, 1917, no. 58, pp. 5.
36. GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii) [State Archive of Russian Federation], f. 555, op. 1, d. 1217.
37. Pervyj sovet ministrov [First Council of Ministers]. *Novoe vremya* = *New time*, 1917, no. 14720, p. 6.
38. Deyateli v-pr. k-tov v sostave vremennogo pravitel'stva [Members of the military-industrial committees in the Provisional Government]. *Izvestiya Central'nogo voenno-promyshlennogo komiteta* = *Bulletin of Central War-Industrial Committee*, 1917, no. 208, p. 1.
39. Ksyunin Al. Bor'ba za svobodnuyu Rossiyu [Fight for a free Russia]. *Vechnyaya vremya* = *Evening time*, 1917, no. 1806, p. 1.
40. A. I. Guchkov na fronte [A. I. Guchkov at the front]. *Petrogradskij listok* = *Petrograd newspaper*, 1917, no. 78, p. 3.
41. Gurko V. Vojna i revolyuciya v Rossii. Memuary komanduyushhego Zapadnym frontom 1914–1917 [War and revolution in Russia. Memoirs of the commander of the Western Front. 1914–1917]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2007. 399 p.

42. Moskovskij oblastnoj s'ezd voenno-promy'shlenny'h komitetov [Moscow regional congress of military-industrial committees]. *Izvestiya Central'nogo voenno-promy'shlennogo komiteta = Bulletin of Central War-Industrial Committee*, 1917, no. 209, p. 2.
43. Prikaz voennogo ministra [Order of the Minister of War]. *Izvestiya Central'nogo voenno-promy'shlennogo komiteta = Bulletin of Central War-Industrial Committee*, 1917, no. 209, p. 2.
44. Vsenarodnye pohorony zhertv bor'by za svobodu [National funeral of victims of the fight for freedom]. *Niva = Cornfield*, 1917, no. 14, p. 206.
45. U bratskoj mogily' na Marsovom pole [At a mass grave on the Field of Mars]. *Niva = Cornfield*, 1917, no. 14, p. 211.
46. A. I. Guchkov – voennyj ministr Vremennogo pravitel'stva [A. I. Guchkov – Minister of War of the Provisional Government]. Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5533022>. (accessed 20.08.2020)
47. Grandioznye pohorony zhertv Revolyucii. Otkrytoe pis'mo [The grand funeral of the victims of the Revolution. Open letter]. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011235752. (accessed 20.08.2020)
48. Sevastopol'cy u A. I. Guchkova [Residents of Sevastopol at A. I. Guchkov]. *Novoe vremya = New time*, 1917, no. 14728, p. 2.
49. Delegaciya Chernomorskogo flota [Delegation of the Black Sea Fleet]. *Petrogradskij listok = Petrograd newspaper*, 1917, no. 64, p. 3.
50. A. I. Guchkov v kievskom ispolnitel'nom komitete [A. I. Guchkov in the Kiev executive committee]. *Petrogradskij listok = Petrograd newspaper*, 1917, no. 84, p. 4.
51. A. I. Guchkov Rechi po voprosam gosudarstvennoj oborony i ob obshej politike 1908–1917 [State Defense and General Policy Speeches 1908–1917]. Petrograd, *Novoe vremya = New time* Publ., 1917. 130 p.
52. Fuller W. C. The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia. Cornell University Press, 2006. 304 p.
53. Liven D. Vojna, revolyuciya i imperiya [War, revolution and empire]. *Russkij sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Studies on the History of Russia]; ed. by O. R. Ajrapetov, M. A. Kolerov, Bryus Menning, A. Yu. Polunov, Pol Chejsti. Vol. XXII: 1917 god. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2017, pp. 7–35.

Информация об авторе / Information about the Author

Хвалин Тихон Андреевич, аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: khvalin1@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9858-1824

Tikhon A. Khvalin, Post-Graduate Student, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
e-mail: khvalin1@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9858-1824

Оригинальная статья / Original article

УДК 94.47

Проблемы обеспечения вещевым имуществом войск Центрального фронта в ходе подготовки к Курской битве

Р. С. Байрамов¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: bayram1316@yandex.ru

Резюме

Актуальность. На протяжении всего послевоенного периода особое внимание при осмыслении событий Великой Отечественной войны уделяется боевым действиям войск Красной армии, зачастую оставляя вне поля зрения работу тыловых служб. Данное исследование посвящено такому немаловажному фактору победы, как обеспечение вещевым имуществом войск Центрального фронта весной-летом 1943 года. Несмотря на наличие фундаментальных трудов по истории тыла РККА, детального освещения данный вопрос не получил и является малоизученным в советской и современной историографии. В данном исследовании рассматриваются проблемы, возникавшие при смене зимнего обмундирования на летнее. Не менее важным аспектом работы является анализ численного количества имевшегося и необходимого Центральному фронту обмундирования в ходе подготовки к Курской битве. Работа, подготовленная на основе документов Центрального архива Министерства обороны РФ, детально раскрывает специфику деятельности интендантских органов по вопросам вещевого снабжения Центрального фронта в ходе подготовки к Курской битве, в весенне-летний период 1943 года.

Целью исследования является обобщение опыта деятельности интендантской службы Центрального фронта в период подготовки к Курской битве.

Задачами являются: анализ исторических документов, связанных с работой интендантской службы; выявление проблем в деятельности частей и соединений по вопросам вещевого обеспечения.

Методология. Основой исследования являются принципы объективности и историзма, историко-генетический, историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы.

Результаты научного исследования позволили сделать определенные выводы, связанные с вещевым обеспечением войск Центрального фронта накануне Курской битвы.

Выводы. Работа тыловых служб по вопросам вещевого довольствия РККА носила противоречивый характер. С одной стороны, в войсках сложился четко отлаженный механизм организации деятельности интендантской службы, а с другой – зачастую халатное и безответственное отношение к исполнению служебных обязанностей со стороны отдельных должностных лиц препятствовало ее эффективной работе.

Ключевые слова: Центральный фронт; интендантская служба; вещевое обеспечение; ремонт обмундирования.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-9000120».

Для цитирования: Байрамов Р. С. Проблемы обеспечения вещевым имуществом войск Центрального фронта в ходе подготовки к Курской битве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 194–200.

Поступила в редакцию 12.02.2021

Принята к публикации 17.03.2021

Опубликована 26.04.2021

© Байрамов Р. С., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2021; 11(2): 194–200

Problems of Providing the Troops of the Central Front with Clothing Equipment in Preparation for the Battle of Kursk

Ruslan S. Bayramov¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: bayram1316@yandex.ru

Abstract

Relevance. Throughout the post-war period, special attention in understanding the events of the Great Patriotic War is paid to the combat actions of the Red Army troops, often leaving out of sight the work of the rear services. This study is devoted to such a rather important factor of victory as the provision of clothing items to the troops of the Central Front in the spring and summer of 1943. Despite the presence of fundamental works on the history of the rear of the Red Army, this issue has not received detailed coverage and is poorly studied in Soviet and modern historiography. This study examines the problems that arose when changing from winter to summer uniforms. An equally important aspect of the work is the analysis of the numerical amount of uniforms available and necessary for the Central Front in preparation for the Battle of Kursk. The work, prepared on the basis of documents from the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation, reveals in detail the specifics of the activities of the quartermaster bodies on the issues of clothing supply to the Central Front in preparation for the Battle of Kursk, in the spring-summer period of 1943.

The purpose research study is to summarize the experience of the activities of the commissary service of the Central Front in the period of preparation for the Battle of Kursk.

Objectives are: analysis of historical documents related to the work of the quartermaster service; identification of problems in the activities of units and formations on matters of clothing support.

Methodology research made it possible to draw certain conclusions related to the clothing supply of the troops of the Central Front on the eve of the Battle of Kursk.

Results scientific research made it possible to draw certain conclusions related to the clothing supply of the troops of the Central Front on the eve of the Battle of Kursk.

Conclusions. The work of the rear services on the issues of clothing content of the Red Army evokes mixed feelings, on the one hand, a well-oiled mechanism for organizing the activities of the quartermaster service, and on the other hand, it is often negligent and irresponsible attitude on the part of individual officials.

Keywords: Central front; quartermaster service; clothing supply; uniform repair.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was prepared with the financial support of the RFBR grant within the framework of the scientific project No. 20-39-90001 \ 20».

For citation: Bayramov R. S. Problems of Providing the Troops of the Central Front with Clothing Equipment in Preparation for the Battle of Kursk. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(2): 194–200. (In Russ.)

Received 12.02.2021

Accepted 17.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

Всего через два года будет отмечаться 80-летие победы в Курской битве, истории которой посвящены сотни научных публикаций, документальных изданий и обширная мемуарная литература. Но до сих пор нет достаточного количества публикаций, посвященных проблеме под-

готовки материальных ресурсов к одному из главных сражений Великой Отечественной войны [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Соответственно, нет четкого ответа на многие вопросы, связанные со снабжением войск вещевым имуществом накануне Курской битвы. Первой проблемой, с которой столкнулось интендантское управление

Центрального фронта, стало переодевание войск с зимнего обмундирования на летнее. Крайне нелегко проходил сбор зимней одежды и отправка ее в тыл. Отработанная схема передачи сведений о необходимости вещей в тех или иных частях и соединениях фронта нередко нарушалась, что приводило к неполной обеспеченности вещевым имуществом. Потери форменной одежды имели место и вследствие выполнения манипуляций медицинскими работниками, которые, несмотря на установленные правила, при оказании первой помощи портили обмундирование бойца. В медицинских учреждениях не был организован имущественный фонд, вследствие чего учащались хищения и пропажи вещей.

Методология

Руководствуясь принципом историзма, мы использовали в данном исследовании историко-генетический метод исследования, при помощи которого нам удалось раскрыть проблемы, возникавшие в ходе деятельности интендантской службы Центрального фронта. Историко-сравнительный метод использовался для проведения сравнительного анализа информации из разных фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение

Деятельность интендантской службы Центрального фронта не прекращалась ни на минуту, одной из самых сложных задач, поставленной перед ней, являлось обеспечение войск сезонным обмундированием. Весной 1943 г. в непростых условиях было необходимо произвести сбор зимнего обмундирования во всех частях и соединениях фронта, взамен предоставив летний комплект. После сбора зимней одежды она делилась на три группы: первую отправляли на склады НКО для дальнейшего использования, вторую доставляли в мастерские для ремонта и чистки, а после также отправляли

на склады, третья группа считалась непригодной для дальнейшего использования и отправлялась в народное хозяйство [8].

Выполнение приказа по войскам Центрального фронта о сборе и отправке в тыл теплого обмундирования осуществлялось неудовлетворительно, в результате чего существовал риск срыва сроков сдачи, установленных ГКО СССР. К 24 апреля 1943 г. не был завершен сбор и отправка в тыл валенок, полушубков и других меховых предметов вещевого снабжения [9, л. 13 об.]. Фиксировался большой процент несданных меховых жилетов и свитеров в штабах соединений. Например, по управлению 81-й стрелковой дивизии не было сдано 39 жилетов и столько же свитеров. Командный состав настоятельно просил о выдаче вместо носков портянок, а также жаловался на отсутствие носовых платков [10, д. 5, л. 401].

Несмотря на складывавшуюся негативную ситуацию в организации сбора вещевого имущества, в справке, представленной начальнику штаба управления тыла Центрального фронта И. М. Карманову, указывалось, что к 4 мая 1943 г. переодевание бойцов 13-й армии в летнее обмундирование было окончено, но имелись случаи ношения шапок-ушанок. Все части армии кожаной обувью были обеспечены полностью. Для полного обеспечения среднего командно-начальствующего состава сапогами вместо имевшихся в наличии ботинок армии недоставало 2300 пар сапог [10, д. 5, л. 400].

Несмотря на доклады командного состава армий Центрального фронта о сборе и отправке зимнего обмундирования в тыл еще весной, в объяснительной записке начальника отдела вещевого снабжения интендантского управления Центрального фронта полковника В. А. Некрасова отмечалось, что в первые две недели июля 1943 г. в тыл было отгружено 52 025 единиц зимнего обмундирования. В их числе значились полушубки, телогрейки, меховые жилеты, валенки, шапки, перчатки,

лыжи и другие элементы зимнего обмундирования бойцов РККА [11, л. 246].

В конце марта 1943 г. в Курской области работало 85 предприятий, которые выпустили продукции более чем на 3 млн рублей, 2/3 которой были переданы фронту. Напряженный ритм работы был и у предприятий местной промышленности и промкооперации. В регионе удалось организовать производство военного обмундирования, в числе которого были шинели, гимнастерки, маскировочные костюмы и рукавицы. Предприятия также снабжали фронт ободно-вещевым имуществом: лыжи, сани, котелки армейские [12].

Во исполнение приказа Центрального фронта № 089 от 20 мая 1943 г. полковник интендантской службы В. А. Некрасов сообщал, что для бесперебойной работы мастерских по ремонту обмундирования и обуви были выданы в достаточном количестве нитки, иголки, пуговицы, а также починочный материал. В то же время имели место дефицит ремонтных инструментов и острая нехватка швейных машинок. Ремонт обуви в практически во всех частях 13-й армии был организован и производился своевременно. Но отпуск ремонтных материалов интендантским управлением фронта производился в недостаточном количестве. В результате 81-я стрелковая дивизия, например, в течение апреля 1943 г. получила всего 15 листов пласт-резины, чего явно не хватало для полноценного ремонта обуви.

Маскировочными халатами войска фронта в полной мере не обеспечивались, их производство было организовано из утильного материала. Дефицит нательного белья препятствовал процессу своевременного мытья личного состава в банях, что могло вызвать распространение педикулеза и иных кожных заболеваний среди бойцов. По данным на апрель 1943 г. в армиях Центрального фронта имелся недостаток в нательном белье, нехватка нательных рубаш составляла 49527 шт., наткальсон 65663 шт. [12]

24 апреля 1943 г. был издан приказ войскам Центрального фронта по тылу № 054 «О результатах проверки состояния обеспеченности кожаной обувью частей и соединений 70-й армии», произведенной в период с 8 по 16 апреля 1943 г. интендантом фронта. В ходе данной проверки было установлено, что представленное армейским интендантом донесение о потребности и обеспеченности кожаной обувью по состоянию на 1 апреля 1943 г. оказалось ложным, не отражавшим действительного положения обеспеченности частей и соединений 70-й армии. По представленному донесению армия была полностью обеспечена кожаной обувью, хотя по факту проведенной проверки был установлен недостаток обуви в количестве 5500 пар, из которых 1500 пар для бойцов, совсем не имевших кожаной обуви и находившихся в валенках. Остальные 4000 пар обуви предназначались на замену негодной. Данная ситуация произошла ввиду того, что ни армейский интендант, ни начальник вещевого отделения работой интендантской службы в частях и соединениях лично не руководили и лично не изучали обстановку на местах. Заместители командиров дивизий по тылу, в свою очередь, о состоянии обеспеченности в частях и соединениях узнавали в устной форме из докладов начальников интендантского снабжения дивизий.

В отношении контроля за эксплуатацией вещевого имущества командование фронтом отмечало, что в частях и соединениях 70-й армии он находился на крайне низком уровне. Осмотр обмундирования и обуви не производился, бойцы ходили в грязном и поврежденном обмундировании. Младший командный состав не только не предъявлял требования к бойцам по соблюдению мер сохранности форменного обмундирования, но и сам не следил за своим. Ремонт вещевого имущества не производился. Нитками, иглами, пуговицами и другой фурнитурой бойцы не обеспечивались, несмотря

на требования приказа НКО № 053 от 24 января 1943 г. «О недостатках в материально-бытовом обслуживании бойцов на фронте и в запасных частях», в котором говорилось о необходимости «ликвидировать имеющиеся факты бездушно-бюрократического отношения к материально-бытовым условиям жизни бойцов» [9, л. 13–14].

Ситуация со снабжением войск форменным обмундированием стабилизировалась к началу Курской битвы. Если из донесения интендантской службы на 1 марта 1943 г. следовало, что обеспеченность войск Центрального фронта вещевым имуществом находилась на крайне низком уровне и лишь по некоторым позициям имелись незначительные излишки, то уже к 1 июля 1943 г. проблема обеспеченности им была решена. В излишнем достатке имелись шинели, шаровары, нательное белье, кирзовые сапоги, ботинки яловые и иное снаряжение, включая плащ-палатки и ремни [11, л. 71, 113].

Подобные донесения регулярно составлялись каждой войсковой частью, учреждением, заведением, соединением и армией по соответствующей форме в виде таблицы. Информация в ней фиксировалась по указанной номенклатуре и включала список обмундирования бойца с отметками по двум основным пунктам: «положено» и «имеется». После внесения в таблицу данные сопоставлялись. Таким образом, выводилось соотношение излишков и недостатков по каждой позиции [11, л. 248–250 об.].

Изученные документы свидетельствуют о наличии проблем с обеспечением сохранности вещевого имущества при оказании бойцам медицинской помощи. Спасая раненых на поле боя, медицинские работники делали разрезы на одежде не по швам, что приводило обмундирование в состояние, не подлежащее восстановлению. Часть обмундирования снималась при оказании помощи и оставалась на поле боя. И обвинять в этом санин-

структоров, которые в экстремальных условиях, рискуя собственной жизнью, выполняли свой профессиональный долг, но нарушали инструкции интендантских служб, было бы кощунственным. Интенданты же к сбору таких вещей относились крайне пренебрежительно.

Значительная часть вещевого комплекта бойцов РККА оставалась в передовых медицинских учреждениях. В результате этого некоторые раненые поступали и эвакуировались во фронтовые госпитали без гимнастеров, шаровар, обуви и нательного белья. В медицинских учреждениях учет личных вещей поступавших на лечение не осуществлялся. Вещи находились при раненом, в связи с чем в госпиталях имели место хищения или пропажи [9, л. 60].

Серьезным препятствием в организации снабжения вещевым имуществом стало безответственное отношение к исполнению служебных обязанностей отдельных должностных лиц в частях и соединениях. Отпуск вещевого имущества осуществлялся по планам, утвержденным ГКО СССР, составленным на основании донесений фронта по форме № 106. 10-я запасная стрелковая бригада к 5 марта 1943 г. данные интенданту армии не предоставила, в связи с чем в сводное донесение по Центральному фронту они не были включены. Донесение было представлено только 23 марта 1943 г. В нем была указана недостача нательных рубаш в количестве 9410 шт., нательных кальсон – 7018 шт., полотенец – 8862 шт. и 16578 пар портянок. В остальном же бригада была обеспечена полностью, а по обуви имелся избыток в количестве 3402 пар. В апреле 1943 г. 10-я запасная стрелковая бригада вновь не подала донесения по обеспеченности вещевым имуществом [10, д. 7, л. 739].

Выводы

Подводя итог, следует отметить, что деятельность по обеспечению вещевым имуществом не ограничивалась лишь

производством и отправкой вещей на фронт. В годы Великой Отечественной войны действовал сложный механизм, в котором действие каждого звена (от бойца до предприятий по изготовлению ниток и иголок) было крайне важным. Указанная работа была четко организована и

не должна была иметь изъянов. Но многие аспекты, связанные с халатным отношением отдельных должностных лиц, простым человеческим фактором, зачастую затрудняли обеспечение обмундированием войск Центрального фронта весной – летом 1943 г.

Список литературы

1. Волобуев А. В. Материальная и финансовая помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны (на материалах областей Центрального Черноземья): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2009. 185 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 3: Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
3. Проценко А. В. Охрана тыла действующей армии по опыту Великой Отечественной войны // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал. 2015. С. 61–66.
4. Гриднев В. П. Руководство тыловым обеспечением войск в Курской битве // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 131–139.
5. Доманк А. С. Тыл Огненной дуги. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1989. 269 с.
6. Потапов В. А. Тыл советских Вооруженных сил в сражениях 1941–1945 гг. // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 7. С. 31–36.
7. Тыл советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. ген. армии С. К. Куркоткина. М.: Воениздат, 1977. 559 с.
8. Насонов К. А. Вещевое обеспечение военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2011. № 7. С. 60–63.
9. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 307. Оп. 4176. Д. 1.
10. ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 354.
11. ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 427. Д. 19.
12. Денисова Н. В. Промышленность областей Центрального Черноземья России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 189 с.

References

1. Volobuev A. V. Material'naya i finansovaya pomoshch' tylu frontu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah oblastej Central'nogo Chernozem'ya). Diss. kand. ist. nauk [Material and financial assistance of the rear to the front during the Great Patriotic War (based on the materials of the regions of the Central Chernozem region. Diss. cand. hist. sci.]. Kursk, 2009. 185 p.
2. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. T. 3: Bitvy i srazheniya, izmenivshie hod vojny [The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 3: Battles and battles that changed the course of the war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012. 864 p.
3. Procenko A. V. Ohrana tylu dejstvuyushchej armii po opytu Velikoj Otechestvennoj vojny [Protection of the rear of the active army on the experience of the Great Patriotic War].

Nauchnyj vestnik Vol'skogo voennogo instituta material'nogo obespecheniya: voenno-nauchnyj zhurnal = *Scientific Bulletin of the Volsky Military Institute of Material Support: military-scientific journal*, 2015, pp. 61–66.

4. Gridnev V. P. Rukovodstvo tylovym obespecheniem vojsk v Kurskoj bitve [Management of the rear support of the troops in the Battle of Kursk]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* = *Managerial consulting*, 2017, no. 11, pp. 131–139.

5. Domank A. S. Tyl Ognennoj dugi [The rear of the Arc of Fire]. Voronezh, Centr.-Chernozem kn. izd-vo, 1989. 269 p.

6. Potapov V. A. Tyl sovetskih Vooruzhennyh sil v srazheniyah 1941–1945 gg. [The rear of the Soviet Armed Forces in the battles of 1941–1945]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii* = *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 7, pp. 31–36.

7. Tyl sovetskih Vooruzhennyh Sil v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. [The rear of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War of 1941–1945]; ed. by gen. armii S. K. Kurkotkin. Moscow, Voenizdat Publ., 1977. 559 p.

8. Nasonov K. A. Veshchevoe obespechenie voennosluzhashchih Krasnoj armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Clothing support for Red Army servicemen during the Great Patriotic War]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* = *Military-Historical Journal*, 2011, no. 7, pp. 60–63.

9. CAMO RF (Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 307, op. 4176, d. 1.

10. CAMO RF, f. 226, op. 354.

11. CAMO RF, f. 201, op. 427, d. 19.

12. Denisova N. V. Promyshlennost' oblastej Central'nogo Chernozem'ya Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.). Diss. kand. ist. nauk [Industry of the regions of the Central Chernozem Region of Russia during the Great Patriotic War (1941–1945). Diss. cand. hist. sci.]. Voronezh, 2003. 189 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Байрамов Руслан Сагифович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: bayram1316@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0210-5773

Ruslan S. Bayramov, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: bayram1316@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0210-5773

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94(394)

**Доходы помещичьих хозяйств России в годы
Первой мировой войны****А. А. Колупаев¹** ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Резюме

Актуальность. Данная статья посвящена проблеме доходности помещичьих хозяйств России в период Первой мировой войны. Значительная часть помещичьих хозяйств страны к 1914 году уже перешла на капиталистический путь развития и представляла собой передовые хозяйствующие субъекты. Передовой экономический опыт деятельности помещичьих хозяйств может быть полезен на современном этапе, когда в России продолжаются реформы, в том числе и в аграрном секторе. Кроме того, может восторжествовать историческая справедливость и советский ярлык полукрепостнического помещичьего хозяйства должен быть снят, а богатый исторический опыт помещичьего хозяйства будет всесторонне объективно оцениваться.

Целью исследования является изучение различных статей доходов помещичьих хозяйств России в период Первой мировой войны.

Задачи. Главные задачи нашего научного исследования сформулируем следующим образом: дать анализ исторических материалов, связанных со структурой доходов помещичьих хозяйств России в условиях Первой мировой войны; представить динамику доходов помещичьих хозяйств и вектор их экономического развития.

Методология. Методологической основой исследования послужили: принцип историзма; методы объективности и научности; хронологический, историко-сравнительный подходы.

Результаты научного исследования позволили сделать определённые выводы о структуре и динамике доходов помещичьих хозяйств России в период Первой мировой войны.

Выводы. В годы Первой мировой войны доходы помещичьих хозяйств России показали устойчивую динамику роста несмотря на сложный исторический период. Помещичьи хозяйства продемонстрировали свою экономическую состоятельность и дальнейшую экономическую перспективу. Многие из них значительно увеличили свои доходы, регулярно вносили платежи по предыдущим займам в Дворянский и другие банки и еще раз продемонстрировали свою экономическую и хозяйственную необходимость для экономики России.

Ключевые слова: помещичье хозяйство; динамика доходов; структура доходов; дворянский земельный банк; ссуда; промышленные предприятия.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Для цитирования: Колупаев А. А. Доходы помещичьих хозяйств России в годы Первой мировой войны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 201–209.

Поступила в редакцию 26.02.2021

Принята к публикации 19.03.2021

Опубликована 26.04.2021

Income of Russia's Industrial Farms in the Years of the First World War

Andrei A. Kolupaev¹ ✉

¹Southwest State University,
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Abstract

Relevance. This article is devoted to the problem of the profitability of landlord households in Russia during the First World War. By 1914, a significant part of the country's landlord economies had already switched to the capitalist path of development and were advanced economic entities. The advanced economic experience of landowners' activities can be useful at the present stage, when reforms are continuing in Russia, including in the agricultural sector. In addition, historical justice may triumph and the Soviet label of semi-feudal landlord economy should be removed, and the rich historical experience of landlord economy will be comprehensively and objectively evaluated.

The purpose the aim of the research is to study various items of income of landowners in Russia during the First World War.

Objectives we will formulate the main tasks of our scientific research as follows: to give an analysis of historical materials related to the structure of incomes of the landowners' households in Russia during the First World War; to present the dynamics of income of landowners and the vector of their economic development.

Methodology. The methodological basis of the research was the following: the principle of historicism; methods of objectivity and scientificness; chronological, historical and comparative approaches.

Results. The results of the scientific research made it possible to draw certain conclusions about the structure and dynamics of the incomes of the landowners' households in Russia during the First World War.

Conclusion thus, during the First World War, the incomes of the landowners' households in Russia showed a stable dynamics of growth in basic incomes despite the difficult historical period. The landowners demonstrated their economic viability and further economic prospects. Many of them significantly increased their income, regularly made payments on previous loans to Dvoryansky and other banks, and once again demonstrated their economic and economic necessity for the Russian economy.

Keywords: landlord economy; income dynamics; income structure; noble land bank; loan; industrial enterprises.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The publication was prepared within the framework of the state task for 2021 "Transformation of private and public law in the context of evolving individuals, society and the state" (No. 0851-2020-0033).

For citation: Kolupaev A. A. Income of Russia's Industrial Farms in the Years of the First World War. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(2): 201–209. (In Russ.)

Received 26.02.2021

Accepted 19.03.2021

Published 26.04.2021

Введение

Вопрос доходности помещичьих хозяйств в период Первой мировой войны вследствие революционных событий 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны был недостаточно изучен.

Советские историки называли их пережитком прошлого и скоро забыли.

Современную историческую методологию отличает пересмотр устоявшихся научных концепций, попытка формирования объективных моделей исторического прошлого. В этой связи вопрос об

эффективности помещичьих хозяйств был поставлен в повестку дня, а малоисследованные ранее статистические данные, вводимые в научный оборот, требуют пересмотра имеющихся оценок, снятия устойчивых ярлыков с истории российского дворянства.

Методология

Данная статья основана на принципах историзма, объективности и системности, а также хронологическом и историко-сравнительном подходах, что позволило восстановить историческую справедливость в вопросе доходности и эффективности помещичьих хозяйств в 1914–1918 гг., которые в советской исторической науке устойчиво клеймились как рудимент «прогнившего прошлого».

Результаты и их обсуждение

Положение сельскохозяйственного производства в помещичьем хозяйстве нельзя рассматривать изолированно от других сторон деятельности помещиков, от других источников их доходов. Особенно большое значение имели в помещичьем хозяйстве сахароварение, винокурение и перемол зерна. Как писал в 1914 г. В. И. Ленин: «„Соседи по имени“ в наш капиталистический век все чаще сами становятся заводчиками, винокурами, сахароварами и т. п., все больше принимают участие во всевозможных торгово-промышленных, финансовых, железнодорожных предприятиях. Крупнейшее дворянство тесно переплетается с крупнейшей буржуазией» [1, с. 262].

Всероссийской переписью 1917 г. были собраны сведения о промышленных предприятиях в помещичьих и крестьянских хозяйствах, которые впоследствии не были опубликованы. Примерное представление о распределении торгово-промышленных заведений по группам хозяйств могут дать первичные материалы указанной переписи по Тульской губернии [2, с. 122–127].

Из имеющихся материалов видно, что в большинстве помещичьих хозяйств губернии действовали промышленные (в основном, винокуренные, сахарные заводы и др.) или торговые заведения, а в некоторых крупных хозяйствах такого рода предприятий было несколько [2, с. 122–127].

Сахарная промышленность, как и винокурение, долгое время была привилегией дворянства. К началу Первой мировой войны от этой привилегии оставалось лишь преимущественное право дворян открывать новые сахароваренные и винокуренные предприятия. К началу войны большое влияние в сахарной промышленности приобрел финансовый капитал. Первое место в этом деле принадлежало Русскому для внешней торговли банку, руководитель которого А. Ф. Давыдов перед войной стал председателем правления крупнейших сахароваренных компаний – Александровского и Корюковского товариществ. Кроме производства на своих заводах, банк ежегодно скупал до 15–20 млн пудов сахара. На сахарном рынке активно действовали также Русско-Азиатский, Азово-Донской и Московский купеческий банки [3, с. 302; 4, с. 163].

В годы войны обороты в сахарной промышленности упали. Главными причинами этого были сокращение посевов свекловицы на крестьянских и помещичьих полях, падение урожайности и трудности с доставкой свеклы. Заводы расширили собственные посевы свекловицы к 1917 г. почти на треть, вследствие чего в целом площади под свекловицей сократились незначительно: с 697,4 тыс. дес. в 1914 г. до 670,4 тыс. дес. в 1915 г. и до 670,0 тыс. дес. в 1916 г. [5, с. 145]

Производство сахара в стране в годы войны понесло значительный ущерб. Выход песка и рафинада в сезоне 1913/14 г. составлял 104,6 млн, в 1914/15 г. – 116,6 млн пудов, а в 1915/16 г. – 91,7 млн пудов в 1916/17 г. – 72,6 млн пудов. Таким образом, в 1916/17 г. было произве-

дено сахара на 30,6% меньше, чем в 1913/14 г., и на 38,3% меньше, чем в 1914/15 г. [3, с. 301; 4, с. 164].

Это сокращение тяжело отразилось на населении; сахарозаводчики же и в этих условиях обеспечили себе высокие доходы. Так, член совета директоров Русского для внешней торговли банка А. Ю. Добрый за один только 1915/16 г. по одному Александровскому товариществу в качестве директора-распорядителя получил около 450 тыс. руб. Надо думать, немало он получил и по Корюковскому товариществу, а также по Мезеновскому, Кашперовскому, Артемовскому и Липовецкому заводам, где он находился в совете директоров [3, с. 303; 4, с. 164].

Производство крахмала в годы войны тоже несколько упало, хотя не столь значительное, как производство спирта. Если в 1913/14 г. на крахмал перерабатывалось 42,4 млн пудов картофеля, то в 1916/17 г. – 30,5 млн пудов. Соответственно, и количество выработанного сырого крахмала упало за эти годы с 10,6 млн до 7,2 млн пудов [3, с. 304; 4, с. 166].

Большие выгоды приносили помещикам паровые и водяные мельницы, имевшиеся почти в каждом более или менее крупном хозяйстве. Вместе с ростом цен на хлеб, получавшийся с помольщиков гарнцевой сбор, рос. Размер последнего еще больше увеличивал доходы помещиков-мукомолов. Особенно хорошо зарабатывали те мукомолы, которые участвовали в заготовительных операциях правительственных органов. Например, крупный помещик, председатель Саратовской губернской земской управы, бывший член Государственной думы К. Н. Гримм, взяв на себя обязанности уполномоченного по закупке хлеба для армии и перемол закупаемого хлеба, организовал производство в своем поместье. Исполняющий обязанности губернатора, подтверждая этот факт в письме директору Департамента полиции, ука-

зывал, что Гримм забирал в виде гарнцевого сбора каждый десятый или одиннадцатый пуд зерна [3, с. 304; 4, с. 166].

Можно было бы предположить, что доходы помещиков от лесного хозяйства, одной из наиболее крупных доходных статей, должны были сократиться, вследствие почти полного прекращения экспорта леса и сокращения внутреннего потребления на нужды строительства и пр. Однако в ряде мест, особенно вокруг столиц, крупных городов и промышленных предприятий, лесное хозяйство в годы войны давало исключительно большие доходы. Приведем для примера выдержки из докладной записки И. Шорина, управляющего Никольским имением Н. В. Гагарина (Рузский уезд Московской губ.), относящейся к концу 1914 г.: «Вследствие весьма значительного истребления лесов в округе Москвы по случаю дровяного кризиса, переживаемого ею в связи с военным временем, Никольская лесная дача получает еще большее значение, как крупная Доходная статья». Значительная мощность двигателей, установленных на лесопильном заводе Гагарина, по словам управляющего, давала «возможность поставить еще одну чесальную машину для приготовления древесной шерсти, сбыт которой в Москву был вполне обеспечен по высокой цене. Затем необходимо поставить еще ленторезную машину, так как ввиду вздорожания кровельного железа нужда в более дешевой и практичной крыше несомненно явится. Крайне желательно было бы поставить еще одну лесопильную раму, так как пока стоят такие высокие цены на древесину, желательно ежегодно разрабатывать двойную лесосеку, т. е. примерно 100 дес. в год» [3, с. 305; 4, с. 167].

Большие заказы на лесные материалы давал помещикам Всероссийский земский союз. Так, князь П. Д. Долгоруков, известный кадетский лидер и владелец крупного Мантуровского лесопильного завода в Курской губернии, только за ян-

варь – май 1917 г. получил от Земского союза 241,4 тыс. руб. за поставленные ему лесные материалы. За заказы и подряды помещики получали деньги не только через Земский союз, но и непосредственно от интендантства. Например, известный на Кубани помещик, барон Штейнгель в 1916 г. получил от интендантства аванс в 300 тыс. руб. на организацию производства [3, с. 306; 4, с. 167].

Помещики пытались принимать участие даже в военном снабжении армии. Так, например, Ракитянский свеклосахарный завод княгини З. Н. Юсуповой изготовил 2100 бомб на 1785 руб. Тяга помещиков к участию в поставках на армию была обусловлена исключительной прибыльностью этого дела. Прибыли от поставок в известной мере возмещали помещикам их потери на сокращении посевных площадей и скота и нередко даже стимулировали это сокращение [3, с. 307; 4, с. 168].

Помещичье хозяйство в годы Первой мировой войны, как и прежде, было предметом особых забот со стороны царского правительства. Особо важную роль в этом деле играл Государственный дворянский земельный банк – крупнейшее учреждение ипотечного кредита для дворян.

Как известно, ипотечный кредит (залог земли) получил перед войной широкое распространение, особенно среди частных владельцев. К 1 января 1914 г. в залоге находились 483 597 имений с 63 811 644 дес. земли, или 60% частновладельческих земель. На них числился остаток капитального долга в 3 276 786,7 тыс. руб. [6, с. 155; 7, с. 103]. Большое распространение имел залог у частных лиц, однако этот вид залога совершенно не освещен статистикой, как и вся широкая область частных долгов [4, с. 168].

Залог земли, как и продажа ее, – яркое проявление экономической деятельности помещиков. Это особенно заметно по деятельности Дворянского банка. Так, цифры показывают сокращение количе-

ства находившейся в залоге дворянской земли на 3,5 млн десятин. Казалось бы, что наряду с этим должен был уменьшиться и капитальный долг, по меньшей мере, на 145 млн руб. Между тем он не только не уменьшился, наоборот, увеличился на 30,8 млн руб. Долг на десятину земли вырос с 41 руб. 23 коп. до 55 руб. 77 коп.

Перезалоги имений в Дворянском банке стали настолько обычным явлением, что оттеснили на второй план основные операции по выдаче ссуд. Не лишено интереса сопоставление сумм, полученных помещиками по перезалогу имений, с суммами платежей банку по ссудам [6, с. 10]. Как видно из имеющихся цифр, Дворянский банк из ипотечного учреждения превратился для дворянства в благотворительное учреждение, готовое в любую минуту прийти им на помощь. В предшествовавшие войне годы суммы ссуд по перезалогам уже превышали суммы очередных платежей, которые поступали весьма неаккуратно. Сумма недоимок в 1913 г. составила 42% к годовому окладу платежей. Отдельные заемщики накапливали недоимки в десятки и даже сотни тысяч рублей. Так, по сведениям, относящимся к годам войны, недоимки имели:

светлейший князь А. Н. Лопухин-Демидов – 432,9 тыс. руб.,

граф В. Н. Орлов – 305,1 тыс. руб.,

князь А. А. и М. А. Куракины – 113,7 тыс. руб.,

баронесса Е. Н. Крюденер-Струве – 150 тыс. руб. и т. д.

Впрочем, крупные титулованные собственники и в частных банках умели накапливать огромные долги. Так, наследники П. П. Демидова князя Сан-Донато, имевшие в залоге у Нижегородско-Самарского земельного банка 625 176 дес. земли, были должны банку в 1916 г. 1 035,8 тыс. руб. [3, с. 170–171]

Случаи продажи с торгов имений недоимщиков из числа дворян были редки. По отчетным сведениям банка, в

1906–1913 гг. было назначено к продаже 55 404 имения, или 25,5% к общему числу заложенных имений; из них снято с торгов по уплате недоимок 39 613 имений и по представленным льготам без уплаты долгов – 16 145 имений, т. е. 29% всех назначенных к продаже. Продано же было с торгов только 400 имений из среднегодового количества 25,8 тыс. имений, состоявших в залоге [4, с. 171].

В начале мировой войны, несмотря на крайнюю нужду в деньгах, Министерство финансов дало указание Дворянскому банку не стесняться в предоставлении льгот по уплате взносов заемщикам. Министр финансов П. Л. Барк сообщал, что им «преподаны соответствующие указания Государственному дворянскому земельному банку, который по ходатайствам отдельных заемщиков всецело пойдет им навстречу предоставлением в надлежащих случаях нужных отсрочек» [4, с. 172].

Управляющий Крестьянским и Дворянским банками А. Карцов по поводу обращений помещиков о причислении срочных платежей к капитальному долгу в письме в Кредитную канцелярию Министерства финансов разъяснил ненужность такой операции следующим образом: заемщики, уплатившие ноябрьский взнос 1913 г., могут получить рассрочку майского и ноябрьского платежей в 1914 г. Платеж наступит только 1 мая 1915 г., но заемщик имеет льготный срок до 1 ноября 1915 г. За неуплату взносов и в этот срок имение может быть назначено в продажу только в апреле 1916 г. Таким путем можно было отсрочить платежи практически на полтора-два года. «Что же касается владельцев более задолженных в платежах Дворянскому банку имений, – заключает управляющий банками, – то следует иметь в виду, что названный банк, относясь с обычной отзывчивостью к нуждам своих заемщиков, не остановится и при настоящих условиях перед испрошением в уважительных случаях

особых разрешений к отмене продажи таких имений...» [4, с. 172].

Министерством финансов были приняты меры к расширению предоставления льгот и в частных земельных банках. Рост капитального долга при абсолютном уменьшении количества заложенной земли, наблюдавшийся и раньше, еще более усилился в годы войны. Если до войны увеличение капитального долга дворян составляло в среднем 3,85 млн руб., то за 1914–1916 гг. оно возросло до 13,46 млн руб. в год. Помещенные рядом цифры по недворянским залогам, где в те же годы произошло сокращение капитального долга на десятину заложенной земли при общем росте капитального долга, подчеркивают, насколько выгоднее было положение дворян в качестве заемщиков Дворянского банка по сравнению с теми, в чьи руки перешли земли дворян, заложенные в этом банке [4, с. 172].

О положении помещичьего хозяйства в годы войны известное представление можно получить из данных о движении платежей по ссудам Дворянского банка. Этими данными вскрывается весьма любопытная картина изменения платежеспособности помещиков. С одной стороны, в годы войны наблюдался значительный рост недоимочности заемщиков банка: на 1 января 1917 г. в недоимке оставалось 33 803 тыс. руб., что составляет 66,7% годового оклада платежей, тогда как в 1913 г. недоимочность равнялась 42% [9, с. 24–25]. С другой стороны, отмечалось усиление досрочного погашения взятых дворянами ссуд. В довоенные годы большая часть досрочного погашения поступала от клиентов, не принадлежавших к дворянству, т. е. главным образом от крестьян [4, с. 173].

Как изменилось положение в годы войны, показывают отчеты Дворянского банка за 1911–1916 гг. Так, в первый и второй годы войны сокращение досрочных платежей приняло весьма значительные размеры: у дворян в 1915 г. – до тре-

ти, а у недворян – даже до четверти довоенной суммы. В этом сказались трудности перестройки хозяйства и приспособления его к усложнившимся условиям военного времени. Положение меняется в 1916 г., когда даже отягощенные ипотечными долгами помещики стали обладателями свободных капиталов. Они внесли в досрочное погашение ссуд не только больше, чем в предыдущем году, но даже на 64,2% больше, чем до войны. Характерно, что должники из недворян, большинство которых составляли крестьяне, тоже усилили досрочное погашение, но они могли довести его только до 61,1% довоенной суммы [4, с. 173; 8, с. 10–11; 9, с. 24–25].

Приведенные данные указывают также на то, что падение доходов у одной части дворянства сопровождалось обогащением другой его части. Это экономическое размежевание дворянства обнаруживается не только в платежах по ссудам. О том же свидетельствуют данные о ходе мобилизации земли, заложенной в Дворянском банке. Так, по данным о мобилизации земли, за восемь довоенных лет дворяне лишились 9,1 млн дес. заложенной в Дворянском банке земли, из них 3,2 млн дес., т. е. треть, были куплены потомственными дворянами. При этом участие дворян в покупках земли не только не уменьшилось, но даже возросло с 34,7 до 43,1%. Заработавшая на войне часть дворян в годы войны усиленно округляла свои владения [4, с. 175].

По сравнению с довоенным временем в три с половиной раза уменьшилось количество земли, покупавшейся в годы войны крестьянами. Доля их в покупках земли сократилась с 31,3 до 17,7%, т. е. почти вдвое. Сократили покупки и мещане. Зато купцы, приобретавшие до войны только по 35,2 тыс. дес. в год, в 1914–1916 гг. покупали по 140,1 тыс. дес. в год. Доля их в покупке дворянских земель с 3,1% возросла до 23,5% [4, с. 173].

Данные Дворянского банка о мобилизации земли дают еще одно весьма надежное средство для решения важнейшего вопроса рассматриваемой темы, а именно вопроса о том, какие помещичьи хозяйства больше всего пострадали от войны. Как свидетельствуют отчеты банка, в 1914–1916 гг. определенного количества заложенных в банке земель (без учета земель, перешедших в руки других собственников) лишились дворяне 43 губерний [4, с. 177].

Имеющиеся данные убеждают в том, что экономические условия военного времени вели к расслоению дворянства. Война ускорила процесс расслоения, и лишь недостаточность экономической дифференциации являлась основой сословного единства дворян, не утратившего своего значения и в годы войны. Однако и в сословной организации дворянства в течение войны произошли значительные перемены, обусловленные, в первую очередь, все тем же процессом экономической дифференциации помещиков, усиления капиталистических начал в хозяйствовании [10, с. 136–148; 11, с. 90–93; 12, с. 27–35].

Выводы

Помещичье хозяйство России имеет многовековую историю. Период Первой мировой войны стал для него последним периодом существования. Несмотря на попытки советских историков представить помещичье хозяйство полукрепостническим пережитком прошлого на примере стабильного роста доходов большинства хозяйств продемонстрировало обратное. Помещичье хозяйство являлось важным элементом многоукладной экономики страны. В период Первой мировой войны оно показало свой значительный экономический потенциал. Однако в период революционных событий 1917 года и Гражданской войны судьба их была отдана в угоду политической конъюнктуре.

Список литературы

1. Ленин В. И. «Соседи по имению» // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Полит. лит., 1967. Т. 20.
2. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. 1923. Т. 5, вып. 2.
3. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М.: Наука, 1969. 396 с.
4. Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны 1914 – февраль 1917 г. М.: Изд-во социально-экон. лит., 1962. 382 с.
5. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917.
6. Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 207 с.
7. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. М., 1921.
8. Отчет государственного земельного банка за 1915 год. Пг., 1916.
9. Отчет государственного дворянского земельного банка за 1916 год. Пг., 1918.
11. Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах). М., 1925. 103 с.
10. Есиков С. А. Воздействие Первой мировой войны на сельское хозяйство // Гуманитарные науки: проблемы и решения: сборник научных статей / под ред. А. А. Слезина. М.; Тамбов: ООО «Центр-пресс»; ООО «ВИП-ГРАФ», 2009. Вып. VI. С. 136–148.
12. Шагин Э. М. Воздействие Первой мировой войны на народное хозяйство России // Россия в мировых войнах XX века: материалы научной конференции / под ред. А. В. Лубкова. М.: Изд-во МГПИУ, 2002. С. 27–35.

References

1. Lenin V. I. "Sosedi po imeniyu" ["Neighbors on the estate"]. Polnoe sobranie sochinenij [Complete collection of works]. 5th ed. Moscow, Polit. lit. Publ., 1967, vol. 20.
2. Pouezdnye itogi Vserossijskoj sel'skohozyajstvennoj perepisi 1917 g. po 57 gubernijam i oblastyam [County-by-county results of the All-Russian Agricultural Census of 1917 for 57 provinces and regions]. *Trudy CSU = Proceedings of the CSU*, 1923, vol. 5, is. 2.
3. Anfimov A. M. Krupnoe pomeshchich'e hozyajstvo Evropejskoj Rossii (koniec XIX – nachalo XX veka) [Large landowner economy of European Russia (late XIX-early XX century)]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 396 p.
4. Anfimov A. M. Rossijskaya derevnya v gody Pervoj mirovoj vojny 1914 – fevral' 1917 g. [Russian village during the First World War 1914-February 1917]. Moscow, Izd-vo social'no-ekon. lit., 1962. 382 p.
5. Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedenij po sel'skomu hozyajstvu Rossii i inostrannyh gosudarstv. God desyatyj [Collection of statistical and economic data on agriculture in Russia and foreign countries. Year ten]. Petrograd, 1917.
6. Anfimov A. M. Zemel'naya аренда v Rossii v nachale XX veka [Land lease in Russia at the beginning of the XX century]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 207 p.
7. Statisticheskij sbornik za 1913–1917 gg [Statistical collection for 1913–1917.], is. 1. Moscow, 1921.
8. Otchet gosudarstvennogo zemel'nogo banka za 1915 god [Report of the State Land Bank for 1915]. Petrograd, 1916.

9. Otchet gosudarstvennogo dvoryanskogo zemel'nogo banka za 1916 god [Report of the State Noble Land Bank for 1916]. Petrograd, 1918.

10. Esikov S. A. [The impact of the First World War on agriculture]. *Gumanitarnye nauki: problemy i resheniya. Sbornik nauchnykh statej* [Humanities: problems and solutions: collection of scientific articles]; ed. by A. A. Slezin. Moscow, Tambov, ООО "Centr-press"; ООО "VIP-GRAF", 2009, is. VI, pp. 136–148. (In Russ.)

11. Rossiya v mirovoj vojne 1914–1918 goda: (v cifrah) [Russia in the World War of 1914–1918: (in figures)]. Moscow, 1925. 103 p.

12. Shchagin E. M. [The impact of the First World War on the national economy of Russia]. *Rossiya v mirovykh voynakh XX veka. Materialy nauchnoj konferencii* [Russia in the World Wars of the XX century. Materials of the scientific conference]; ed. by A. V. Lubkov. Moscow, MGPU Publ., 2002, pp. 27–35. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: kolupaev79@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: kolupaev79@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9438-3430

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2 Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация,
305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>